МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

Краткий
очерк
теории

ПОЛИТИЗДАТ

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

Краткий
очерк
теории

Москва
Издательство
политической
литературы
1980

15.1
М34

Авторский коллектив:
академик П. Н. ФЕДОСЕЕВ (руководитель);
член-корреспондент АН СССР И. Т. ФРОЛОВ;
доктора философских наук В. А. ЛЕКТОРСКИЙ и В. С. ШВЫРЕВ;
кандидат философских наук Б. Г. ЮДИН

М34 **Материалистическая** диалектика: Краткий очерк теории / П. Н. Федосеев, И. Т. Фролов, В. А. Лекторский и др.— М.: Политиздат, 1980.— 287 с.

В коллективном труде раскрывается мировоззренческое значение диалектики, ее роль в развитии науки и практической деятельности, анализируются важнейшие категории диалектики и исследуются диалектико-материалистические принципы объективности, историзма, системности, единства теории и практики.

Книга адресована студентам и преподавателям общественных дисциплин, научным работникам, пропагандистам, всем, кто интересуется проблемами марксистской диалектики.

М $\frac{10502-433}{079(02)-80}$ 146—81 0302020100

15.1
1М

© ПОЛИТИЗДАТ, 1980 г.

ОТ АВТОРОВ

Вопрос о диалектике стал одним из центральных в современном научном познании, в практически-политической, социальной деятельности в процессе перехода общества от капитализма к социализму и коммунизму, наконец, в идеологической борьбе, идущей в мире. Речь идет, разумеется, о материалистической диалектике как ядре марксистско-ленинского мировоззрения. К ней обращаются сегодня ученые — естествоиспытатели и обществоведы, политики и идеологи самых разных направлений, практические деятели буквально всех областей современной жизни. Одни из них ищут в диалектике надежный метод, позволяющий проложить правильный путь в лабиринте фактов и событий современной действительности, постичь истину, раскрывающую смысл этих фактов и событий; другие, напротив, обращаются к диалектике, чтобы «сразить» ее, подорвать тем самым фундамент марксизма-ленинизма, убить его, по выражению В. И. Ленина, «душу живу».

Поэтому на каждом новом этапе развития научного познания и практики вновь и вновь возникает потребность и необходимость обращения к теории диалектики, ее освещения в более или менее систематическом виде.

Классики марксизма-ленинизма, как известно, показали нам блестящие образцы диалектики в действии, конкретного применения ее в теории и практике революционной борьбы. И в этом смысле диалектика «Капитала» К. Маркса, ленинских трудов об империализме, о государстве, революции и т. д.— великий пример работающей диалектики, а вместе с тем и фундаментальный вклад в ее теорию, так как именно здесь К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин в максимальной форме выразили свое понимание сути и значения разработанного ими мировоззрения и метода. Дело, однако, не ограничивается только

этим. Классики марксизма-ленинизма дали нам и теоретические формулировки, и разработки категорий и законов диалектики — отметим хотя бы «Анти-Дюринг» и «Диалектику природы» Ф. Энгельса, «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина. Особое значение имеют в этом отношении «Философские тетради» В. И. Ленина, которые содержат гениальные наброски плана построения общей теории диалектики.

За истекшие годы философы-марксисты проделали немалую работу по реализации этого плана. Главным образом, однако, внимание обращалось не на обобщающие исследования, а на обогащение и расширение проблематики и категориального аппарата материалистической диалектики. Вышел ряд серьезных трудов, посвященных анализу многих фундаментальных проблем диалектики как философской науки. Почти каждая из ее основных категорий стала предметом самостоятельного исследования. Нужно особо отметить успехи в изучении таких категорий, как диалектическое противоречие, количество и качество, форма и содержание, часть и целое, цель и целесообразность, вещь — свойство — отношение, детерминизм, случайность и необходимость и т. д. Интенсивно обсуждался вопрос о принципах построения системы категорий диалектики, появились различные варианты такого рода системы. Вышли книги, в которых предприняты попытки систематического изложения проблем диалектической логики.

Важную роль в разработке теории материалистической диалектики сыграло обращение к научному наследию основоположников диалектического материализма. Изучение проблем диалектики в произведениях классиков марксизма-ленинизма, создание работ, специально посвященных истории марксистской диалектики,— все это было не просто шагом в исследовании истории формирования и развития философии марксизма, но одновременно позволило выявить огромное значение такого исследования для современности.

Интенсивно и плодотворно разрабатывались теоретико-познавательные и методологические проблемы современного научного познания: строение и типология научных теорий, взаимоотношение теоретического и эмпирического уровней научного исследования, логика образования и развития научных понятий, природа и структура различных приемов и методов научного исследования и т. д. Следует отметить работу, проделанную в области иссле-

дования предпосылок и механизмов формирования нового знания в науке, раскрытия сложного процесса согласования теории с объективной действительностью и роли практики в познании.

Значительно слабее разработаны проблемы диалектики как теории развития в природе и обществе. Между тем исследование этих сторон диалектики служит фундаментом ее общей теории, методологической основой для отдельных наук, изучающих разные сферы действительности. Такое исследование показывает эвристическое значение материалистической диалектики, являющейся средством решения узловых проблем науки, осмысления трудностей и парадоксов ее развития, анализа оснований научного знания.

Изучая специфические особенности развития научного знания, анализируя содержание научных открытий с точки зрения выявляющейся в них логической структуры исследования, философы-марксисты исходят из ленинской идеи принципиального единства характеристик бытия, объективной действительности и ее познания. Именно этим объясняется то внимание, которое во все большей мере уделяется сегодня развитию и конкретизации на материале современной науки, например, диалектико-материалистического учения о структуре и свойствах материи. Подробному рассмотрению подвергаются в философской науке такие общие принципы материалистической диалектики, как принцип неисчерпаемости свойств материи, материального единства мира, принципы развития и детерминизма, в которых фиксируются характеристики объективной реальности и вместе с тем исходные установки ее научного познания.

Положительные сдвиги наблюдаются и в области разработки диалектики как методологической основы общественных наук. Вышел ряд трудов, в которых раскрываются объективная логика общественного развития, методологические вопросы социального познания. Однако исследование диалектики социальных процессов не получило еще необходимого размаха и глубины. Между тем процессы, происходящие в современном мире и имеющие исключительно многосторонний и противоречивый характер,— борьба между противоположными социальными системами и мирное сосуществование государств с различной социально-экономической структурой, бурное развертывание научно-технической революции и необходимость решения глобальных проблем, сохранение естественных

условий обитания человечества, выход на историческую арену освободившихся от колониальной зависимости стран, перед которыми открывается перспектива некапиталистического пути развития, специфика диалектического развития зрелого социалистического общества и его перерастания в коммунизм, закономерности свободного и всестороннего развития человека — все эти сложные взаимодействующие, переплетающиеся и вместе с тем не совпадающие друг с другом процессы предъявляют исключительно высокие требования к философско-методологической культуре ученого, пытающегося их исследовать. Без понимания диалектики социальной действительности, места в ней противоречий разного типа, взаимоотношения прогресса и регресса, диалектической связи законов функционирования социальных структур, их генезиса и развития невозможно построить целостную научную картину современной эпохи. Овладение методологическим аппаратом социального познания предполагает специальное исследование логики образования и применения понятий в общественных науках. Это обязывает уделять еще большее внимание исследованию диалектики как методологии обществознания, диалектики социальных процессов. Социальный аспект теории диалектики составляет необходимое условие общего продвижения вперед в развитии ее как философской науки.

Перед философами, разрабатывающими теорию материалистической диалектики, стоят ныне новые задачи. В первую очередь речь идет о построении теории материалистической диалектики как целостной философской системы в единстве ее мировоззренческих и методологических аспектов. Задача выработки обобщенной картины, характеризующей категориальный строй современного научного мышления, взаимодействие природных и социальных процессов, актуальна и важна; вместе с тем и состояние исследований в этой области делает возможной не только постановку, но и решение такой задачи.

Понятно, что работа по построению материалистической диалектики в виде целостной мировоззренческой и методологической системы может быть научно значимой лишь в том случае, если она осуществляется в тесной связи с содержательным проблемным исследованием, с анализом актуальных мировоззренческих и методологических вопросов. Наука, общественная практика не стоят на месте, они постоянно изменяются, выдвигают новые проблемы, поэтому не могут не изменяться, не обога-

щаться новым содержанием и отражающие их категории диалектики. Материалистическая диалектика, будучи самым всесторонним и глубоким учением о развитии, постоянно развивается сама, ибо она теснейшим образом связана с живой действительностью, с деятельностью прогрессивных сил человечества по познанию и преобразованию мира. В этом залог ее плодотворности и подлинной научности.

Таким образом, построение теории материалистической диалектики в виде целостной философской системы предполагает не только синтез, не только обобщение и систематизацию достигнутого, но и аналитическую, исследовательскую деятельность, творческую разработку целого ряда принципиальных проблем. Особенности развития современного научного познания, практика социально-политических преобразований, развертывание научно-технической революции требуют обсуждения на новом уровне некоторых существенных вопросов, относящихся к этой области марксистского философского знания, углубленного анализа тех методов, которые делают исследования в области теории диалектики действительно плодотворными.

Сегодня к этому приковано внимание больших коллективов философов-марксистов как в нашей стране, так и за рубежом. И нет сомнения в том, что их настойчивые усилия увенчаются новыми достижениями в разработке теории материалистической диалектики. По-видимому, не всегда и не во всем получаемые результаты будут совпадать друг с другом. Главное — в том, чтобы они по-настоящему обогащали общую теорию материалистической диалектики и вели к единой цели: наиболее полному проявлению творческой сущности диалектики, утверждению и развитию ее научного содержания.

Предлагаемая вниманию читателей книга — одна из таких попыток изложения общей теории материалистической диалектики. Это вместе с тем лишь краткий очерк теории, что, конечно, ограничивало задачу авторов и делало ее во многих случаях трудновыполнимой.

Сознавая всю сложность поставленной задачи, авторы надеются тем не менее, что проделанный ими труд внесет свой вклад в конкретные поиски и обсуждение путей разработки теории материалистической диалектики. Предполагая и дальше вести работу в данном направлении, авторы будут весьма признательны за все критические замечания и предложения, которые последуют после прочтения этой книги.

Введение

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА КАК НАУКА, ЕЕ МЕСТО И ФУНКЦИИ В СИСТЕМЕ ДРУГИХ НАУК

Материалистическая диалектика — наука о наиболее общих законах *развития* природы, общества и мышления, теория и метод познания действительности — включает в себя учение о противоречиях бытия и мышления, всеобщей связи и взаимодействии явлений, переходе количественных изменений в качественные, перерывах постепенности, скачках, отрицании отрицания, преемственности при переходе на новую ступень развития и т. п. Как философская наука, диалектика имеет длительную историю, уходя корнями во времена античности и будучи как бы заново открытой (правда, в идеалистической форме) в трудах представителей немецкой классической философии (Канта, Фихте, Шеллинга и в особенности Гегеля). В своей современной — материалистической — форме диалектика, как известно, была разработана К. Марксом и Ф. Энгельсом и развита далее В. И. Лениным в ходе анализа и обобщения общественной практики, достижений теоретического естествознания и, разумеется, самого философского познания.

Сегодня нет философской доктрины, которая могла бы претендовать на роль, играемую марксистской диалектикой в жизни и в науке. Разрабатываемое коллективными усилиями коммунистических партий, их теоретических кадров, марксистско-ленинское учение и его неотъемлемая часть — материалистическая диалектика — служат бесценным инструментом научного решения новых вопросов, выдвигаемых историческим развитием и прогрессом современного научного знания.

Хорошо известно то исключительное значение, которое классики марксизма-ленинизма придавали материалистической диалектике в системе научных взглядов марксизма. На всех этапах своей деятельности К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин постоянно обращались к мате-

риалистической диалектике, видя в ней то незаменимое теоретическое оружие, владение которым делает человеческую мысль столь же гибкой и подвижной, как и сама жизнь. Они ставили творческий характер марксистской науки в прямую связь с ее методом, усматривая в диалектике то «беспокойное» начало в марксизме, которое движет его вперед, способствуя связи теории с социальной и научной практикой. Диалектику В. И. Ленин считал самым глубоким и всесторонним учением о развитии природной и социальной действительности, тем коренным основанием, которое придает марксистскому учению творческий, революционно-критический дух, дух неукротимого и беспрестанного движения вперед. В ней он видел залог успешного решения сложнейших политических и социально-экономических проблем, выдвигаемых историческим процессом. Глубоко закономерным является тот факт, что накануне и в процессе создания теории империализма, которая вооружила Коммунистическую партию ясным пониманием особенностей новой эпохи и позволила ей выработать правильную политическую линию, приведшую к победе Великой Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин специально занимался проблемами диалектики.

Диалектика — это сердцевина, суть целостного философского мировоззрения и методологии теоретической и практической деятельности. Лишь в результате применения диалектического метода могли быть созданы основополагающие труды классиков марксизма-ленинизма, в которых раскрываются закономерности общественного развития, обосновывается программа борьбы рабочего класса с системой капиталистической эксплуатации, намечаются пути построения социализма и коммунизма. Оружие материалистической диалектики всегда с успехом применялось коммунистическими партиями для анализа сложнейших социально-политических ситуаций, для разработки стратегии и тактики революционной деятельности. Вместе с тем и развитие научного познания делает все более очевидным тот факт, что именно материалистическая диалектика является единственно адекватным способом осознания изменений в современной науке, во взаимоотношениях ее с техникой и обществом, т. е. изменений, воплотившихся в феномене научно-технической революции.

Марксистско-ленинская диалектика — партийная наука. Это значит, что она выражает коренные, глубинные

интересы самой передовой социальной силы современности — рабочего класса. Это значит, что разработка проблем диалектики марксизма предполагает последовательное проведение четкой материалистической позиции, беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма, со всякими ревизионистскими отступлениями от принципов марксизма-ленинизма. Как писал К. Маркс, «в своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» [1]. Поэтому разработка и использование материалистической диалектики означают занятие активной социальной классовой позиции, сознательное включение в идеологическую и политическую борьбу, ориентацию на социалистический и коммунистический идеал общественного развития.

В то же время одним из основополагающих принципов материалистической диалектики является объективность исследования. Диалектика марксизма — это строгая наука, не терпящая ни малейшего субъективизма, волюнтаризма, искажения реального положения, смешения желаемого и действительного. Трезвый и точный анализ объективной ситуации — вот к чему она обязывает исследователя.

Однако объективность, научность диалектики радикально отличается от буржуазного объективизма. Специфика марксистско-ленинского диалектического анализа состоит в том, что объективное исследование доводится до определенных классовых, партийных выводов, ориентирующих практическую деятельность. Марксист «последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм» [2], вскрывая противоречивость общественного развития, понимая законы истории как законы активной деятельности людей, борьбы классов.

Объективное объяснение мира материалистическая диалектика, по определению В. И. Ленина, доводит до выводов о его активной переделке. «Становясь на эту точку зрения объективизма классовой борьбы, я нисколько не

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 22.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 418.

оправдываю действительности, а напротив указываю в *самой* этой действительности самые глубокие... источники и силы ее преобразования» [1]. Таким образом, партийность и объективность, научность материалистической диалектики неразрывно связаны между собой и неотделимы друг от друга.

Объективный, научный и вместе с тем партийный характер материалистической диалектики можно глубоко осознать лишь в тесной связи с тем социально-историческим контекстом, в котором она функционирует. Поэтому, только философски обобщая проблемы, выдвигаемые современной наукой и социальной практикой, можно плодотворно работать над обогащением самой теории диалектики, видеть, как совершенствуется и развивается ее категориальный аппарат, в каких направлениях перестраивается ее собственная проблематика, намечать новые подходы, способствующие разработке ее новых идей.

Научно-техническая революция со всей остротой ставит проблему анализа логической структуры науки, в частности выявления логической функции категорий диалектики в производстве научного знания. И дело здесь не только в том, что изменившаяся социальная роль науки выдвигает перед обществом в качестве практической и первоочередной задачу управления наукой, которое, в свою очередь, предполагает познание последней. Особая важность анализа логики науки продиктована также тем обстоятельством, что научно-техническая революция в качестве своего необходимого компонента включает глубокие изменения в самой логической структуре науки. Марксистский подход предполагает анализ развития форм познания, перехода от донаучного познания к научному, взаимодействия научного и обыденного познания. Выявление же той категориальной структуры, которая специфически характеризует современную науку, предполагает исследование предшествовавших структур. Словом, изучение категорий диалектики как аппарата современного научного мышления осуществляется на основе исторического подхода к анализу познания, того подхода, о важности которого не уставали говорить К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин. И только на этом пути можно выявить содержательную структуру диалектики как системы, логическую взаимосвязь ее категорий и законов.

Исключительно актуальной поэтому является мысль В. И. Ленина о том, что марксистская теория познания и

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 101.

диалектика должны сложиться из таких областей знания, как история философии, история познания вообще, история отдельных наук, история умственного развития ребенка и животных, история языка, психология и физиология органов чувств [1]. В. И. Ленин подчеркивал невозможность теоретической разработки диалектики марксизма без исторического подхода к анализу познания, а этот подход предполагает анализ науки — прежде всего под генетическим углом зрения (поэтому и выделена история «отдельных наук»), но не сводится к исследованию лишь истории науки, а включает в себя всю «историю познания вообще» (в том числе историю философии, историю языка), историю индивидуального познания в виде умственного развития ребенка и животных, психологию и т. д. Нужна «история мысли с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий логики» [2],— писал В. И. Ленин.

Иными словами, речь идет о широкой программе марксистского исследования онтогенеза и филогенеза человеческого познания в их взаимодействии, о задаче диалектико-материалистического решения тех проблем, которые в свое время идеалистически разрабатывал Гегель в «Феноменологии духа». Как известно, последняя послужила содержательной базой для построения системы идеалистической диалектики в «Науке логики». Между тем в философских обобщениях истории индивидуального и общественного познания с позиций марксизма-ленинизма предстоит сделать еще очень многое. По-видимому, недостаточная разработанность этого круга вопросов является одной из причин того, что предпринимавшиеся до сих пор попытки построения целостной системы материалистической диалектики не увенчались должным успехом, а в ряде случаев они шли по пути схоластического теоретизирования, не опирались на реальную практику познания.

Вместе с тем материалистическая диалектика обобщает результаты исторического развития не только познания, но также всех форм культуры (в частности, художественного и нравственного освоения действительности) и социально-практической деятельности.

Материалистическая диалектика — это не только мировоззрение и методология научного познания. Она — и с успехом используемый научный метод практически-политического действия, направленного на революционное

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 314.
[2] Там же, с. 159.

преобразование общества, и выражение принципиальных характеристик всякого творчества, в какой бы области деятельности оно ни осуществлялось.

Поэтому исследование проблем теории диалектики марксизма предполагает рассмотрение развития научного познания в самом широком социально-культурном контексте и наряду с этим специальную работу по философскому осмыслению диалектики социально-культурной деятельности, практического преобразования мира.

В связи с этим встает фундаментальный вопрос: в чем специфика теории материалистической диалектики? Чем она отличается от других теоретических построений науки? Известно, что всякая теория является высшим типом синтеза научного знания. Нет ни одной науки, которая не пыталась бы осмысливать установленные ею факты и закономерности на теоретическом уровне. Однако разные науки характеризуются теориями разного рода с точки зрения логики их строения.

С одной стороны, можно выделить дедуктивные теории как одну из форм организации знания в некоторых математических и логико-математических науках. Построение этих систем в значительной мере определяется всякого рода формальными соображениями и критериями: большую роль в оценке таких теорий играют требования логической непротиворечивости, как правило, здесь не производится непосредственного сопоставления теоретических построений с эмпирическими фактами, с данными практики (практика выступает как критерий истины в этом случае весьма опосредствованным образом). С другой стороны, в ряде наук теория фигурирует лишь в качестве собрания отдельных принципов, законов, связи между которыми выявлены довольно слабо. Наконец, существует группа наук — и она наиболее многочисленна,— в которых теоретические построения имеют две особенности: во-первых, они отражают внутреннюю логическую связь между принципами и другими положениями теории, содержат определенные эвристические правила, позволяющие развертывать данную систему, не обращаясь всякий раз к эмпирии; во-вторых, сама теоретическая система в целом служит для объяснения известных эмпирических данных и для предсказания будущих фактов и вне этого отношения к эмпирии лишена смысла.

Материалистическая диалектика как наука разрабатывается и развивается на основе обобщения огромного фактического материала. Во-первых, диалектика учиты-

вает фактический материал не отдельной области объективного мира, а совокупность фактов бытия природы и всемирно-исторической практики; во-вторых, она опирается на накопленные знания не одной какой-либо науки, а всего человеческого познания, на данные его истории и современные достижения научного прогресса.

Контакт с современной наукой, с социальной практикой — необходимое условие плодотворности философского исследования. Вместе с тем диалектика представляет собой развитую и разветвленную теоретическую систему, компоненты которой связаны между собой определенными внутренними логическими зависимостями. Выявление этих логических связей занимает видное место в исследованиях по теории диалектики.

Нужно заметить, что существуют разные уровни разработки материалистической диалектики. Один из них связан с анализом конкретных механизмов действия законов и категорий диалектики в разных сферах объективной действительности и в различных соответствующих им научных дисциплинах. Эти вопросы принято выделять как философские проблемы естествознания, философско-методологические проблемы общественных наук, вопросы диалектики социального развития. Другой уровень — это разработка собственно теории материалистической диалектики, ее категориального аппарата, выявление внутренних системных зависимостей ее компонентов. Успех исследований проблем материалистической диалектики в целом в значительной мере обеспечивается взаимодействием этих разных уровней анализа.

Таким образом, плодотворная разработка диалектики как теоретического ядра всей философии марксизма-ленинизма предполагает постоянную ассимиляцию и осмысление на общетеоретическом уровне достижений других разделов марксистской философской науки, прежде всего тех, которые занимаются специальным изучением философских проблем естествознания, анализом диалектики общественного развития и т. д. В свою очередь, эти исследования могут вносить вклад в приращение философского знания в области материалистической диалектики лишь в том случае, если анализ частных вопросов сопровождается выходом в общую проблематику, что предполагает знание результатов, достигнутых в разработке проблем теории диалектики, и умение научно оперировать диалектическими категориями. Лишь выполнение этих условий способно уберечь философское исследование, с одной стороны, от

абстрактного схоластического теоретизирования, оторванного от реальных проблем науки и социальной практики, а с другой — от простого воспроизведения в позитивистском стиле последних достижений естественных наук под видом их философского обобщения.

Любая частнонаучная теория относится к ограниченной сфере реальности и исходит из некоторых предпосылок, принимаемых ею как данные, неанализируемые (результаты других научных теорий, экспериментальный материал, зафиксированный в категориях обыденного языка, определенные представления об условиях приемлемости научной теории и т. д.). Материалистическая диалектика призвана выявить всеобщие характеристики бытия и всеобщие основания всякого знания, что позволяет рассматривать вопрос о степени обоснованности, достоверности любого конкретного вида знания. При этом для диалектики важен не просто сам полученный ею результат, т. е. ответ на вопрос, каковы всеобщие характеристики бытия и познания, но и ведущий к нему путь, способ обоснования этого результата, способ самого формулирования проблем.

Поскольку решение вопроса о том, каковы всеобщие характеристики бытия и познания, не является чем-то общепризнанным и очевидным, поскольку этот вопрос затрагивает глубинные основания мировоззрения и вокруг него ведется острая идеологическая борьба, постольку развертывание содержания материалистической диалектики и обоснование предлагаемых ею решений предполагает преодоление иных точек зрения и их развернутую теоретическую критику. Поэтому-то теория диалектики и не может строиться по образцу специальных наук: как простая дедуктивная теоретическая система, как простое выведение логических следствий из некоторых наперед заданных аксиом и последующее сопоставление этих следствий с эмпирическими фактами. Теория диалектики представляет собою такой последовательный теоретический анализ, который включает обоснование самой постановки проблемы, развернутое обсуждение путей ее решения, выявление всех трудностей анализа, критическое преодоление иных точек зрения.

Способы теоретического анализа в материалистической диалектике в корне отличны как от спекулятивного философствования, так и от позитивистского отрицания мировоззренческой специфики философии. И это со всей убедительностью проявляется в вопросе о соотношении

диалектико-материалистической философии и конкретных наук о природе, обществе и мышлении.

Как известно, спекулятивная философия на протяжении веков решала свои мировоззренческие задачи, строила свою «абсолютную модель мира», не опираясь в должной мере на частнонаучное знание. В рамках этой модели она предлагала не только объяснение «предельных оснований» философской мысли, исходной «первосущности» и пр., т. е. всего того, что составляло арсенал собственно «метафизики», но и нередко пыталась дать решение вопросов, входящих в компетенцию специальных наук. Так возникла натурфилософия, которая, по словам Ф. Энгельса, «заменяла неизвестные еще ей действительные связи явлений идеальными, фантастическими связями и замещала недостающие факты вымыслами, пополняя действительные пробелы лишь в воображении. При этом ею были высказаны многие гениальные мысли и предугаданы многие позднейшие открытия, но не мало также было наговорено и вздора» [1].

Спекулятивная философия в своем существе оставалась только лишь идеологическим феноменом и не получала достаточного научного обоснования. Развитие специально-научного знания, прогресс теоретизации специальных наук, прежде всего естествознания, нанесли смертельный удар подобного рода спекулятивному философствованию. В условиях развитого специально-научного знания, когда, по выражению Ф. Энгельса, «перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах» [2], теряется всякое основание для спекулятивного философствования, для попыток решения проблем за специальную науку или в соперничестве с ней. Прежнее понимание философии как теоретического «всезнания» о «мире в целом», которое исходило из некой «абсолютной модели мира», задаваемой потребностями осуществления мировоззренческой функции в противопоставлении специально-научному знанию, в этой ситуации становилось уже невозможным.

В рамках буржуазной философской мысли XIX—XX вв. реакцией на это положение дел было, с одной стороны, появление и развитие позитивизма, с другой стороны, возникновение откровенно антисциентистских на-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 304—305.

[2] Там же, т. 20, с. 25.

правлений типа философии жизни и экзистенциализма. Позитивизм провозгласил идею о том, что философия, если она хочет быть научной, может выступать только как некоторая специфическая форма конкретно-научного знания, как его интеграция (ранний позитивизм) или как метод анализа (неопозитивизм). Антисциентистские же направления в философии утверждали, что философия представляет собой особый тип знания, отличный от науки и проникающий в такие сферы бытия, которые не доступны науке. По существу, обе эти позиции исходили из своеобразного принципа дополнительности в трактовке соотношения философии и частных наук: или научность, и тогда невозможно решение принципиальных мировоззренческих проблем, или такой тип сознания, который способен дать какую-то ориентацию в этих вопросах, но не допускает научного обоснования и не нуждается в нем.

Современный логический позитивизм по своему негативному отношению к возможностям философского познания в принципе мало чем отличается от традиционных позитивистских концепций XIX в. Точно так же и натурфилософские идеи сегодня, по сути дела, не выходят за рамки спекулятивной классической философии, уступая ей в широте и оригинальности мысли.

Среди западных философов и науковедов за последнее время, особенно в связи с XVI Всемирным философским конгрессом (август — сентябрь 1978 г., Дюссельдорф, ФРГ), заметно усилилась проповедь тезиса, будто формализация знания, математизация его, распространение методов кибернетики и моделирования, автоматизация эксперимента и проектирования ведут к падению значимости мировоззренческих и методологических вопросов, к сужению места и роли философии в системе научного познания. Многие буржуазные философы отрицают научный характер философии вообще и диалектического материализма в частности, противопоставляют философское мышление научному анализу, философское постижение мира — частнонаучному познанию. Это стремление отделить философию от науки обусловлено прежде всего попытками деидеологизировать науку, «очистить» ее от мировоззренческих, идеологических элементов, а стало быть, выключить науку из контекста современной социальной борьбы. Ведь если признать философию наукой, то отсюда с неизбежностью следует, что, с одной стороны, возможно единство методологических принципов различных видов познавательного отношения человека к миру,

а с другой — возможно строгое, доказательное философское исследование и решение принципиальных мировоззренческих вопросов. Тем самым обнаруживает свою несостоятельность тот познавательный и практический релятивизм, тот принципиальный плюрализм ви́дения мира, который является одной из основных догм современного философского субъективизма и идеализма.

Нетру́дно заметить, что отрицание научного характера философии и утверждение принципиального плюрализма (множественности) философских систем являются специфическим приемом борьбы буржуазных теоретиков с марксистско-ленинской философией. Однако, сколько бы буржуазные философы ни нападали на диалектический материализм, они так или иначе вынуждены признавать, что в лице марксистско-ленинской философии создана строго логически обоснованная система взглядов, утверждений, законов. Будучи не в состоянии, так сказать, изнутри, теоретически и логически опровергнуть научный характер диалектического материализма и потому уходя от критики по существу, многие из них с помощью тезиса о принципиальном плюрализме философских систем пытаются растворить диалектический материализм среди всех и всяческих философских «измов».

Характеризуя взаимоотношения философии и специальных наук, мы исходим из неправомерности противопоставления философии, науки и идеологии как качественно различных форм освоения действительности. Идеологическая, мировоззренческая функция диалектико-материалистической философии не исключает ее научного значения, а предполагает его. Именно научным содержанием философии обеспечивается органическая ее связь с конкретными науками о природе, обществе и мышлении.

Выдающимся образцом такой органической связи философского исследования с частнонаучным является труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», созданный более 70 лет назад. В центре внимания В. И. Ленина было философское обобщение наметившихся на рубеже XIX—XX вв. новых тенденций в развитии научного познания. Великие открытия конца XIX — начала XX в. вместе с крахом механистического мировоззрения, кризисом метафизического материализма вели, как казалось многим, также и к крушению господствовавшего ранее идеала объективно-истинного научного знания. В этой ситуации была необходима прежде всего защита положений материализма от натиска идеалистических идей, ин-

тенсивно просачивавшихся в теоретическое естествознание в связи с революционной ломкой сложившейся к тому времени научной картины мира. Вместе с тем начавшаяся революция в естествознании требовала изменения формы самого материализма, такого изменения, которое сделало бы материализм адекватным новому естественнонаучному содержанию и которое, вобрав в себя результаты этой революции, привело бы к обогащению и собственного содержания материалистической диалектики, к развитию философских представлений о природе и закономерностях ее познания.

Неразрывная связь исследования философских проблем естествознания с разработкой теории материалистической диалектики — одна из наиболее характерных особенностей ленинского подхода к философскому осмыслению достижений науки. Важнейшее значение здесь имела кропотливая работа В. И. Ленина по анализу и разъяснению содержания основных понятий философского материализма, этих, как он говорил, «азбучных положений марксизма». В. И. Ленин практически положил начало научному марксистскому анализу фундаментальных понятий нового естествознания. Учет этой стороны его работы позволяет лучше понять, почему «Материализм и эмпириокритицизм» так близок по духу современной науке с ее стремлением к выяснению смысла фундаментальных понятий и принципов.

Указания В. И. Ленина о необходимости «разрабатывать» диалектику «со всех сторон» приходится напоминать, ибо и сейчас находятся философы, которые готовы свести функцию философии к методологическим выводам из последних данных частных наук, предавая забвению задачу разработки самой философии и превратно толкуя союз философов с естествоиспытателями как растворение философии в отдельных науках. По существу, это явная уступка позитивизму в ущерб диалектическому материализму.

Другая особенность, пронизывающая ленинский анализ философских проблем естествознания,— это органическое сочетание исключительного внимания к конкретным достижениям науки с предельно бережным отношением к фундаментальным принципам и идеям диалектического материализма. В. И. Ленин всегда исходил из признания ценности новых естественнонаучных концепций своего времени, не пытался никоим образом «подправлять» естествознание — за него и вместо него решать естествен-

ненаучные проблемы. Он четко выделял для дискуссии и обсуждения именно философские вопросы, решительно выступая против изжившего себя натурфилософского, а также позитивистского вмешательства в конкретные вопросы познания. «Само собою разумеется,— отмечал он,— что, разбирая вопрос о связи одной школы новейших физиков с возрождением философского идеализма, мы далеки от мысли касаться специальных учений физики. Нас интересуют исключительно гносеологические выводы из некоторых определенных положений и общеизвестных открытий» [1].

Ориентируя ученых-марксистов на учет и осмысление всего нового, что дается развитием научного знания, В. И. Ленин в то же время всегда подчеркивал, что имеются такие философские положения, которые пересмотру не подлежат, что отказ от них приводит к отказу от материализма и науки вообще.

Так, критикуя махистов, которые отвергали материалистическую точку зрения на том основании, что представления Ф. Энгельса о «чистом» пространстве и времени теперь уже устарели, В. И. Ленин указывал, что махисты смешивают изменяемость человеческих понятий о пространстве и времени, их исключительно относительный характер с неизменностью того факта, что человек и природа существуют только во времени и пространстве [2]. Существенно и то, что В. И. Ленин проводил различие между философами-профессионалами, проповедующими идеализм, и естествоиспытателями, допускающими путаные (и просто ошибочные) философские высказывания.

Особенно рельефно этот подход выступает, например, в отношении В. И. Ленина к великому немецкому физику Г. Герцу. Во введении к своей «Механике» Герц формулирует целый ряд философских положений, часть которых имеет явный привкус идеализма. Неудивительно, что за эти высказывания Герца ухватились философы-идеалисты (Г. Коген, Г. Клейнпетер и другие). За эти высказывания мог бы ухватиться и иной не очень вдумчивый критик-материалист, зачислив Герца по ведомству идеализма. Чрезвычайно поучительна поэтому ленинская оценка Герца: «На самом деле, философское введение Г. Герца к его «Механике» показывает обычную точку зрения естествоиспытателя, напуганного профессорским воем против «ме-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 266.
[2] См. там же, с. 192—193.

тафизики» материализма, но никак не могущего преодолеть стихийного убеждения в реальности внешнего мира» [1].

Как видим, В. И. Ленин, критикуя философов-идеалистов, не проходит мимо идеалистических заблуждений крупных естествоиспытателей, раскрывает источник этих заблуждений, указывает пути их преодоления, опираясь на естественноисторические традиции.

Наконец, третья характерная особенность ленинского подхода к философскому осмыслению новейших данных естествознания — глубокий анализ социальных и гносеологических корней идеализма. Всякий идеализм, а спекулирующий на науке в особенности, опирается на раздувание, абсолютизацию тех или иных моментов нашего познания внешнего мира. Действенная критика и преодоление идеализма не могут поэтому состоять в его «зряшном» отбрасывании, а должны исходить из диалектико-материалистического решения тех вопросов, которые в извращенной форме идеализм поставил. Иначе говоря, критика идеализма должна опираться на творческое развитие научной философии, на решение тех вопросов, которые ставит современное естествознание, но с которыми не могут «сладить» различные идеалистические течения.

В. И. Ленин дал блестящие образцы именно такого подхода. Его критика идеалистических спекуляций об «исчезновении материи» опиралась на развитие им диалектико-материалистического понятия материи, критика философского релятивизма — на развитие диалектической концепции истины и т. д.

Таким образом, как это видно из ленинского анализа, диалектический материализм утверждает новые по своему содержанию связи философии с конкретными науками. Основанные на этой концепции методологические принципы многократно демонстрировали свою высокую эффективность в современной науке. Такие методологические принципы, разумеется, не навязываются науке извне. Они вырастают на почве науки и сохраняют свою силу лишь тогда, когда применяются научно.

Осмысление всеобщих законов развития объективного мира и мышления в теории материалистической диалектики представляет собой итог, сумму, вывод истории познания мира. Разработка теоретических основ этого мировоззрения в теории материалистической диалектики яв-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 301.

ляется не чем иным, как развитием и углублением теоретической мысли до решения коренных проблем отношения бытия и сознания, выявления всеобщих законов развития природного и общественного бытия. Специфика материалистической диалектики и состоит в постоянной ориентации научно-теоретической мысли на эти коренные, глубинные проблемы.

Это означает, что, в отличие от натурфилософии, диалектико-материалистическое учение рассматривает свой объект, не подменяя конкретно-научное познание, но трактуя его данные как итог взаимодействия субъекта и объекта. Само собой разумеется, что в основе такого взаимодействия лежит объективная реальность, существующая вне и независимо от познания.

Свою роль материалистическая диалектика может выполнить, включаясь в единый поток познания, вскрывая всеобщее в отдельном, в специфическом. В этом состоит *мировоззренческая* задача диалектики. Она решается путем теоретической интерпретации конкретного, специфического знания с включением его в общую систему мировоззрения. Здесь осуществляется такое движение от конкретного знания, которое, разумеется, не является механическим суммированием достижений последнего, но имеет характер исследования. Ведь постижение всеобщего как конкретно-всеобщего требует сложной обобщающей, аналитико-синтетической работы мышления. Всеобщее оказывается результатом сравнительно-исторического исследования реальности, дающего новое, более глубокое знание о конкретном, специфическом.

Известно, что только после выяснения всеобщих законов возможно, как правило, подлинно научное осознание частного, специфического закона, его сущности, места и роли в общем взаимодействии процессов объективного мира и его познания. Отсюда и вытекает действенная роль философского знания, связанная с его движением к конкретным наукам. Общие законы и категории материалистической диалектики в этом случае приобретают характер методологических предпосылок, принципов научного познания.

Эта роль всеобщей *методологии науки,* которую выполняет материалистическая диалектика, не только не противопоставляется мировоззренческой, но логически вытекает из нее, образуя с ней единство, рассматриваемое лишь в разных отношениях. Материалистическая диалектика выступает как всеобщий метод, как теория и логика

познания. Отсюда следуют и более конкретные функции диалектики в отношении к науке.

Во-первых, это — обобщение достигнутых знаний и выявление общих принципов, лежащих в их основе. Каждая наука имеет целью открытие законов и потому занимается обобщением, ибо именно из сравнения и сопоставления научных данных и практики выводятся законы. Однако в каждой конкретной науке обобщение относится лишь к той области, которая изучается данной наукой.

Из всех специальных наук наиболее широкие обобщения дает математика. Ее методы и аппарат применимы во многих областях знания: в экономике, астрономии, социологии, биологии и др. В наиболее развитых областях теоретического естествознания математика стала основной формой выражения соответствующих закономерностей природы. Однако сами по себе математические обобщения, несмотря на очень широкую сферу их применения и огромные возможности для анализа отношений, не могут считаться всеобъемлющими, всеобщими.

Большую роль в обобщении научных данных играют логика и другие общенаучные концепции и методы типа кибернетики, теории информации, теории управления и т. д. Однако развитие математических, логических и специально-научных средств обобщения не умаляет, а усиливает значение философского синтеза человеческих знаний.

Особенность философских обобщений состоит в том, что они носят всеобщий, универсальный характер. Теоретические принципы и обобщения философии охватывают как количественные, так и качественные, как эволюционные, так и революционные изменения, как сходство, тождество, так и различие явлений и процессов.

Во-вторых, это — научно-эвристическая роль диалектики, ее вклад в прирост нового знания. Философская интерпретация научных данных понимается нами как познание все более глубоких и более общих связей и форм взаимозависимости явлений, таких связей и взаимозависимостей, которые могут быть сформулированы только в результате философского исследования. Материалистическая диалектика не претендует на решение специфических проблем конкретных наук, но она развивается в тесном контакте с последними, раскрывает в своих понятиях и категориях логику научного познания, т. е. процессы, носящие в своей сущности и в своем содержании глубоко

диалектический характер, и тем самым служит методологической основой развития науки.

На примере трудов классиков марксизма-ленинизма мы видим, что подлинно научное обобщение данных науки и общественной жизни ведет к выработке и обоснованию принципиально новых понятий и идей фундаментального значения. Напомним в этой связи о громадном значении выработанного К. Марксом понятия общественно-экономической формации как закономерной ступени исторического развития человеческого общества. Марксистско-ленинская концепция исторического процесса, основанная на понятии общественно-экономической формации, явилась незыблемой основой научного познания социальных явлений. Можно сослаться и на то, как В. И. Ленин, обобщая новейшие достижения физики начала XX в., пришел к выводу, что электрон так же неисчерпаем, как и атом. Это обобщение явилось выдающимся философским открытием, нашедшим подтверждение в последующем развитии естествознания.

В-третьих, диалектика служит орудием синтезирования всего наличного знания, методологическим центром связи и взаимовлияния различных научных дисциплин, выработки некоторого «цельного», гармонического взгляда на мир, человеческую жизнь и познание.

Для развития современного знания характерны не только углубляющаяся дифференциация наук, выделение новых дисциплин, но и тенденции к объединению разобщенных отраслей знания в единую общую систему. Более того, синтетический характер современной науки выражается, в частности, в возникновении и плодотворном развитии новых наук, возникающих на стыке отдельных научных дисциплин (физическая химия, химическая физика, биохимия, биофизика и т. д.). Тенденция к синтезу знания выражается также в сближении наук о природе с обществоведением, взаимном их обогащении. Именно эта тенденция к интеграции знания позволяет выработать единую и целостную научную картину мира, о чем писал В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме».

Подчеркивая единство науки, мы имеем в виду не ликвидацию исторически сложившихся разделов знания, а прежде всего единство методологических основ, позволяющих окончательно преодолеть вековую разобщенность отдельных наук и дать научное обоснование принципов координации и кооперирования научных исследований. Такое единство методологических основ и дает диалекти-

ческий материализм — научное, синтетическое по своей природе мировоззрение.

Говоря о материалистической диалектике как логике и методологии науки, важно учитывать, что в методологии науки, как она сложилась на сегодняшний день, существуют различные уровни исследования с присущими им методами и средствами анализа познавательного процесса. Далеко не все из них могут и должны быть отнесены непосредственно к разряду философских. Значительная часть тех методологических разработок, которая осуществляется с помощью нефилософских методов и средств (например, с помощью формально-логических методов), обладает всеми существенными признаками конкретно-научного знания и не может претендовать на роль всеобщей методологии науки. Эту функцию может взять на себя только философия. И именно материалистическая диалектика осуществляет ее в современных условиях наиболее эффективным образом. Изучая природу и возможности научного познания, отношение научного знания к действительности, марксистско-ленинская философия ориентируется на поиск всеобщих оснований науки, условий истинности и достоверности научного знания, предпосылок и механизмов его формирования; тем самым объективно она выступает в роли всеобщей методологии научного познания.

В отличие от специально-научных приемов и методов анализа научного знания, касающихся отдельных сторон познавательного процесса, материалистическая диалектика все методологические проблемы рассматривает с точки зрения *основных характеристик человеческого отношения к миру,* т. е. в форме проблемы субъекта — объекта. Само знание рассматривается в материалистической диалектике как момент, сторона более богатого целого, включающего различные формы человеческого отношения к реальности в контексте всей социальной жизнедеятельности, в основе которой лежит производственная деятельность общественного человека. Такое понимание научного познания предполагает исследование социальной опосредствованности познавательного процесса, роли языка как средства общения и познания, тех способов оперирования с вещами, которые были выработаны предшествующим развитием человеческой культуры, анализ возможностей познания в зависимости от включенности его в разные типы социальной деятельности, выражающие, в частности, практику разных классов.

Диалектика как методология не является простой системой общих формальных правил познания, применимых в неизменном виде в любой области науки. Она, по выражению Гегеля, «душа и понятие содержания», «внутренняя форма», в которой движутся осознанные результаты конкретного научного исследования, выступающие (после их логической переработки с учетом специфики объекта и его исследования) в виде определенных требований к познающему мышлению.

В отдельных конкретных науках неизбежной оказывается известная «гносеологическая адаптация» общих принципов и методов познания применительно к специфическим формам, в которых проявляется его объект. Конечно, это не касается логических форм познания, но в значительной мере модифицирует его методы.

Расчленение сферы методологии конкретного научного познания приводит к выделению: а) общих теоретических принципов научного исследования; б) системы частных и специальных методов исследования, находящихся в диалектическом единстве; в) логических форм познания, которые, во-первых, характеризуют процессы мышления, специфичные для конкретных случаев применения отдельных методов, а во-вторых, могут выступать в качестве особых и до известной степени самостоятельных способов научного исследования.

Такое понимание методологии научного познания ориентирует философское исследование на конкретный анализ реальных познавательных процессов, осуществляющихся в сфере отдельных наук. Оно исключает позитивистские и натурфилософские подходы, которые чужды самой природе диалектического материализма, противоречат его основным принципам. Отступление от этих принципов приводит, как показывает история науки, к серьезным издержкам, наносящим ущерб развитию познания.

Так в общем и целом предстает материалистическая диалектика как наука в сложной системе частнонаучных дисциплин. Таковы ее основные функции в этой системе и ее специфика в отношении к более широким областям культуры и социальной практики. Это определяет и наш подход к самой материалистической диалектике как системе взаимосвязанных между собой законов и категорий развития природы, общества (включая человека) и познающего мышления, а также структуру последующего изложения.

В первой главе мы сосредоточимся главным образом на рассмотрении категориального аппарата материалистической диалектики как всеобщей философской теории развития.

Затем будут представлены основные сферы, в которых конкретно реализуются общие закономерности диалектического развития. При этом, опираясь на категориальный аппарат материалистической диалектики, мы попытаемся представить главные особенности развития природных процессов, диалектики развития общества и человека, а также диалектики процесса познания.

В дальнейшем речь пойдет о ряде проблемных областей теории материалистической диалектики, которые представляются особенно актуальными с точки зрения современной науки и практики. Мы остановимся на диалектико-материалистическом принципе историзма и проанализируем некоторые из его мировоззренческих и методологических следствий. Будет рассмотрена проблема системности и роль марксистско-ленинской философии в ее разработке. Мы остановимся также на том, как ставится и решается в материалистической диалектике вопрос о соотношении теории и практики. Все эти проблемы занимают существенное место в современной теории материалистической диалектики, и их научный анализ невозможен без обращения к аппарату ее законов и категорий, ее принципиальных положений и установок.

Глава 1

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ И КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ КАК УЧЕНИЯ О РАЗВИТИИ

Марксистская диалектика, по определению В. И. Ленина,— самое всестороннее и глубокое учение о развитии. Диалектическое развитие как таковое, собственно говоря, и составляет содержание теории диалектики. Причем имеется в виду развитие в его целостности и всеобщности, включая процессы, совершающиеся в природе, обществе и мышлении. Поэтому раскрыть законы и категории материалистической диалектики в единой системе — это значит охарактеризовать существенные черты объективного процесса развития и его субъективного отражения в познающем мышлении. Разумеется, сделать это более или менее содержательно можно, лишь соединив общий логический анализ с конкретным рассмотрением диалектического развития в его специфических формах, существующих в природе, обществе и мышлении. Но начинать приходится именно с некоторых общих определений, представляющих исходный пункт и методологический ориентир последующего исследования и изложения.

Материалистическая диалектика как теория опирается на исследования всеобщих характеристик объективно совершающихся процессов и именно из них выводит особенности познания, а также методологические требования, предъявляемые к научной теории. Естественно поэтому, что марксистская диалектика не только предполагает материалистическое решение вопроса о соотношении бытия и сознания — основного вопроса философии, но и выступает как конкретная и содержательная форма выражения философского материализма в его наиболее последовательном и развитом виде. Без диалектики, вне диалектики не может быть и речи о материализме в его научном, марксистско-ленинском понимании.

Эта ключевая исходная установка, определяющая специфику диалектической формы материализма, нашла свое

выражение в известных словах В. И. Ленина: «...всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом *единства мира,* природы, движения, материи etc.» [1].

Очевидно, речь в данном случае идет не просто о механическом дополнении одного принципа другим — ведь в таком случае мы не имели бы права утверждать всеобщий характер каждого из них. Речь идет об органической взаимосвязи двух исходных принципов диалектико-материалистического мировоззрения, каждый из которых предполагает другой. Поэтому и принцип материального единства мира, который утверждает любая форма философского материализма, понимается в марксистско-ленинской философии диалектически, как необходимое условие всеобщности развития, позволяющее говорить о развитии не только духа, но и материи в целом.

1. Материальное единство мира и принцип развития

Диалектика фиксирует наличие всеобщей связи явлений действительности, общность свойств и закономерностей разных материальных процессов, наличие единого основания у разнородных явлений, единство строения различных видов материи. Следует, однако, подчеркнуть, что материальное единство мира как диалектическое единство многообразия проявляется двояко. Во-первых, как своеобразная дискретность строения объективной действительности, т. е. наличие в ней качественно различных, отграниченных друг от друга вещей, явлений, процессов, систем; во-вторых, как иерархические отношения между системами разной степени сложности, организованности, выражающиеся во «включении» менее сложных систем в более сложные, и вместе с тем в несводимости специфических закономерностей последних к первым. Именно учет этих обстоятельств и лежит в основе диалектико-материалистического учения о формах движения материи.

Важно, таким образом, подчеркнуть глубоко диалектический характер самого понимания материи, связанного с представлением о *многообразии форм ее движения, находящихся в определенном отношении друг к другу.* Учение о взаимосвязанных формах движения материи (механической, физической, химической, биологической и социальной), впервые в развернутом виде сформулированное

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

Ф. Энгельсом, является глубоким философским обобщением достижений естественных и социальных наук. Развитие научного знания дает базу для конкретизации и уточнения этого учения в тех или иных аспектах и деталях. Более подробно мы будем говорить об этом в следующей главе. Здесь же необходимо отметить лишь некоторые принципиальные моменты, относящиеся к развитию диалектико-материалистической трактовки материального единства мира и понимания в связи с этим соотношений между формами движения материи.

Достижения современной науки позволяют сейчас, с одной стороны, сделать новые обобщения, а с другой — более дифференцированно подойти к пониманию тех или иных форм движения материи. Например, световые, электрические и магнитные явления, которые Ф. Энгельс относил к разным уровням сложности, могут быть объединены в одну форму движения, так как все они подчиняются общей системе законов, характеризующих электромагнитное поле. Развитие науки привело к открытию принципиально новых видов движения: специфические взаимодействия в мире атомов и элементарных частиц, в области мегамира и т. д. По-видимому, нет основания для обособления механического движения от группы физических форм движения материи. Не существует также единой и нерасчлененной химической формы движения материи, имеется целая их группа; обнаружен и ряд специфических биологических форм движения. В последнее время обсуждаются идеи о геологической и кибернетической формах движения материи.

Однако сам принцип, лежащий в основе диалектико-материалистической концепции форм движения материи, не только выдержал проверку временем, но и обнаружил исключительную плодотворность в плане развития научно-теоретического знания. Речь идет о понимании диалектики перехода от низших к более высоким формам организации, построения сложных систем из более простых как из своих элементов и компонентов, координации и субординации различных типов взаимодействия в составе сложно организованного целого. Иными словами, речь идет о развитии материи. *Теорией этого развития и является система основных законов и категорий материалистической диалектики.*

Следует заметить, что учение о формах движения материи, о диалектике их взаимоотношений не просто повторяет на философском языке уже достигнутые результаты

естествознания. Когда создавалось это учение, в науке были нередки попытки свести, редуцировать закономерности одних форм движения к другим. Эти попытки не прекращаются и по сей день. Понимание диалектики взаимоотношения разных форм движения материи не просто констатация некоторых естественнонаучных фактов, а важный методологический принцип, ориентир, указывающий действительно плодотворное направление научного поиска и в общих чертах характеризующий взаимоотношение между научными теориями, отражающими разные типы и уровни объективной действительности. Так, Ф. Энгельсу удалось выделить те факты в современной ему науке, которые выражали тенденции и перспективы ее развития, прежде всего потому, что он подходил к анализу естественнонаучного материала с четких мировоззренческо-методологических позиций, опираясь на достижения всей истории философской и научной мысли.

Специфической особенностью диалектико-материалистического учения о материи в ее единстве и разнообразии является утверждение, что разные формы движения стоят друг к другу в отношении не только постепенного иерархического усложнения, но и генетического порождения одних форм другими. Тем самым они выражают различные этапы развития материи. Эта ступень в процессе развертывания философской теории имеет принципиальное значение. На нее не могли подняться такие диалектики, как Шеллинг и Гегель, признававшие наличие в природе качественно разных ступеней, но вместе с тем не рассматривавшие их как ступени развития одних форм из других.

Конечно, между разными формами движения имеются не только отношения генетической субординации, но и отношения пространственно-временной координации. Сосуществующие формы движения, свойственные различным уровням развития, вступают друг с другом в сложные взаимодействия, образуют комплексы и системы, изучение законов функционирования которых является одной из важных задач современной науки (именно с таким комплексом имеет дело, например, экология, изучающая взаимодействие неживой, живой природы и человеческого общества). Вместе с тем важно подчеркнуть и другое: всестороннее научное познание объектов, которые относятся к той или иной форме движения, необходимо предполагает постановку и изучение вопроса об их историческом происхождении, порождении из объектов, лежащих на более

низком уровне в иерархической лестнице разных ступеней организации.

Таким образом, решение вопроса о трансформации разных форм, о развитии одних форм из других, о движущих силах и законах этого развития становится необходимым условием построения теории сложноорганизованных объектов даже в том случае, когда развитие объекта не фиксируется в непосредственном опыте ученого. Тем более остро эта проблема стоит тогда, когда изучаемый предмет развивается на глазах исследователя (например, социально-экономические системы).

Современная наука все в большей мере занимается исследованием сложноорганизованных саморазвивающихся объектов, систем. Естественно, что многие специальные науки вынуждены строить такие теории, которые описывают и объясняют механизмы развития изучаемых ими объектов. Классическим примером подобной теории служит дарвиновская теория эволюции живой природы, до сих пор являющаяся — с определенными модификациями и уточнениями — одним из основных компонентов теоретической биологии.

Вместе с тем существующие специально-научные теории развития еще не решают многих проблем познания данного процесса. В специально-научных теориях достаточно точно описываются сами факты развития, различные пути трансформации одних структур в другие, определенные условия осуществления этих процессов. Однако вопросы о том, что послужило причиной возникновения более высоких уровней организации, каковы законы усложнения и развития систем (знание таких законов, например, помогло бы предсказать последующий ход эволюции органического мира), до сих пор остаются дискуссионными.

Трудности познания процессов развития использует в своих целях современный идеализм. Распространенные в буржуазной философии XX в. концепции «творческой эволюции», признавая возникновение в природе качественно новых форм и несводимость одних уровней развития к другим, в то же время, по существу, отказываются от объяснения механизмов и движущих сил развития, считают, что на основе знаний об исходных ступенях совершенно невозможно предсказать более высокие ступени развития, утверждают его конечным источником «непознаваемую силу».

Современный неотомизм, спекулируя, с одной стороны,

на несводимости более высоких уровней организации к более низким, а с другой стороны, на недостаточной еще разработанности специально-научного знания о процессах развития, утверждает, что явления эволюции, с которыми имеет дело, например, биология, относятся лишь к «акцидентальной», поверхностной стороне естественных процессов и не касаются сути дела. Под последней понимается проблема возникновения «субстанциальных форм», выражающих связи, специфические для того или иного уровня организации. Эти «формы», по мнению неотомистов, вообще не могут быть порождены в строгом смысле слова, не являются продуктом развития. Они в определенных конкретных условиях лишь переходят из потенциального бытия в актуальное. Без «радиальной энергии» и «пункта омега» (точки, к которой телеологически устремляется якобы весь процесс), подчеркивает французский католический мыслитель Тейяр де Шарден, невозможно вообще понять развитие.

Таким образом, в современной идеалистической философии теория развития либо интерпретируется в духе противопоставления естественнонаучному объяснению, либо объявляется не имеющей отношения к пониманию глубинных процессов реальности.

При этом следует заметить, что многие современные идеалистические концепции развития не игнорируют — по крайней мере формально — специально-научных теорий эволюции, а пытаются истолковать их в своем духе, нередко оказывая определенное влияние на естествоиспытателей.

В свете сказанного становится ясным, насколько важна дальнейшая разработка теории развития на философском, мировоззренческо-методологическом уровне. Законы и категории диалектики марксизма в своей системе, взаимосвязи воспроизводят всеобщие характеристики объективно совершающихся процессов развития и вместе с тем служат для исследователя таким методологическим ориентиром, который позволяет наметить пути разработки специально-научных теорий, способных адекватно воспроизвести процессы, происходящие в сложноорганизованных саморазвивающихся системах. Материалистическая диалектика выступает, следовательно, всеобщим философским учением о развитии, его механизмах, источниках и направленности.

Иногда обсуждается вопрос, являются ли всеобщие характеристики процесса развития (природы, общества и

мышления) единственным предметом материалистической диалектики? Разве не существуют в действительности помимо развития также и иные связи, отношения и процессы, например, простое перемещение тел.

Конечно, процессы развития отнюдь не исчерпывают всех изменений, происходящих в действительности, но они предполагают в качестве своих условий и компонентов все остальные процессы объективного мира. Поэтому философское осмысление развития означает также воспроизведение всеобщих (главным образом конкретно-всеобщих) характеристик всего многообразия связей, отношений, процессов, имеющих место в реальном мире, в то время как исследование простого движения может не опираться на знание законов и механизмов развития. В данном случае, как и во многих других, высшая форма дает ключ к пониманию низших. «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны,— писал К. Маркс.— Намеки же на более высокое у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно» [1].

Таким образом, материалистическая диалектика не может быть представлена в виде диалектики двух типов: диалектики простого движения и диалектики развития (подобная точка зрения иногда высказывается в нашей литературе). Диалектика марксизма едина, и как единая теория она прежде всего выражает философское осмысление процесса развития. Но именно поэтому она может и должна дать теоретический анализ также и процессов, непосредственно выражающих простое движение (перемена места, смена событий и качеств, не сопровождаемая развитием, функционирование систем, сосуществование и т. д.).

Как уже отмечалось, диалектическая теория развития тесным образом связана с учением о материальном единстве мира. Материя понимается материалистической диалектикой в качестве саморазвивающейся, порождающей разные взаимодействующие формы движения. Диалектическая взаимосвязь разных форм движения, представляющих собой ступени поступательного развития, находит свое конкретное выражение в принципе материального единства мира. В свою очередь, принцип развития не может быть проведен последовательно без органического соединения с принципом материальности мира и его единства. Ибо развивается в действительности не какой-то аб-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 42.

солютный дух, не какая-то объективная идея, как считали и считают идеалисты, а прежде всего материя, развитие которой первично по отношению к развитию духа или сознания. Все прежние попытки построения теории развития на идеалистической основе (Шеллинг, Гегель) так или иначе заканчивались отказом в каких-то пунктах от утверждения всеобщности принципа развития. Поэтому следует признать несостоятельными встречающиеся иногда в нашей литературе попытки представить принцип материального единства мира и принцип развития абсолютно независимыми друг от друга, рядоположенными и соединяемыми лишь механически.

2. Переход количественных изменений в качественные в процессе развития

Диалектическое понимание материального единства мира не имеет, разумеется, ничего общего с истолкованием этого единства как бесформенного, монотонного. Напротив, диалектика исходит из признания многообразия действительности, наличия в ней самых различных качественных изменений и превращений и подчеркивает необходимость учитывать это обстоятельство при построении системы знания.

В истории науки существовали тенденции — не исчезли они и сегодня — объяснить многокачественность реального мира, воспринимаемую непосредственно, из повседневного опыта, только чисто количественными комбинациями и различиями некоторых однокачественных первичных объектов, элементов, частиц. Если бы подобные объяснения были взяты на вооружение научным познанием, это означало бы, что представление о многокачественности мира является, по существу, фикцией, которая, может быть, и удобна в обыденном опыте, но совершенно неприемлема при глубоком теоретическом пропикновении в суть вещей. В этом случае научное знание о мире в идеале должно было бы быть представлено некой единой теоретической системой, которая, разумеется, имела бы разные сферы приложения, но в которой вместе с тем фиксировался бы единственный тип законов, управляющих действительностью. Разнообразие видов знания, множество научных теорий, относящихся к различным сферам реальности, в этом случае выражало бы временное, недостаточно зрелое состояние науки, которое в будущем должно было бы уступить место единой науке. Последним по времени пред-

ставителем этой позиции был «физикализм» логических позитивистов; впрочем, в самые недавние годы попытка оживить некоторые из ее аспектов была предпринята сторонниками так называемого научного материализма, сочетающего в себе элементы вульгарного метафизического материализма и позитивистской философии. «Научный материализм» считает, например, что подлинное объяснение мыслительных процессов возможно лишь на пути представления их как некоторой совокупности преобразований, происходящих в нервных клетках мозга.

Материалистическая диалектика подчеркивает, что объективный мир на всех уровнях состоит из определенных дискретных, целостных образований, связанных друг с другом и вместе с тем отличных друг от друга и подчиняющихся как общим закономерностям, так и закономерностям разных типов, несводимым друг к другу. Характеристика вещи, системы, явления, процесса, свойства, отношения с точки зрения их целостности, своеобразия, отличия от других и выражается в философской категории *качества.*

Вместе с тем качества реальных объектов могут обладать разной степенью проявленности, интенсивности, иными словами, могут иметь разные *количественные характеристики.* Важно подчеркнуть, что количественные различия имеют место в рамках качественной однородности. «...Различные вещи становятся количественно сравнимыми лишь после того, как они сведены к одному и тому же единству. Только как выражения одного и того же единства они являются одноименными, а следовательно, соизмеримыми величинами»[1]. «Что́ является предпосылкой всего лишь *количественного* различия вещей? Одинаковость их *качества*»[2].

Количественные характеристики объекта могут варьироваться в определенном интервале, не выводя за пределы данного качества. Границы этого интервала и выражают *меру* как единство качественной и количественной определенности предмета.

Таким образом, количественные данные о некотором предмете, количественные закономерности, формулируемые в науке, имеют смысл лишь постольку, поскольку отнесены, «привязаны» к качественно определенным объектам, системам, типам отношений. Здесь следует заметить,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 58—59.
[2] Там же, т. 46, ч. I, с. 117.

что развитие научного знания выражается, в частности, в том, что в определенных случаях возможно описание качественно разнородных процессов одной и той же системой математических уравнений (например, процессов распространения звуковых колебаний и электромагнитных волн). На этом факте основывается метод моделирования, широко распространенный в современной науке. Если мы имеем дело с двумя объектами, структуры которых подобны в некоторых отношениях, то мы можем на основании знания зависимостей ряда элементов одного объекта делать некоторые выводы о поведении другого объекта.

Вместе с тем существенно, что структурные аналогии между качественно разнородными явлениями не выражают исчерпывающим образом не только их качественных, но и количественных характеристик. Каждое качество представлено в специфической для него системе количественных отношений и зависимостей. Рост применения количественных методов, интенсивно идущий процесс математизации современной науки все в большей мере это подтверждают. Применение тех или иных количественных моделей при недостаточном учете качественного своеобразия изучаемой предметной области может привести к серьезным теоретическим просчетам, к увлечению поверхностными аналогиями, к тому, что порой второстепенные сходства разнокачественных явлений и процессов абсолютизируются, а принципиальные различия между ними затушевываются.

Выход за пределы количественных изменений, характерных для данного объекта, приводит к нарушению меры, присущей этому объекту, а значит, к переходу его в новое качество. Материалистическая диалектика подчеркивает скачкообразный характер перехода количественных изменений в качественные. Важно отметить, что в категории *диалектического скачка* схватывается прежде всего несводимость специфических законов разных качеств друг к другу, невозможность выражения особенностей одного качества с помощью понятий, относящихся к другому качеству. Именно этот важный философский тезис, методологически ориентирующий познание, и имеется в виду, когда говорят о перерыве постепенности в процессе перехода количественных изменений в качественные. Речь идет, таким образом, не столько о том, как быстро осуществляется сам скачок, носит ли он «взрывной» характер или же растянут во времени, сколько о принципиальной

особенности отношения друг к другу законов разного типа и фиксирующих их систем знания. Это касается как процессов, осуществляющихся в природе, так и социальных изменений.

Изучение разнообразных форм осуществления скачков — одна из центральных задач конкретных наук. Является ли переход к новому качеству разовым, одноактным, или же он растянут во времени (последнее обстоятельство нередко служит основанием для отрицания самого скачка) — это весьма существенные характеристики тех или иных объективных процессов, с которыми серьезно приходится считаться как в познании, так и в практической деятельности.

Особенно важно учитывать формы скачков в процессах социальных изменений. Согласно марксистско-ленинской теории, конкретные способы перехода от одной общественно-экономической формации к другой различны, изменчивы и определяются своеобразием социально-политической ситуации. Так, начинающийся с вооруженного восстания революционный путь как способ перехода от капитализма к социализму вовсе не является единственно возможным, и было бы нелепо утверждать, что именно этот способ осуществления революции прямо и непосредственно вытекает из общих положений материалистической диалектики. В действительности диалектика утверждает лишь возможность возникновения качественно новых объектов, систем в результате тех изменений, которые имеют место на основе действия специфических закономерностей данного объекта, системы. Иными словами, хотя материалистическая диалектика и не предписывает конкретных политических действий в процессе перехода от капитализма к социализму, подчеркивая необходимость конкретного анализа конкретной ситуации, она в то же время достаточно определенно указывает на то, что сам этот переход может осуществиться лишь в результате качественного преобразования тех социальных связей и структур, которые свойственны капиталистическому обществу, замены их принципиально иной системой социальных отношений. Материалистическая диалектика, утверждающая, что скачкообразный переход от одного качества к другому подготавливается процессом постепенных количественных накоплений, что в развитии общества эволюция готовит революцию, противостоит, с одной стороны, необоснованным, авантюристическим, псевдореволюционным попыткам осуществления социальных преобразований

при отсутствии для этого условий и, с другой стороны, реформизму, претендующему на изменение капиталистического общества путем шагов, оставляющих в неприкосновенности коренные структуры и институты этой социальной системы.

Характеристики процессов развития со стороны их качества и количества, скачка при переходе количественных изменений в качественные не только фиксируют богатейший опыт науки и социальной практики, но и методологически оснащают их сегодня для решения новых проблем. Эти характеристики прямо и непосредственно связаны с современной концепцией *уровней организации,* получающей во многих случаях строгое математическое выражение. Особое значение они имеют в исследовании живой природы, которая, по словам Ф. Энгельса, вся состоит из скачков, перерывов постепенности.

Классифицируя уровни живой природы, можно выделить наиболее общий подход, который рассматривает эволюционный процесс как микро- и макроэволюцию, и подход, позволяющий провести более дробную классификацию уровней организации (структур) живого: молекулярный, клеточный, организменный, популяционный, видовой, биоценотический, биогеоценотический. За последние годы большой экспериментальный материал собран о процессах, протекающих на биосферном уровне существования живой материи. Уровни живого образуют своего рода «иерархию», причем на каждом из них действуют свои закономерности, изучаемые различными биологическими дисциплинами.

Понятие организации и ее уровней, а также связанные с ним понятия структуры, функции, системы, элемента, части и целого «работают» не только в биологии, но и в других естественных и общественных науках. Методологическая роль этих понятий в научном исследовании объясняется тем, что от решения проблемы иерархии уровней организации зависит раскрытие объективной субординации отдельных научных дисциплин и применяемых ими методов.

Преодолев в ходе своего развития различного рода идеалистические концепции в биологии, естествознание приняло на свое вооружение тезис, согласно которому возникновение нового качества объясняется не вмешательством каких-либо нематериальных факторов, а действием природных познаваемых законов. В соответствии с этим в каждом конкретном случае ставится задача выявления

специфики нового уровня организации, специфики, находящей свое выражение в закономерностях данного уровня, несводимых к закономерностям предшествующих, низших уровней. Такая качественная специфика должна быть понята как следствие закономерного усложнения взаимодействия «простых» элементов, образующих системы нового уровня сложности.

Еще Ф. Энгельс блестяще показал это, подчеркнув, с одной стороны, качественную специфичность, в частности, биологической формы движения материи по сравнению с физическими и химическими процессами и взаимодействиями, а с другой — необходимость изучения жизни и ее происхождения, исходя из анализа элементарных физико-химических основ строения и функционирования организмов. Широко известна формула Ф. Энгельса, которая создана как будто специально для сегодняшнего дня: «...форма движения в органическом теле отличается от механической, физической, химической, содержа их в себе в снятом виде...» [1]

Современное биологическое познание находит в этой формуле философское обоснование специфики применения физико-химических методов в исследовании явлений жизни, что, в частности, имеет фундаментальное значение для развития молекулярной биологии. Несомненно, *непосредственное* сведéние жизни к физико-химическим и тем более механическим законам невозможно, ибо в таком случае из поля зрения исследователя ускользает самое главное — специфика жизни, ее сущность. Подобное сведéние (редукция), анализ физико-химических основ жизни лишь создает необходимые условия постижения сущности живого и может быть эффективным, если учитывается та форма, в которой осуществляются физико-химические процессы организмов, определенная организованность процессов их жизнедеятельности. Только при таком учете и можно понять, что физико-химические и механические процессы проявляются в органическом теле «в снятом виде».

Точно так же диалектический подход способствует преодолению редукционистских взглядов в научной трактовке проблемы человека. Марксистско-ленинское учение о человеке позволяет правильно решить вопрос о соотношении социальных и биологических факторов, критически преодолеть как вульгарный социологизм, так и социал-биологизм,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 597

редукцию социальной сущности человека к его биологической природе. Это имеет особое значение в современных условиях, когда в связи с успехами генетики человека, этологии и других наук начинают вновь распространяться биологизаторские тенденции, уводящие познание в сторону от действительного анализа реальных проблем человека. Диалектика ориентирует познание на то, чтобы учитывать значение биологических факторов, но не абсолютизировать их, показывая доминирующую роль социальной сущности человека, его качественной специфики.

Тем самым мнимая альтернатива редукционизма и целостных подходов снимается диалектикой. Поэтому диалектический подход (отражается ли он в специфических для диалектики терминах или нет — это уже другой вопрос) становится одним из основных методологических принципов современного научного познания природы, общества и мышления. Диалектика, следовательно, предостерегает ученых от двоякого рода методологических ошибок: с одной стороны, от утраты понимания специфики нового уровня взаимодействия и, с другой стороны,— от абсолютизации этой специфики.

Совокупность структурных связей, обусловливающих возникновение качественно нового типа взаимодействия материальных объектов (новой формы движения материи с присущим ей материальным субстратом), может быть охарактеризована и как пространственно-временна́я организация данной формы движения. В этом смысле можно сказать, что различные формы движения материи отличаются друг от друга спецификой их организации.

В ходе развития отдельных наук обнаруживались новые точки соприкосновения и контакты между, казалось бы, различными, удаленными друг от друга общими теориями и представлениями. В частности, выяснилось, что идея организации, получившая развитие до возникновения кибернетики и теории информации, внутренне связана с понятием информации, выражаемой строго количественно, так что последняя в ряде случаев может рассматриваться как точно исчисляемая мера организации тех или иных материальных объектов. Разумеется, такого рода «совпадения» не являются случайными. В самой общей форме они могут быть предсказаны с позиций диалектико-материалистической методологии, и в частности исходя из принципа материального единства мира.

Здесь следует подчеркнуть и другой момент, а именно то, что сам факт обнаружения новых связей и стыков меж-

ду какой-либо уже сложившейся (или складывающейся) научной теорией и вновь возникающими представлениями и концепциями других смежных дисциплин или даже других отраслей знания свидетельствует о плодотворности и растущей методологической значимости данной теории для понимания, осмысления все более широкого круга явлений.

Развивающаяся концепция организации и ее уровней явилась не чем иным, как своеобразной формой проникновения диалектико-материалистической методологии в исследование природных и социальных процессов. Она имела в качестве своей общеметодологической предпосылки развитие ряда философских идей, и прежде всего таких, как диалектически понятая идея иерархии форм движения материи и взаимодействия между ними и идея образования нового качества (нового уровня) в результате количественного усложнения исходных элементов. В то же время современный этап развития научного познания, приводя к более глубокому пониманию характера взаимодействия «элементарных» процессов, объективно способствует углублению и уточнению ряда философских понятий, например сложное и простое, часть и целое, система, структура, функция, элемент и т. д. Философские понятия, будучи точно сформулированы применительно к конкретной научной проблеме, благодаря этому могут играть роль эвристических ориентиров.

Находясь, однако, на этом уровне характеристики процесса развития, мы еще не постигаем движущих сил последнего, внутреннего механизма, благодаря которому оно вообще становится возможным. Этот механизм раскрывается законом единства и борьбы противоположностей как основным законом диалектики.

3. Единство и борьба противоположностей как выражение внутреннего механизма развития

Закон единства и борьбы противоположностей занимает особое место в диалектико-материалистическом учении о развитии, поскольку именно он раскрывает движущие причины последнего. В формуле «единство и борьба противоположностей» выражается определяющий признак противоречия как такого отношения, в рамках которого происходит движение взаимопредполагающих («единство») и одновременно взаимоисключающих («борьба») сторон, тенденций, явлений, процессов объективного мира и

сознания. К. Маркс указывал, что именно противоречие есть «источник всякой диалектики» [1]. В. И. Ленин, как известно, подчеркивал, что противоречие является ядром, сутью диалектики: «В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия *в самой сущности предметов...*» [2]

Чем определяется такое важнейшее значение категории противоречия в теоретической системе диалектики? Прежде всего, конечно, тем, что противоречие как единство и борьба противоположностей составляет основу понимания внутреннего механизма развития. Рассмотрение единства и борьбы противоположностей, противоречия как движущей пружины самодвижения и развития объективного мира и сознания как бы подводит итог исследованию внешних сторон процессов изменения и развития, выявлению того обстоятельства, что все в мире подвержено движению, изменению, что это изменение может осуществляться в различных формах. Такое рассмотрение отвечает на неизбежно встающий вопрос: а каковы же внутренние определяющие факторы процессов движения, изменения, развития?

Указывая, что условие познания всех процессов мира в их самодвижении, в их спонтанном развитии, в их живой жизни есть «познание их как единства противоположностей» и что «развитие есть «борьба» противоположностей», В. И. Ленин, как известно, в своем фрагменте «К вопросу о диалектике» сформулировал положение о двух основных концепциях развития: «...развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, *и* развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). При первой концепции движения остается в тени *само* движение, его *движительная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *во вне* — бог, субъект etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источника «само»*движения» [3].

Отвечая на вопрос об источнике самодвижения, развития, закон единства и борьбы противоположностей выступает в качестве необходимого условия дальнейшего развертывания теоретической системы диалектики — учения о развитии, учения об органических сложных саморазви-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 610.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 227.
[3] Там же, с. 317.

вающихся системах, о детерминации внутри этих систем: сюда, в частности, относятся проблемы необходимости и случайности, возможности и действительности, части и целого (в диалектическом их понимании) и пр. Так, развитие сложной органической системы, дифференциацию ее элементов, появление новых связей между этими элементами можно понять только путем анализа исходных противоречий, которые лежат в основании этой системы, что и делает К. Маркс в «Капитале». Он рассматривает противоречия, лежащие в основе товарного отношения, как исходный стимул развития всей системы капиталистических производственных отношений. К. Маркс вскрывает заключенную в товаре внутреннюю противоположность двух полярных форм стоимости: «...простая форма стоимости товара есть простая форма проявления заключающейся в нем противоположности потребительной стоимости и стоимости» [1]. Это противоречие, разрешить которое не смогла предшествующая К. Марксу политэкономия, знавшая только метафизический способ мышления, было понято им как действительное, реальное отношение, постоянно воспроизводящееся в повседневной практике буржуазного общества. Практический же способ разрешения этого противоречия — эксплуатация капиталом наемного труда как такого исключительного товара, сама потребительная стоимость которого является источником стоимости. В свою очередь, углубление и нарастание противоречия между наемным трудом и капиталом в ходе исторического развития приводит в конечном счете к качественному изменению всей системы общественных отношений.

Таким образом, особое место закона единства и борьбы противоположностей и связанных с ним категорий, прежде всего категории противоречия, в развертывании теоретической системы диалектики определяется тем, что их рассмотрение, с одной стороны, подытоживает анализ определенного цикла проблем диалектики, а с другой стороны, выступает в качестве необходимого условия для развертывания нового цикла теоретической проблематики диалектики.

Связь закона единства и борьбы противоположностей с категориями движения, изменения, законом перехода количественных изменений в качественные, т. е. с законами и категориями диалектики, которые предшествуют ему в теоретическом изложении системы диалектики, заключа-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 71.

ется в том, что он раскрывает глубинные основания и причины движения и изменения. Раскрывая эти причины, он дает возможность анализировать структуру и тенденцию развития, его механизмы, возникновение и развертывание сложных органических систем.

Гегель в своей «Науке логики», как известно, рассматривает противоречие, противоположность и связанные с ними категории в разделе сущности. И это, несомненно, следует отнести к числу рациональных моментов его диалектики. Противоречие, понятое как диалектическое соотношение взаимопредполагающих и взаимоисключающих моментов, безусловно, является сущностной, глубинной характеристикой бытия, для выявления которой требуются серьезные усилия теоретической мысли. Вовсе не все конфликты, несоответствия, противоречия, обнаруживающие себя на поверхности явлений, могут быть квалифицированы как противоречия в теоретическом смысле этого термина. «...Признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих,* противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах», о котором писал В. И. Ленин в фрагменте «К вопросу о диалектике», представляет собой именно открытие, выявление противоречия «в самой сущности предметов», а не только поверхностную фиксацию бросающихся в глаза конфликтов. Противоречие должно быть раскрыто как внутренняя структурная характеристика исследуемого предмета в его сущности. Объект мысли должен быть соответствующим образом осознан для того, чтобы он мог быть представлен как внутренне противоречивый и чтобы его внутренние противоречия могли быть поняты как движущие силы его развития. Только такой подход к диалектическому противоречию может предостеречь от сведе́ния диалектики противоречия к сумме примеров, от банального понимания учения о противоречии и закона единства и борьбы противоположностей, когда просто фиксируются различные конфликты и полярности без теоретического исследования их как движущей силы развития данного предмета в его существенных конституирующих характеристиках [1].

Разумеется, нельзя отрицать того, что внешние конфликты и противостояния зачастую выступают как прояв-

[1] Заметим, что критика закона единства и борьбы противоположностей со стороны противников марксистской философии сплошь да рядом идет как раз по линии сведе́ния отношения противоположностей к банальному признанию наличия противостоя-

ление глубинных диалектических противоречий, и теоретический анализ во всяком случае должен учитывать их существование, он должен выявить основные определяющие связи и отношения предмета, воспроизвести теоретическую картину предмета и рассмотреть выступающие на поверхности конфликты с точки зрения этой картины. Именно таким путем шел К. Маркс в анализе капиталистических производственных отношений, вскрывая, например, глубинные истоки кризисов перепроизводства, периодически сотрясающих капиталистическую экономику. Именно таким путем шел В. И. Ленин при исследовании различных социально-политических ситуаций, выработке стратегии и тактики партии, например при теоретическом анализе природы империалистической войны как проявления непримиримости противоречий, скрытых в самой сущности империализма.

Категория противоречия и закон единства и борьбы противоположностей органически связаны в своем глубинном содержании с такими категориями диалектики, как единство многообразия (конкретность), целостность. Органическая саморазвивающаяся система — вот в конечном счете тот наиболее сложный вид объективного содержания, с которым призвано иметь дело научно-теоретическое мышление, руководствующееся диалектическим методом. Исходное противоречие, лежащее в основе развития этой системы (например, исходное противоречие товара, лежащее в основе развития всей системы капиталистических производственных отношений), представляет собой то базисное отношение, на котором развертывается все теоретическое воспроизведение подобной системы методом выделения простейшей абстракции и восхождения от абстрактного к конкретному.

щих друг другу полярных факторов. Так, известный английский философ К. Поппер пишет: «Если мы приглядимся немного к этим так называемым противоречивым фактам, то обнаружим, что все примеры, предложенные диалектиками, подтверждают всегонавсего то, что в мире, в котором мы живем, проявляется иногда структура, которую можно, пожалуй, описать с помощью слова «полярность». Пример такой структуры — существование положительного и отрицательного электричества» (*Popper K.* Conjectures and refutations. N. Y.— L., 1963, p. 317). Но все дело в том, что методологическое требование диалектики при познании противоречий вовсе не ограничивается фиксацией такой полярности. Необходимо понять отношение этих «полярностей» как единство и борьбу противоположностей, как движущую силу изменения и развития предмета.

Диалектическое противоречие «самой сущности предмета» может быть выявлено теоретической мыслью тогда, когда ее предмет представлен как нечто единое, целостное, но внутренне дифференцированное. Эта внутренняя дифференциация проходит свои стадии развития, двигаясь от различия к противоположности. Товар, по К. Марксу, выступает, например, как единство потребительной стоимости и стоимости. Это «двоякое существование» товара «должно развиться дальше в *различие*, различие — в *противоположность* и в *противоречие*» [1].

Конкретные формы существования диалектических противоречий, их возникновения, способов разрешения, того, каким образом выступают они в качестве внутренних механизмов изменения и развития, должны быть предметом специального исследования. Несомненно, однако, что диалектические противоречия — это всегда сложные динамические структуры, которые содержат в себе в качестве конституирующих компонентов взаимопредполагаемые и взаимоисключаемые противоположные стороны, тенденции и т. д., но которые характеризуются также определенным способом возникновения, определенным способом включенности в целое. Эти противоположности выступают движущим фактором развития целого, определенным способом движения его и т. д.

Громадное мировоззренческое и методологическое значение имеет учение материалистической диалектики о противоречиях познания как движущей силе его развития. В. И. Ленин указывал: «Познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. *Отражение* природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», *не без движения, не без противоречий*, а в вечном *процессе* движения, возникновения противоречий и разрешения их» [2]. Движущие противоречия познания, о которых говорит В. И. Ленин, надо прежде всего четко отличать от бесплодных противоречий, являющихся результатом нечеткости, непоследовательности, неумения логически мыслить. Такого рода противоречия имел в виду В. И. Ленин, когда подчеркивал, что «логической противоречивости»,— при условии, конечно, правильного логического мышления — не должно быть *ни* в экономическом *ни* в политическом анализе» [3]. Живые противоречия позна-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 89.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 177.
[3] Там же, т. 30, с. 91.

ния, являющиеся движущими силами его развития, отличаются от противоречий — результатов логической непоследовательности, неумения мыслить, просто неряшливости в мышлении в первую очередь тем, что имеют определенные объективные основания в самом содержании знания. Если при рассмотрении противоречий, которые возникают из-за логической непоследовательности и неумения мыслить, всегда можно найти ошибку в использовании посылок рассуждения, в интерпретации фактов и пр., короче говоря, в использовании имеющегося знания и лежащего в его основе понятийного аппарата, то объективно обусловленные противоречия познания свидетельствуют не о неправильности в использовании концептуального аппарата, а о его известном несовершенстве, о том, что этот концептуальный аппарат сталкивается с ситуациями, которые превышают уже в каких-то пунктах его возможности. Иначе говоря, наличие таких противоречий указывает на то, что наши познавательные возможности, аккумулированные в имеющейся системе понятий, концептуальном ви́дении мира, в каких-то пунктах демонстрируют свою недостаточность и требуют своего развития и усовершенствования.

Процедуры различения смыслов, «расщепления» понятий, введения дополнительных конкретизирующих условий, которые часто являются средством разрешения «живых» реальных противоречий, возникающих в процессе познания, и тем самым фактором развития знания,— это не просто формально-логические операции уточнения заданного смысла, содержания понятий, а конструктивные действия по развитию, обогащению концептуального содержания. Такую работу по уточнению понятий никоим образом не следует квалифицировать как словесные ухищрения. Напротив, она является неотъемлемым моментом в движении теоретического мышления, и это обстоятельство особенно важно учитывать, когда речь идет об исследовании реальных механизмов разрешения диалектических противоречий познания.

Среди движущих противоречий познания, как они выступают в научном мышлении, можно выделить две основные группы.

К первой относятся противоречия между теоретическими построениями и знаниями, получаемыми в результате непосредственного изучения реальных фактов и ситуаций в той предметной области, на объяснение и описание которой претендует данное построение. Иногда такое проти-

воречие характеризуется кратко как противоречие между *концептуальными построениями* (теорией, гипотезой, концепцией) *и фактом*. Но надо иметь в виду, что указанное противоречие — противоречие внутри знания, поскольку в рамках научного мышления мы имеем дело не с фактом как чем-то непосредственно данным, а с описанием и истолкованием факта в результате наблюдения или эксперимента.

Это уточнение важно не только в философско-гносеологическом, но и в непосредственно-методологическом плане. Поскольку факт дан не непосредственно, а через призму определенного истолкования, то в ходе анализа и разрешения противоречия между концептуальным построением и знанием факта всегда должна учитываться возможность изменения самого истолкования. Современная методология науки четко осознает, что столкновение теоретического построения и так называемого контрпримера предполагает различные ситуации его преодоления и решительно отказывается от подхода к этому столкновению в духе примитивного фальсификационизма — методологической концепции, вслед за неопозитивизмом абсолютизирующей противопоставление теоретического и эмпирического в научном познании и не видящей опосредствующих звеньев и связей между ними.

Полный отказ от гипотезы, а тем более от уже укоренившейся в науке концепции и теории является крайним вариантом, и к нему прибегают только в тех случаях, когда гипотеза, концепция или теория обнаружила свою несостоятельность во многих проверочных ситуациях. Чаще же всего столкновение гипотезы, концепции или теории с опытом выступает стимулом к модификации, уточнению, совершенствованию данного теоретического построения, нахождению каких-то промежуточных звеньев между ним и фиксацией реальных фактов, уточнением их возможных истолкований в свете соответствующей гипотезы, теории и пр. Во всех этих случаях, однако, противоречие между теоретическим построением и контрпримерами из данной области знания фактов является движущим стимулом развития знания. Разрешение данного противоречия в любом случае приводит к конкретизации, обогащению знания. При этом, разумеется, появление и разрешение подобных противоречий — процесс постоянный.

Другая важная группа внутренних противоречий знания, приводящих к его совершенствованию и развитию,— так называемые *антиномии*. Если противоречия между

теоретическими построениями и эмпирическими контрпримерами представляют собой противоречия внутри знания на его периферии, то антиномии — это противоречия, как правило, самой теории или концепции, проявляющиеся в процессе ее внутреннего развития. Впрочем, какой-то «китайской стены» между ними нет. Антиномии сплошь да рядом возникают в результате попыток ассимиляции в рамках развертывающейся теории каких-либо групп фактов, т. е. внутреннее противоречие в теории в этих случаях оказывается выражением невозможности истолкования различных групп фактов в ее рамках. Таким образом, причиной появления противоречия внутри теоретического построения выступает распространение этого построения на внешние по отношению к нему факты, попытка ассимиляции в рамках соответствующей гипотезы, концепции, теории нового, лежащего за ее пределами, но относящегося к ее предметной области содержания.

Необходимо различать сознательное формулирование антиномий как антиномий-проблем, что делает, например, К. Маркс в «Капитале», и стихийное возникновение антиномий в развитии науки. В первом случае формулировка антиномии и ее дальнейшее решение представляет собой специальный прием исследования, когда ученый ясно видит суть познавательной ситуации и возможные варианты ее разрешения. Во втором случае само осознание ситуации представляет собой серьезную проблему, оно может выступать в далеко не адекватных формах, и действительное решение проблемы с трудом пробивает себе дорогу. Именно так, по-видимому, обстояло и в известной мере обстоит дело, в частности, с истолкованием электрона как частицы или волны в квантовой механике. Но всегда объективно реальное разрешение антиномии связано с развитием знания, с конкретизацией соответствующих понятий, с нахождением промежуточных звеньев, взаимосвязей между, казалось бы, несовместимым. И дело не в формально-логическом уточнении понятий, а в том, что в ходе такого уточнения осуществляется конструктивный диалектический процесс совершенствования и обогащения знания, расширение познавательной перспективы за счет обогащения теории, гипотезы, концепции.

Поскольку типы антиномий в научном мышлении различны, различны и способы их осознания в методологии науки.

Само понятие антиномии в философии впервые выдвинул Кант. Он же сформулировал основные из них. Как

сознательно используемый способ развертывания знания антиномию применяет немецкая классическая диалектика (Фихте, Шеллинг, Гегель). Однако в их трудах пресловутая триада (тезис — антитезис — синтез) зачастую становится формальным приемом искусственного спекулятивного построения, где результат уже известен сначала, а сама триада выступает лишь его «обоснованием». Кроме того, исходя из своего идеалистического принципа тождества бытия и мышления, Гегель не различал диалектических противоречий самой реальной действительности и объективно обусловленных противоречий внутри мышления. Выявление и разрешение антиномий в качестве сознательного приема развертывания сложной теоретической системы, осваивающей, ассимилирующей вполне реальное эмпирическое содержание, как мы уже отмечали, активно применяет К. Маркс в «Капитале». Анализ логики этого произведения марксизма с целью выделить разработанные там приемы использования антиномий как движущей силы развертывания теоретического знания в процессе восхождения от абстрактного к конкретному, от простейшего к сложному является одной из актуальных проблем диалектики как логики и методологии научного мышления.

Эвристическая функция закона единства и борьбы противоположностей и выражающих его категорий диалектики имеет универсальное значение для науки и практики. Однако в каждой из этих сфер, в каждой специфической области познания этот закон получает особую форму своей конкретизации. Специфика проявления и действия закона единства и борьбы противоположностей, как это будет показано ниже, по-разному предстает в разных формах движения материи, причем она становится все более существенной по мере их усложнения. В своем объективном выражении — как характеристика материального развития — этот закон получает довольно усложненную форму уже в сфере органической жизни, но самую сложную — в развитии общества. В разных общественно-экономических формациях проявление и действие закона единства и борьбы противоположностей характеризуется своими особенностями, что и обусловливает его огромную эффективность как научного метода познания и управления социальными процессами.

4. Отрицание отрицания как характеристика направленности и основных фаз развития

Развитие всегда означает смену одних качественных состояний другими, перерыв постепенности. В то же время оно представляет собой и своеобразное «наследование» определенного содержания, достигнутого на предшествующих этапах, включение этого содержания в более высокий синтез, т. е. то, что Гегель именовал диалектической категорией «снятие». Именно своеобразное «наследование» последующими стадиями определенных характеристик и механизмов, возникающих на предшествующих этапах, определяет поступательность, прогрессивность развития. В противном случае прогресс был бы невозможен.

Классики марксистско-ленинской философии обращали специальное внимание на отмеченные черты диалектического отрицания. «Всякое развитие,— писал К. Маркс,— независимо от его содержания, можно представить как ряд различных ступеней развития, связанных друг с другом таким образом, что одна является *отрицанием* другой... Ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования» [1]. «Не голое отрицание, не зряшное отрицание, *не скептическое* отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике,— которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент,— подчеркивал В. И. Ленин,— нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики» [2].

Специфическое содержание закона отрицания отрицания, однако, не сводится к характеристике отношений между двумя непосредственно следующими друг за другом фазами процесса развития. Дело в том, что стадия, следующая за данной (отрицающая ее), в определенное время сама подвергается отрицанию со стороны новой стадии развития. Двойное отрицание (отрицание отрицания) не может не вести к своеобразному восстановлению некоторых черт исходной стадии в составе более сложно организованного, качественно иного целого, т. е. на более

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 296—297.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 207.

высокой основе. Речь идет вовсе не о буквальном повторении некоторых характеристик минувших этапов развития — включенные в качественно иную систему, эти характеристики начинают играть и качественно новую роль. Среди элементов диалектики В. И. Ленин отметил и повторение в высшей стадии известных черт, свойств низшей, возврат якобы к старому (отрицание отрицания) [1].

Повторяемость на высшей стадии определенных черт, свойств низшей стадии означает, что развитие *спиралевидно*. Оно не является просто прямолинейным изменением и в то же время не может быть представлено в качестве круга (в последнем случае мы имели бы дело не с развитием, а с движением в рамках некоторых замкнутых циклов). Спиралевидность развития означает, что в нем имеет место общее поступательное движение с определенными «возвратами» к пройденным этапам, но на новой, более высокой основе.

Следует обратить внимание на одну форму воспроизведения процессов, характеризующих исторически предшествующие стадии развития, в составе иного, более сложно организованного целого. Дело в том, что после порождения одной целостной системы (К. Маркс называет такую систему «органическим целым») другой ряд процессов, являющихся условиями этого порождения и, естественно, исторически предшествующих новой системе, воспроизводятся уже в составе этого нового целого. Ставшая система воссоздает эти процессы, поскольку они являются необходимыми условиями ее функционирования, причем они выступают уже не просто как условия данной системы, но одновременно и как ее следствия.

К. Маркс показал, что капитал, который предполагает товарное производство, деньги и стоимость в качестве исторически необходимых предпосылок своего возникновения, появившись, превращает эти исходные пункты собственного генезиса в результат своего функционирования. В развитом капитализме постоянно воспроизводятся те отношения, те процессы, которые имеют место в условиях простого товарного производства (именно с их анализа К. Маркс, как известно, и начинает свое исследование в «Капитале»). Будучи включены в механизм функционирования капиталистической системы, эти процессы имеют иной характер и играют иную роль, чем в

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

рамках добуржуазных экономических отношений. Лишь возникновение капитала превращает стоимость во всеобщую форму экономических отношений, включая в сферу ее действия и такой особый товар, как рабочая сила.

К. Маркс подчеркивает, что диалектическое «переворачивание» отношений исходных предпосылок и следствий в процессе возникновения и функционирования органической системы является всеобщей диалектической характеристикой процесса развития. «Если в законченной буржуазной системе... каждое положенное есть вместе с тем и предпосылка, то это имеет место в любой органической системе» [1].

В самом деле, нетрудно показать, что именно эта общая диалектическая характеристика развития в конкретной форме выражается, например, в биогенетическом законе Э. Геккеля и Ф. Мюллера, который, с рядом уточнений, признается и современной наукой. Речь идет о том, что живые организмы в ходе эмбрионального развития повторяют основные этапы развития своих предков (онтогенез, развитие индивида, повторяет филогенез, развитие рода). Воспроизведение пройденных этапов развития на высшей его ступени — необходимое условие функционирования конкретного целого. Поскольку это воспроизведение осуществляется движением развитого целого, оно не является простым повторением исторически предшествующих этапов. Ведь сама зародышевая клетка — продукт индивида, стоящего на более высокой ступени развития, чем те предки, формы которых воссоздаются в ходе онтогенеза. Да и условия, в которых осуществляется этот процесс, отличны от исторических условий филогенеза. Именно поэтому онтогенез не является полной копией филогенеза.

В принципе то же самое происходит и в процессе индивидуального интеллектуального развития. Воспроизведение сегодня в ходе обучения *определенной исторической* последовательности развития знания диктуется по большей части наличием *определенных логических* зависимостей в системе самого современного знания, включением «в снятом виде» исторически выработанного знания в структуру современных научных теорий. Но именно поэтому в процессе индивидуального обучения и не повторяются все исторические этапы развития знания.

Ставшая, возникшая целостная система воспроизво-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 229.

дит отнюдь не все свои исторически существовавшие предпосылки, а лишь необходимые для своего функционирования.

Ряд исторических условий порождения данной системы, ряд промежуточных, переходных форм от одной системы к другой полностью исчезают, не оставляя после себя никаких следов. Это в высшей степени осложняет исследование процесса порождения высших форм низшими и нередко используется либо для отрицания самого этого процесса, либо для утверждения невозможности его научного объяснения.

Закон отрицания отрицания связан с общим, интегральным пониманием прогрессивного развития, его направленности и основных фаз. Вместе с тем комплексная характеристика прогресса дается всеми тремя основными законами диалектики в их совокупности. В качестве движущей силы развития выступают внутренние противоречия, взаимоотношения и взаимосвязи развивающегося объекта. Это не означает, конечно, что внешние воздействия и условия развития исключаются из рассмотрения; это значит лишь то, что с точки зрения марксистско-ленинской философии прогрессивное развитие не может быть обусловлено действием внешних трансцендентных сил, оно есть результат самодвижения, диалектического отрицания и отрицания отрицания одних стадий другими. Постулирование внешних сил прогрессивного развития — будь то «стремление природы к усложнению» у Ламарка, «абсолютный дух» у Гегеля, «жизненный порыв» у Бергсона и т. п.— является, по сути дела, отказом от рационального истолкования прогресса. Будучи внутренними, движущие силы прогресса как в природе, так и в обществе носят материальный характер.

Внутренними противоречиями, действием закона отрицания отрицания определяется и общая направленность прогрессивного развития. В телеологических концепциях, в которых цель развития понимается как нечто изначально предзаданное, прогресс выступает как однонаправленная, жестко детерминированная извне последовательность изменений объекта. Конечное состояние развивающегося объекта фактически оказывается целевой причиной, изначально предопределяющей направленность развития. Диалектико-материалистическая концепция, напротив, подчеркивает необходимость изучения в каждом конкретном случае конкретных обстоятельств, условий, противоречий, характера предшествующих фаз развития,

которыми определяется направление и создается сама возможность прогресса. Отсюда следует, во-первых, то, что существует не один-единственный путь, а многообразие конкретных вариантов и путей прогрессивного развития; во-вторых, то, что ход прогресса не предопределен фатально (в частности, темп и характер общественного прогресса зависят от действия субъективных факторов, от творческой активности масс).

Поэтому диалектико-материалистический закон отрицания отрицания отнюдь не тождествен триаде гегелевской идеалистической диалектики. «Триадически» истолкованная схема развития (тезис, антитезис и синтез) служила Гегелю для телеологического понимания прогресса. На высшей стадии развития якобы совершается своеобразный возврат к исходному, начальному пункту. Развитие в этом случае выглядит как заранее запрограммированный процесс: начальная стадия потенциально, в «свернутом» виде содержит в себе то, что должно получиться в конце. Закон отрицания отрицания, как он осмысливается в рамках материалистической диалектики, ничего общего не имеет с телеологией. Как сам характер возвратов к «якобы старому», так и способ повторения определенных характеристик пройденных этапов на более высоких стадиях развития определяются конкретными условиями.

В. И. Ленин ссылался на высказывание Ф. Энгельса о том, что К. Маркс никогда не помышлял, чтобы «доказывать» что бы то ни было гегелевскими триадами. Он исследовал действительный процесс. «Если же, дескать, при этом иногда оказывалось, что развитие какого-нибудь общественного явления подпадало под гегелевскую схему: положение — отрицание — отрицание отрицания, то ничего тут нет удивительного, потому что в природе это вообще не редкость» [1].

В телеологических трактовках абсолютизируется схема так называемого «запрограммированного» прогрессивного развития. В качестве примера такой схемы можно рассматривать онтогенез биологического организма, и поэтому ее можно было бы назвать организмоцентристской. В этом случае развитие организма как бы запрограммировано генетически (точнее, впрочем, говорить о том, что онтогенетическое развитие обусловлено взаимодействием генетической программы и конкретных условий среды), и каждую стадию развития действительно можно оценивать с

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 163.

точки зрения развитого состояния, в общем и целом достаточно хорошо известного. Однако некритическое перенесение этой схемы, справедливой для ряда случаев, на все ситуации ведет к огрублению, схематизму, который и является одной из существенных познавательных предпосылок телеологической трактовки прогресса. В онтогенезе, как уже отмечалось, в сжатой и измененной форме повторяется филогенез. Однако было бы принципиально неверно переносить специфические особенности онтогенеза на филогенез.

Европоцентризм, практически безраздельно господствовавший в буржуазной социологии (а также в эволюционной антропологии и этнографии) вплоть до начала XX в. и далеко не изжитый еще и теперь, как раз и представляет собой некритическое перенесение подобной организмоцентристской схемы на общество. Социальные и культурные институты буржуазной цивилизации понимаются европоцентристами как цель, к которой направлена эволюция так называемых «примитивных» народов; в идеологическом плане эта установка выступала оправданием и обоснованием «цивилизаторской миссии» колонизаторов.

Своеобразное преломление телеологический организмоцентризм получает при рассмотрении прогресса науки. Научное знание мыслится наподобие некоей географической карты, отдельные участки которой до поры до времени остаются белыми пятнами, но общие контуры и очертания ее являются незыблемыми, установленными раз и навсегда. Вполне естественно, что единственным направлением развития научного знания при этом оказывается последовательное устранение еще имеющихся белых пятен. Такое финалистское понимание научного прогресса как однонаправленного движения к предзаданному состоянию было в корне подорвано целой серией революций в естествознании XX в., со всей очевидностью продемонстрировавших, что контуры подобного рода карты в обобщенном виде фиксируют исторически достигнутый уровень научных знаний. Вместе с тем каждое значительное научное открытие не только ведет к ликвидации белых пятен, но и заставляет пересматривать сами контуры карты.

В понимании биологической эволюции телеологические трактовки прогресса также вели к односторонности — к оценкам эволюционного прогресса лишь в плане того, насколько та или иная стадия эволюции отстоит от появ-

ления вида homo sapiens. При этом совершенно игнорировался органический прогресс, имеющий место в других ветвях биологической эволюции.

Диалектико-материалистическое понимание прогресса как *единства качественных и количественных изменений*, как *единства преемственности и разрывов* противостоит и односторонне кумулятивистским трактовкам прогресса. С точки зрения последних объективную характеристику прогресса могут давать лишь количественные показатели. Не отрицая их важности, материалистическая диалектика вместе с тем не позволяет их абсолютизировать. Количественные показатели, как правило, бывают достаточно эффективными лишь при сравнении тех состояний, которые относятся к одной и той же ступени развития. Если же сравниваемые состояния принадлежат к таким ступеням развития, которые отделены друг от друга качественным скачком, то применение количественных показателей в каждом конкретном случае требует специального обоснования, без которого возможны ошибочные выводы.

Существенно также и то, что, согласно материалистической диалектике, прогрессивное развитие объекта в целом может осуществляться за счет регресса отдельных его сторон и элементов. Как отмечал Ф. Энгельс, «каждый прогресс в органическом развитии является вместе с тем и регрессом, ибо он закрепляет *одностороннее* развитие и исключает возможность развития во многих других направлениях» [1]. Наиболее очевидный пример тому — специализация органов и функций в ходе биологической эволюции. Обеспечивая оптимальную приспособленность к некоторым конкретным условиям существования вида, такие частичные адаптации вместе с тем уменьшают его пластичность, способность приспосабливаться к меняющимся условиям среды.

Приведенные слова Ф. Энгельса вполне применимы и к общественному прогрессу, в частности к тому, который имеет место в антагонистических формациях. Так, экономический прогресс и развитие производительных сил капиталистического общества осуществляется за счет непрерывного роста эксплуатации самого производителя. Как показал К. Маркс, в результате этого создается и закрепляется односторонность в развитии производителя, который фактически выступает как «частичный индивид», низводится до роли простого придатка машины.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 621.

Ориентация исключительно на количественные показатели прогресса порождает у многих буржуазных обществоведов стремление отождествить экономический или научно-технический прогресс с прогрессом социальным. Последний, однако, должен оцениваться на основании комплексных, причем не только количественных, но и качественных характеристик — таких, как формы собственности, природа присущих данному строю производственных отношений, наличие или отсутствие классовых антагонизмов и т. п. Невозможность отождествления экономического роста и научно-технического прогресса с социальным прогрессом ярко демонстрируется такими явлениями современного капиталистического общества, как, например, угроза энергетического и экологического кризиса, обусловленная антагонистичностью и стихийностью развития буржуазного общества.

В равной мере несостоятельна и характерная для позитивизма кумулятивистская трактовка прогресса науки как простого движения по прямой линии, как последовательного и непрерывного накопления все новых и новых элементов научного знания. Такое понимание научного прогресса привело к тому, что неопозитивизм оказался практически безоружным перед проблематикой научных революций, которые и являются одним из ярких выражений действия закона диалектического отрицания, поступательного развития науки.

И тем не менее кумулятивистское понимание прогресса до сих пор не потеряло своих сторонников. Его следы, например, легко обнаруживаются в таких концепциях эволюции, в которых главной движущей силой эволюционного прогресса оказывается чисто количественное увеличение генетического материала, содержащегося в клетке.

Приверженность к кумулятивистским трактовкам прогресса, абсолютизирующим роль тех или иных количественных его характеристик, видимо, во многом объясняется реакцией, в значительной мере оправданной, на чисто оценочные, абстрактно-умозрительные концепции прогресса, широко распространявшиеся в буржуазной философской и общественной мысли вплоть до конца прошлого столетия. Однако стремление полностью освободиться от оценочных моментов при изучении прогресса едва ли можно счесть продуктивным. Понятие прогресса, конечно, всегда содержит те или иные оценки. Однако оценка может либо основываться на результатах объективного и,

что особенно важно отметить, всестороннего научного исследования (как это и предполагает теория материалистической диалектики), либо привноситься заранее и некритически, вследствие чего анализ, по сути дела, подменяется апологетикой.

Сказанное имеет самое непосредственное отношение к вопросу о методологической природе *критериев прогресса* и об их обосновании. Очевидно, эти критерии не могут быть удовлетворительными, если они носят либо сугубо оценочный, либо сугубо эмпирический характер. Их научное обоснование невозможно без систематического теоретического исследования данного объекта. Разумеется, такое исследование не только не исключает, но, напротив, предполагает привлечение эмпирических, в том числе количественных, показателей. Дело, однако, в том, что эти показатели получают реальный смысл и весомость в ходе *теоретического* исследования, выявляющего условия и границы их применимости.

Учитывая сложность, противоречивость самого прогрессивного развития, легко понять, что его критерии, во-первых, носят комплексный характер и, во-вторых, всякий раз должны специально исследоваться в плане их применимости к тому или иному кругу естественных и социальных объектов, а также к различным стадиям развития одного и того же объекта.

В самом общем виде, вероятно, можно выделить несколько групп конкретных критериев прогресса. Это энергетические критерии, характеризующие интенсивность и эффективность использования энергии данной системой; функциональные критерии, выражающие разнообразие типов внутрисистемных взаимоотношений и взаимоотношений между системой и ее окружением; структурные критерии, которые характеризуются не только количеством элементов, но и интенсивностью взаимосвязей между ними, причем эта интенсивность в отдельных случаях может измеряться в единицах количества информации; наконец, критерии, относящиеся к взаимосвязи системы с окружающей средой и оценивающие степень целостности и автономности системы относительно среды.

Указанные критерии применимы как к естественным, так и социальным системам. Однако в последних они играют подчиненную роль, а на первый план выступают специфические критерии общественного прогресса. Среди них особое место занимает уровень развития производительных сил, который В. И. Ленин называл высшим кри-

терием общественного прогресса. Именно развитие производительных сил определяет в конечном итоге возможности прогресса во всех областях общественной жизни.

5. Диалектико-материалистический детерминизм: причинность, необходимость и случайность в процессе развития; категории формы и содержания, возможности и действительности

Антителеологический характер процесса развития, отрицающий «запрограммированность» в движении от простого к сложному, как и однозначную связь явлений, обосновывается в концепции диалектико-материалистического детерминизма.

Согласно этой концепции, *причинность* есть лишь одна из многочисленных форм связи объектов. «Каузальность, обычно нами понимаемая,— писал В. И. Ленин,— есть лишь малая частичка всемирной связи», причина и следствие есть «лишь моменты всемирной взаимозависимости, связи (универсальной), взаимосцепления событий, лишь звенья в цепи развития материи» [1]. Развивающееся познание выходит в дальнейшем за рамки простого фиксирования причинных отношений; оно рассматривает связи явлений и с других сторон — с точки зрения их необходимого, внутреннего или внешнего характера.

В. И. Ленин характеризует диалектический путь познания сущности как «бесконечный процесс раскрытия *новых* сторон, отношений etc.» — «от сосуществования к каузальности и от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей» [2]. Практически это означает, что данные поверхностного наблюдения, фиксирующие сосуществование объектов, но игнорирующие факт непрерывного движения и изменения, совершенно недостаточны для понимания истинной природы вещей. Эти данные опровергаются последующим, более систематическим и глубоким наблюдением уже на ступени простого созерцания. «Первое, что нам бросается в глаза при рассмотрении движущейся материи,— писал Ф. Энгельс,— это взаимная связь отдельных движений отдельных тел между собой, их *обусловленность* друг другом» [3].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 144, 143.

[2] Там же, с. 203.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 544.

Вычленяя причинно-следственную связь, т. е. такое отношение между объектами, при котором один (или несколько) из них служит основанием для возникновения (или появления отдельных свойств) других, мы фиксируем предельно широкое и в то же время строго определенное, конкретное отношение между объектами. В дальнейшем оказывается, однако, что «причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами; то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот» [1].

Причинность, следовательно, охватывает только часть всеобщего универсального *взаимодействия,* которое включает в себя многообразие причин и следствий, их связей и соподчиненности, их способность меняться местами в общем закономерном процессе. Однако детерминизм отнюдь не исчерпывается понятием причинности.

Вместе с тем и категория универсального взаимодействия еще не дает нам полного, конкретного знания о связях и отношениях объектов. Она лишь фиксирует наличие этих связей и предполагает их многообразие и диалектические взаимопереходы. Одно только взаимодействие, замечал В. И. Ленин, равно пустоте.

Отношения между причиной и следствием могут выступать в двух формах: необходимой и случайной. *Необходимость* выражает неизбежность наступления того или иного следствия в силу внутренней связи между ними. *Случайность* же не выражает такой неизбежности, и в этом смысле она может быть охарактеризована как то, что может быть, а может и не быть в действительности. Таким образом, необходимость и случайность как формы реализации причинных отношений в конкретном анализе оказываются тесно связанными с соотношением *возможного* и *действительного,* с превращением возможности в действительность. Говоря словами Гегеля, случайность — внешняя сторона возможности, формальная возможность. Случайность, с одной стороны, не имеет основания, т. е. она не может быть объяснена из внутренних условий дан-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 22.

ного объекта, а с другой стороны, она имеет основание, но оно внешнее по отношению к данному кругу условий. Ф. Энгельс писал, что противоположность случайности и необходимости относительна: «...то, что утверждается как необходимое, слагается из чистых случайностей, а то, что считается случайным, представляет собой форму, за которой скрывается необходимость, и т. д.». «...Где на поверхности происходит игра случая, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы» [1].

Однако это не следует понимать так, что все случайное необходимо, ибо тогда сама необходимость потеряет действительный характер, превратившись в формальную необходимость, абсолютно исключающую случайность. Нечто подобное мы и наблюдаем в концепции механистического детерминизма. Абстрактно понимаемая необходимость, по сути дела, превращается здесь в абсолютную случайность. Механистический детерминизм смыкается, следовательно, с концепциями, абсолютизирующими случайность. Две на первый взгляд противоположные точки зрения — признание только необходимости, действующей с фатальной неизбежностью, и только случайности, исключающей обнаруживающуюся в ней необходимость,— на деле оказываются едиными в своей противоположности.

Таким образом, случайность и необходимость — это категории, имеющие действительный смысл лишь тогда, когда они отражают процессы объективной реальности, рассматриваемой не абстрактно, а конкретно, в качестве определенной системы связей, которая состоит из бесконечного множества конкретных подсистем.

Иначе говоря, категории необходимости и случайности имеют действительное, конкретное значение, если их не изолируют от условий, включающих все предпосылки, которые определяют существование объекта в реальной действительности. Тогда необходимость, в отличие от случайности, выступает уже как единство реальной возможности и действительности. Необходимое в одних условиях может быть случайным в других, и наоборот [2]. Следовательно,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 303, 306.

[2] К. Маркс блестяще показал, как единичная форма обмена, выступая в качестве случайной в условиях неразвитого товарного производства, в условиях развитого товарного производства становится всеобщей и необходимой.

только конкретный учет условий может дать надежный критерий для различения необходимого и случайного.

Однако причинно обусловленная, внутренне необходимая связь не может выражать отношение между явлениями, не затрагивая их сущности. Фиксируя эту существенную связь, имеющую всеобщее для данного круга условий значение, познание выходит далеко за рамки констатации данного и получает возможность определить мысленно тенденцию последующего развития познаваемого объекта, т. е. возможность научного предвидения.

Все эти сложные диалектические переходы мысли от одного типа связи к другому не улавливаются концепцией механистического детерминизма, абсолютизирующей причинно-следственные отношения, ограничивающей познание стремлением лишь к полному рассмотрению причинного ряда явлений. Механистический детерминизм не улавливает и сложную диалектическую природу самой причинной связи. В анализе объектов обнаруживается, что последняя отнюдь не всегда может трактоваться как непосредственная и однозначная: такая трактовка возможна лишь в случае искусственной изоляции объектов от тех сложных условий, в которых происходит их развитие.

Конкретное исследование, ориентирующееся на всесторонний учет условий, обнаруживает *множественность причин,* представляющую собой не простую сумму, а сложное интегральное целое. При этом следствие, как правило, не может быть выведено непосредственно, поскольку оно обусловливается еще и такими факторами, которые не вытекают с необходимостью из внутренних свойств данного явления, а выступают случайными, т. е. имеющими причину в другом, хотя и связанном с первым, круге условий. Учет этих условий приводит к отказу от рассмотрения причинных отношений как только непосредственных и однозначных и способствует переходу к статистической их интерпретации.

Статистическое исследование, включающее учет случайных тенденций, коренным образом отличается от исследования, направленного на раскрытие одной лишь механической причинности. Вскрывая опосредствованную специфическими внутренними отношениями определенного объекта причинно-следственную связь, оно обнаруживает неоднозначный характер отношения между причиной и следствием, т. е. тот факт, что последующее состояние системы уже нельзя полностью вывести из предыдущего. Поэтому статистическое исследование, поскольку

оно исходит из анализа сложной совокупности связей и имеет дело со случайностью, может дать лишь вероятностный вывод.

Эта *вероятность,* однако, не просто указывает на какой-то лежащий в основе характеризуемых ею явлений, но скрытый от нас устойчивый закон, т. е. она не есть нечто субъективное, устраняемое последующим, более «точным» знанием, которое устанавливает однозначную детерминацию явлений. Вероятностный характер выводов статистического исследования обусловливается объективными причинами, тем, что оно имеет дело с особым типом связи природных явлений — статистической причинной связью, статистической закономерностью, несводимой к закономерностям единичных явлений. Всякая попытка такого сведе́ния обречена на неудачу потому, что в результате выявится какая-либо новая закономерность, имеющая также статистический характер.

Основой статистической причинной связи не является чистая, абсолютная случайность, рассматриваемая в по́лном отрыве от необходимости. Наоборот, случайность соотносится с необходимостью как форма ее проявления. Специфической особенностью статистической причинной связи выступает, однако, то, что необходимость проявляется в ней лишь суммарно, в виде «усреднения» разнообразных тенденций, наличие которых обусловлено сложностью внутреннего строения объектов и самим их количеством. Эти тенденции могут быть случайными по отношению к той стороне, которую мы изолируем в процессе исследования в качестве единичного случая, но некоторые из них оказываются необходимыми, когда мы имеем дело с комплексом. Если брать отдельный случай, говорил К. Маркс, то здесь «господствует случайность, в которой, следовательно, внутренний закон, прокладывающий себе дорогу через эти случайности и регулирующий их, становится видимым лишь тогда, когда они охватываются в больших массах...» [1].

Следовательно, при статистическом исследовании имеют дело не с единичными объектами, а с их совокупностью, комплексом. При этом, разумеется, в общем случае безразлично, является ли эта совокупность состоящей из отдельных целостностей, или она объединяет лишь отдельные компоненты некоторой целостной системы. Важно то, что статистическое исследование способно установить

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 396.

определенные закономерности в проявлении случайности, а это достигается, в частности, с помощью математической статистики, методов теории вероятностей.

Всесторонне характеризуя причинно-следственные отношения (не только динамического типа, т. е. связи жесткой детерминации, но и статистические), учитывая их непосредственное и опосредствованное действие, однолинейный (однонаправленный) и циклический (взаимодействие) характер, диалектико-материалистический детерминизм исходит из множественности форм и типов связей. Это позволяет определить общие методологические подходы в анализе систем, имеющих различную степень структурной и функциональной организованности, специфические формы внутренних и внешних взаимодействий. Важно, что данная концепция детерминизма охватывает все существующие формы сложноорганизованных систем и целенаправленных процессов, при изучении которых авторитет «телеологического мышления» в разных его видах ранее был непререкаем.

Существенную роль как в философском, так и в специально-научном исследовании развития играют категории *формы* и *содержания*. Вообще говоря, любой процесс развития в определенном отношении выступает как внутренне противоречивое диалектическое единство формы и содержания развивающегося объекта. При этом содержание — определяющая, более подвижная, более текучая и изменчивая сторона целого; форма же — система более устойчивых связей объекта, в рамках которой как бы канализируется эта активность, подвижность содержания. Вместе с тем необходимо подчеркнуть и активность формы, то, что она может оказывать и оказывает влияние — стимулирующее или сдерживающее — на развитие заключенного в ней содержания. Так, в современных условиях во многом изжившие себя капиталистические формы собственности тормозят развитие производительных сил общества. И напротив, история XX в. дает множество примеров того, как установление социалистической общественной формы собственности на средства производства позволяет народам делать мощный скачок в своем социально-экономическом развитии.

Если говорить о познании развивающегося целого, то прежде всего необходимо подчеркнуть, что на разных его стадиях взаимоотношение формы и содержания характеризуется своими особенностями. Так, на начальных стадиях познания, двигаясь от живого созерцания к абстракт-

ному мышлению, мы рассматриваем прежде всего смену форм — именно через нее мы и фиксируем развитие, выделяем его этапы; последующие же стадии связаны с изучением того, каким образом происходит развитие, изменение и преобразование содержания. И только тогда, когда познано развитие содержания, когда на этой основе мы в состоянии не просто фиксировать, но объяснить смену и развитие форм, мы можем говорить о том, что познан и сам процесс развития объекта.

Эта предельно общая схема, конечно, описывает познание развивающегося объекта лишь в самом грубом приближении. В каждом конкретном исследовании, по мере того как мы все глубже проникаем в содержание целого, все более детализированными, более дифференцированными и расчлененными становятся наши представления о формах этого целого, о внутренних взаимосвязях формы и содержания. В свою очередь, чем более разработаны наши представления о формах объекта, тем более богатую и содержательную картину «жизни» объекта они позволяют отразить. Следовательно, через категории формы и содержания фиксируется не только познавательное движение в плоскости объекта, но и движение вглубь, в объемных параметрах —в ходе этого движения наше познание о развитии объекта как бы разворачивается, становится более многомерным. Последнее же не только обогащает, конкретизирует общую картину, но и усложняет ее, ставит перед познанием новые проблемы. Само внутреннее движение познания, таким образом, ведет к расширению круга аспектов, сторон и взаимосвязей объекта, требующих объяснения.

Очерченная нами общая схема требует уточнения и еще в одном существенном моменте. Как мы уже отмечали, в каждом конкретном процессе развития имеет место диалектическое единство, взаимопроникновение формы и содержания. Однако познание, а тем более познание научное, не просто воссоздает хронологию развивающегося объекта, слепо следуя за всеми перипетиями и превратностями отдельного, частного процесса развития. Оно всегда предполагает работу творческого воображения, «отлет мысли» от реальности, оперирование теоретическими абстракциями, схватывающими необходимое, существенное, закономерное в процессе развития. Это значит, что при изучении процессов развития необходимо учитывать не только единство формы и содержания, но и то, что такое единство является диалектическим, внутренне проти-

воречивым, а значит, предполагает относительную самостоятельность формы и содержания, а следовательно, возможность и важность их относительно самостоятельного изучения.

Процесс научного познания — если рассматривать его в самом общем виде — в значительной мере выступает как разработка все более тонких и более абстрактных теоретических средств, т. е. как совершенствование и усложнение форм, в которых мышление отражает и познает реальность. Именно это и позволяет научному познанию все более глубоко и полно ассимилировать и теоретически воспроизводить содержание объективных процессов и явлений. Но это же ведет и к усложнению самой познавательной деятельности, к ее внутренней дифференциации. Скажем, та стадия процесса познания, на которой первоначально выделяются и фиксируются формы объекта, далеко не всегда ограничивается рамками отдельного исследования. Изучение форм, их разнообразия и соотношения во многих случаях становится самостоятельной сферой исследований, вокруг которой возникают целые научные направления или даже отдельные дисциплины.

Это характерно, например, для биологии, где уже достаточно давно сложился целый комплекс морфологических дисциплин; сходные процессы имеют место и в других областях науки. Известно также, сколь большое значение имели для развития кристаллографии и физики твердого тела работы выдающихся кристаллографов Е. С. Федорова, А. В. Шубникова и других ученых, изучавших возможные формы строения кристаллов и устанавливавших их геометрические параметры.

Такого рода морфологические исследования нередко ставят своей целью выявление множества возможных форм, возможных структур для тех или иных классов объектов. При этом, как показывает история науки, важность результатов таких исследований подчас осознается отнюдь не сразу. Наиболее известны в этом отношении такие эпизоды истории науки, как формулирование неевклидовой геометрии Н. И. Лобачевским и открытие Г. Менделем законов наследственности. Работы Н. И. Лобачевского воспринимались современниками как бесполезная, самоцельная игра ума. Поскольку для описания видимого мира, казалось, достаточно геометрии Евклида, постольку построение других геометрий, не принимающих аксиому параллельности, представлялось чисто формальной возможностью. Впоследствии, однако, эти формальные построения

получили вполне содержательную интерпретацию. Что же касается математических соотношений, выявленных Г. Менделем, то их переоткрытие заставило биологов искать те вполне конкретные и содержательные механизмы, которые управляют наследственностью.

Нет надобности множить число примеров, чтобы с полным основанием утверждать, что результаты исследований, выявляющих возможные формы объектов, расширяют границы научного познания и в конечном счете вооружают его для более глубокого проникновения в содержание этих объектов. Зная набор возможных для данного объекта форм, мы при изучении конкретного процесса развития этого объекта оказываемся в состоянии выделить не одну, а целый спектр возможных траекторий его развития. Это, в свою очередь, заставляет нас обратиться к анализу тех условий и обстоятельств, вследствие которых в действительности оказалась реализованной данная траектория. Таким образом, мы получаем более живую, более полнокровную картину процесса развития.

Не менее важно, что более углубленное познание многообразия возможных путей развития объекта является лучшим аргументом против фатализма, исходящего из однозначной предзаданности, предопределенности процесса развития. А это, очевидно, имеет значение не только теоретическое, но и практическое, поскольку тем самым выявляются реальные возможности воздействовать на происходящие в объективном мире процессы, управлять ими.

Из сказанного ясно, что познание конкретных зависимостей между необходимым и случайным, формой и содержанием в процессе развития связано с познанием соотношений *возможного* и *действительного* в этом процессе. Более конкретно методологическая роль категорий возможного и действительного в исследовании развивающегося объекта выражается в следующем.

Наши представления о форме развивающегося объекта, т. е. о его структуре, как и представления о содержании происходящих в нем процессов и преобразований, всегда определяются достигнутым уровнем познания данного объекта. Если представить себе, что мы имеем полное, исчерпывающее знание о структурных взаимосвязях и взаимозависимостях объекта, то тем самым мы оказываемся в состоянии однозначно определить весь ход и результаты процесса развития. Однако с точки зрения диалектико-материалистической гносеологии достигнутый нами уровень знания об объекте никогда не может быть абсолютным, он

всегда исторически ограничен. Следовательно, исходя из уже познанных нами структурных взаимосвязей и закономерностей, мы можем отделить то, что может происходить в объекте, от того, что невозможно в силу присущих объекту структурных ограничений. Однозначно определить направление процесса можно лишь после того, как будет показана объективная невозможность всех других мыслимых направлений.

Таким образом, на начальных стадиях исследования развивающегося целого, вследствие малой расчлененности представлений о нем, обычно не возникает сомнений в том, что выявить область необходимо происходящего сравнительно нетрудно. Однако по мере того, как представления об объекте становятся все более богатыми и расчлененными, выявление такой области становится все более сложной проблемой.

К примеру, в начальный период развития социологии именно такая нерасчлененность объекта позволяла с легкостью устанавливать (и с неменьшей легкостью забывать) всякого рода формулы и законы прогресса, такие, как «закон трех стадий» О. Конта или «закон прогрессирующей дифференциации» Г. Спенсера. Одним из опорных пунктов этой методологии был лапласовский детерминизм с его тезисом об абсолютной необходимости всего происходящего — тезисом, принятие которого ведет к игнорированию реально достигнутого в данный момент уровня изучения объекта и стремлению сразу получить полное и однозначное знание о нем. Несостоятельность такой методологии наиболее явно обнаруживается при попытках перейти от реконструкции того, что уже произошло, к прогнозированию будущего. Поскольку речь идет о прошлом, логические и методологические слабости могут быть скрыты: обычно не составляет большого труда найти какое-либо объяснение (и даже не одно) тому, что действительно имело место. Но при познании будущего развития объекта становится очевидным, что, как правило, имеющиеся знания позволяют описать целую более или менее обширную область возможного и что действительная реализация той или иной возможности определяется всей совокупностью конкретных условий, т. е. в случае общественно-исторического развития — диалектическим взаимодействием необходимых и случайных, объективных и субъективных факторов.

Из сказанного ясно, что основным направлением в познании развивающегося целого является движение от ак-

туально существующего действительного к возможному и от возможного к действительному результату развития. При этом категория возможности фиксирует как историческую обусловленность познающего мышления, так и объективно складывающееся многообразие путей развития.

6. Особенности категориального аппарата материалистической диалектики. Эвристическая функция законов и категорий диалектики

Мы рассмотрели — хотя по необходимости в самой общей форме — законы и категории, с помощью которых в материалистической диалектике характеризуется развитие. Теперь, прежде чем переходить к апализу специфических процессов развития в природе, обществе и познании, следует остановиться на некоторых особенностях категориального аппарата материалистической диалектики как философской теории.

Диалектика представляет собой целостную, последовательно развиваемую теоретическую систему изучения коренных философско-мировоззренческих и методологических проблем, возникающих как в процессе научного познания, так и в ходе практического преобразования объективной реальности. Аппарат ее основных законов и категорий дает определенное истолкование и решение этих проблем.

Материалистическая диалектика, как и всякая наука, имеет дело с объективными законами, причем, как уже отмечалось, с законами развития объективного мира и его субъективного отражения в познании. В. И. Ленин отмечал, что предмет диалектики — не столько вещи сами по себе, сколько законы их движения, развития [1]. В связи с этим возникает вопрос: как относятся между собой законы диалектики и законы специальных наук? В философской литературе порой встречаются такие трактовки законов науки, в которых подчеркивается, что данные законы фиксируют неизменное, постоянное в явлениях, устойчивые связи их. В подтверждение такой точки зрения нередко приводятся слова В. И. Ленина из «Философских тетрадей» о законе как «спокойном отражении явлений».

В итоге получается, что законы диалектики, будучи законами изменения, развития, резко противопоставляются законам частных наук как законам неизменного, устойчи-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 84, 86.

вого, постоянного в явлениях. Оправдано ли такое противопоставление? Очевидно, нет. Диалектическое понимание закона должно учитывать заложенное в законе противоречие. С одной стороны, закон действительно есть «спокойное отражение явлений», и в определенном смысле верно, что он отражает систему в статичном состоянии, подчеркивает ее постоянство, устойчивость. В то же время в законе заключена «беспокойная» тенденция беспрерывной подвижности, изменчивости, неизбежно ведущая к преодолению статичности, к преобразованию объектов и систем.

Таким образом, сам закон выступает единством противоположностей. Поэтому как очень важное В. И. Ленин отмечал сближение Гегелем понятия закона не только с понятиями «порядок», «необходимость», но в то же время и с «принципом самодвижения» [1]. «Закон,— писал В. И. Ленин,— есть отражение существенного в движении универсума» [2]. Следовательно, прочное, устойчивое, существенное в явлениях берется не в застывшем состоянии, а в движении, в развитии. Только так можно отразить многообразие, всесторонность материального процесса и представить его единство.

Сказанное позволяет утверждать, что и законы материалистической диалектики, и законы частных наук едины в том, что в них фиксируются диалектическая взаимосвязь, взаимопереходы постоянства и изменения, стабильности и движения, функционирования и развития. И если верно, что законы науки описывают инвариантное, то это прежде всего инварианты преобразования, закономерность изменения и движения объективной реальности.

Закон сохранения материи, к примеру, не обладал бы постоянством и всеобщностью, если бы он не был вместе с тем и законом ее превращения. Нелишне напомнить, что закон сохранения массы вещества был открыт и экспериментально доказан именно с учетом превращения веществ. То же самое можно сказать и о законе сохранения энергии. Эвристической силой эти и другие фундаментальные законы обладают потому, что фиксируют не только постоянные, обязательные, устойчивые отношения, но и способность изменения, развития явлений.

Так, закон стоимости отражает устойчивые отношения товарного обмена, независимо от рыночной конъюнктуры,

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 167.
[2] Там же, с. 137.

от спроса и предложения. Но закон этот проявляется в действии, в хозяйственном обороте исторически определенного общества. Анализируя действие закона стоимости при капитализме, К. Маркс прослеживает неизбежно вытекающее из этого закона развитие всех противоречий буржуазного общества. «Свободная» купля-продажа рабочей силы «по стоимости» оборачивается присвоением капиталистами прибавочного продукта, производимого трудом рабочего сверх стоимости рабочей силы. Тем самым раскрывается механизм эксплуатации труда капиталом, растущий антагонизм между классом наемных рабочих и буржуазией. Вместе с тем выявляется основа острейшей конкурентной борьбы товаровладельцев вокруг «стоимости», обнаруживается стихия капиталистического производства и рынка, порождающая экономические кризисы, безработицу, инфляцию и другие противоречия и потрясения буржуазного общества. Имманентное действие экономических законов капиталистического способа производства предопределяет неизбежность его замены другим общественным строем.

Разумеется, диалектика не отрицает того, что те или иные частные законы науки отражают неизменную причинно-следственную связь определенных явлений. Считая движение, изменение, развитие всеобщей формой существования материи, диалектика признает момент относительного покоя. Но покой при этом является именно относительным, он всегда касается лишь определенной формы движения, например механического перемещения. Это прекрасно разъяснено Ф. Энгельсом, указывавшим, что какое-либо тело, находящееся в состоянии механического равновесия, покоя, в то же время участвует в общем мировом движении, и элементы его пребывают в самых разнообразных формах движения — физических, химических и других процессах и превращениях.

Абсолютизация покоя, равновесия, неизменности — это сущность метафизического миропонимания. Как показывает история философской мысли, метафизическое понимание закона как основы неизменности мироздания очень часто оборачивалось апологией реакции, отживших общественных порядков.

Диалектическое истолкование законов *как противоречивого единства устойчивости и изменчивости* является необходимым условием для анализа проблем, касающихся оптимального регулирования отношений между развивающимся обществом и изменяемой им природой.

В этой связи необходимо подчеркнуть огромное значение идеи развития для экологической науки и практики. Известно, что уже сейчас на нашей планете сложилась довольно напряженная экологическая обстановка, в ряде регионов налицо экологический кризис. В этих условиях некоторые буржуазные ученые призывают к замедлению, приостановке и даже полной остановке роста промышленности, к ограничению потребностей населения и т. п., поскольку, мол, это диктуется естественными пределами приспособления природной среды к антропогенным воздействиям.

Ограниченные метафизическим способом мышления, даже самые добросовестные исследователи на Западе, обратив внимание мира на неотложность решения проблем, вытекающих из сложившейся ситуации, не могут предложить конструктивного подхода к их решению. Их предложения о приостановке роста производства и воспроизводства населения нереалистичны и противоречат объективной логике общественного прогресса.

Многие ученые и общественные деятели мира, не сознавая диалектику объективных процессов, усматривают в научно-технической революции лишь причину возникновения острых социальных проблем и недооценивают заложенные в ней возможности перехода от одного типа развития производительных сил к качественно иному типу роста общественного производства, а на этой основе — к тем глубоким социальным переменам, которых властно требует переворот в производительных силах.

Достижения науки и техники применяются до сих пор преимущественно для расширения «поля производства», вовлечения в хозяйственный оборот прогрессивно возрастающих объемов исходных продуктов природы. На этом пути человечество действительно по ряду параметров приблизилось к пределам. Между тем планомерное использование новой техники и технологии, уже известной и апробированной, позволяет удовлетворять растущие потребности в материальных благах на основе снижения удельных норм потребления исходных продуктов, т. е. на основе всемерной интенсификации производства.

Метафизические «установки» не принимают во внимание возможности развития самой природы, особенно в результате разумного воздействия человека, а главное — возможности развития общества, человека, способного усовершенствовать природную среду, усиливать полезные ее свойства, использовать все новые ее силы и предостав-

ляемые ею возможности. Конечно, пока мы еще мало знаем, как решить такого рода задачи в целом, в глобальных масштабах. Однако из этого отнюдь не следует, будто бы сама цель оптимального регулирования отношения человека к природе недостижима. В данной связи особенно уместно напомнить ленинские слова: «Объективный мир» «идет своим собственным путем», и практика человека, имея перед собой этот объективный мир, встречает «затруднения в осуществлении» цели, даже натыкается на «невозможность»...» [1]. И все же, говорит В. И. Ленин в другом месте, «деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, **изменяет** внешнюю действительность», «меняет те или иные ее стороны, качества» [2].

Именно в рациональном изменении внешней среды и самого общества ключ к решению проблем, вставших перед человечеством на современном этапе. Нет сомнения в том, что, используя законы природы, достижения научно-технической революции, человек сумеет решить сложные экологические проблемы и обеспечить дальнейший ускоренный прогресс производства материальных и духовных благ. Одним из существенных условий такого хода событий должен послужить всесторонний и интенсивный научный анализ именно вопросов *развития* взаимодействия общества и природы.

В целом, если говорить о трактовке законов естествознания и законов общественной жизни в современной науке, необходимо отметить, что не только социальные законы, но и законы природы во все большей мере выступают как законы изменения, развития. Более подробно об этом будет говориться в следующей главе. Пока же подчеркнем, что такая общность, конечно, не отменяет различий, существующих между законами природы и общества. Различия эти главным образом относятся к тому, что законы общественного развития имеют дело со специфическим единством объективного и субъективного. Данные законы, во-первых, должны в полной мере учитывать все возрастающую — по мере общественного прогресса — значимость субъективных факторов. Во-вторых, в области социальной жизни объективные законы реализуются через сознательную деятельность множества людей, каждый из которых преследует свои цели и свои интересы. Поэтому, в отличие от законов в естественных науках, общественно-историче-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 196.
[2] Там же, с. 199.

ские законы выступают как объективные тенденции социального развития, они сплошь да рядом нарушаются в отдельных, частных случаях, но тем не менее дают верную интегральную характеристику социального взаимодействия.

Диалектический подход в применении к жизни и истории общества, следовательно, предполагает рассмотрение объективных законов социального организма. Диалектический метод требует конкретного исследования законов функционирования и развития каждой данной общественно-экономической формации.

Марксистско-ленинская методология не отделяет друг от друга законы функционирования общества и законы его развития. Марксизм-ленинизм рассматривает функционирование и развитие общества в их единстве, но при этом в центр внимания ставит именно развитие общественной системы. Как указывал В. И. Ленин, «для Маркса одно важно... именно — найти закон тех явлений, которые он исследует, и притом особенно важен для него закон изменения, развития этих явлений, перехода их из одной формы в другую, из одного порядка общественных отношений в другой» [1]. Именно потому, что К. Маркс изучал капиталистическое общество, исходя из диалектической концепции развития, он и смог раскрыть те исторические законы, которые регулируют не только функционирование, но «возникновение, существование, развитие и смерть данного общественного организма и замену его другим, высшим организмом» [2]. Если же говорить о законах коммунистической общественно-экономической формации, то они также являются законами диалектического развития, притом такого развития, которое выступает как непрестанный прогресс, обновление, последовательное движение вперед и вперед путем разрешения неантагонистических противоречий. Как показывает исторический опыт, коммунизм — это наиболее динамичная из существовавших общественно-экономическая формация, способная осуществлять в исторически короткие сроки грандиозные по масштабам социально-экономические преобразования. Для научного познания данной формации, следовательно, исключительное, поистине фундаментальное значение имеют законы материалистической диалектики как наиболее глубокого учения о развитии.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 166.
[2] Там же, с. 167.

Закладывая фундамент материалистической диалектики, классики марксизма-ленинизма критически осваивали и перерабатывали все достижения предшествующей философской мысли. Это в полной мере относится и к аппарату *категорий,* развивающемуся на протяжении более чем двухтысячелетней истории философии. Характеризуя категории материалистической диалектики, В. И. Ленин подчеркивал, что они «суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» [1]. В этих словах отражено то качественно новое, что вносит в истолкование природы философских категорий материалистическая диалектика.

К примеру, в философии Канта категории понимались как априорные формы чувственности и рассудка; путем их применения субъект, по существу, сам предписывает порядок и законосообразность воспринимаемым им явлениям действительности. Для Гегеля, отождествляющего на идеалистический манер мышление и бытие, категории были ступенями самодвижения и самопознания абсолютного духа; материя же мыслилась им как всего лишь инобытие духа.

В материалистической диалектике, о чем свидетельствуют приведенные слова В. И. Ленина, категории понимаются *как средства не только познания мира, но и овладения им, преобразования его.* В их содержании, следовательно, в наиболее общей форме, в виде «узлов сети» отражается исторически накопленный человечеством опыт познания и преобразования объективной реальности. Это значит, во-первых, что в категориях материалистической диалектики находят отражение взаимосвязи и зависимости, характерные не только для человеческого мышления, но прежде всего для самой объективной реальности. Это значит, во-вторых, и то, что содержание категорий не может не изменяться, не обогащаться в ходе развития общественно-исторической практики и все более глубокого проникновения познания в сущность явлений и процессов окружающей действительности.

Умение в полной мере использовать богатство категориального аппарата материалистической диалектики в познавательной и практической деятельности не дается само собой — оно требует освоения всего того, что накоплено историей человеческого мышления, и в том числе ис-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 85.

торией философии, о чем неоднократно говорили классики марксизма-ленинизма. Они подчеркивали, что искусство оперировать понятиями — результат более чем двухтысячелетнего развития философии [1]. Без овладения этим искусством применение категорий поверхностно, вырождается в псевдодиалектику.

То или иное истолкование содержания философских категорий и взаимосвязей между ними решающим образом зависит от общемировоззренческой направленности данной философии. Вместе с тем свое наиболее яркое выражение эта направленность находит в трактовке категорий. Так, уже в решении основного вопроса философии — вопроса об отношении материи и сознания — мировоззренческая направленность диалектико-материалистической философии проявляется четко и недвусмысленно в признании первичности материи как такого начала, которое не требует более широкого объяснительного контекста. Оно само выступает в качестве исходного принципа, на основе и в рамках которого осуществляется решение всех коренных философско-мировоззренческих проблем.

Эта позиция, однако, не просто формулируется, она развивается в теоретическую систему взаимосвязанных категорий и законов материалистической диалектики. В конечном счете вся эта система представляет собой конкретизацию исходного принципа, отвечает на вопрос, как возможно понимание материи как «причины самой себя», как согласуется оно с основными итогами и выводами познания мира, с результатами науки, обобщением опыта социально-исторической деятельности людей и т. д. Любая категория, любой закон диалектики выполняют определенную функцию в контексте решения этих задач, и именно эта функция и определяет философский характер соответствующих законов и категорий.

Таким образом, во взаимосвязи законов и категорий материалистической диалектики выражается представление не просто о некоторых всеобщих свойствах бытия как такового, некая абстрактная модель бытия вообще. Система категорий и законов материалистической диалектики выступает как определенная теоретическая модель решения коренных философско-мировоззренческих проблем, как способ обоснования и конкретизации принципа единства мира в его материальности, понимания сознания и

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 236; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 14.

вообще творческой активности человека как продукта развития высокоорганизованной природной и социальной материи и пр. Основное теоретическое содержание диалектики составляют не некие абстрактные принципы бытия вообще, как бы нивелирующие, усредняющие, так сказать, специфику различных форм движения материи, специфику отношения бытия и сознания и растворяющие эту специфику в универсальной «модели мира», а конкретно-всеобщие закономерности развития природного, социального и духовного мира, позволяющие понять его в единстве многообразия. И коренная познавательная функция диалектики как философской теории состоит не в том, чтобы обеспечить возможность объяснения всего и вся (по существу, из такого взгляда и исходит понимание диалектики как суммы примеров), а в том, чтобы дать четкие теоретические основания для анализа соответствующей философско-мировоззренческой проблематики.

В частности, функция диалектики как всеобщей теории развития состоит не только и не столько в том, чтобы дать его общую дефиницию, применимую к различным областям знания, наподобие того как различные варианты общей теории систем дают общие определения системы, структуры, элемента и пр. Задача диалектики как философской теории развития в первую очередь заключается в том, чтобы представить принцип развития как объяснительный принцип для понимания материи как «причины самой себя», уяснить развитие как механизм порождения новых качественных состояний материи, перехода от возможности к действительности, в конечном счете возникновения из природной материи социального мира, человечества, сознания, творчества.

Совокупность всех законов и категорий диалектики в их целостности и взаимосвязи и обеспечивает выполнение этой задачи. Определенный вклад в ее решение может быть внесен уточнением критерия той или иной общей категории как философской. Дело не просто в степени общности категории, т. е. в широте области ее применимости, а в специфике философского подхода к ее содержанию. Ведь и категории, которые традиционно включаются в разряд философских, можно рассматривать так, что в них не будет выявляться их философский смысл. Как известная абстракция это вполне допустимый прием. Например, можно выявлять формально-логическим путем отношения между категориями «необходимость», «случайность», «возможность», различать типы соответствующих модаль-

ностей (логическая, физическая, техническая модальности) и т. д., что и делается в современной методологии науки, использующей методы логической семантики. Очевидно, однако, что такой подход, несомненно, проливающий определенный свет на эти категории, не затрагивает еще собственно философских проблем, связанных с данными категориями.

Материалистическая диалектика является теоретической системой взаимосвязанных законов и категорий. Было бы, таким образом, неправильно противопоставлять законы и категории как компоненты этой теоретической системы. Ведь основные законы диалектики, по существу, есть не что иное, как выражение соотношения исходных категорий диалектики, таких, как «количество», «качество», «мера», «скачок», «развитие», «противоречие», «противоположность» и пр. Кстати, то же самое имеет место и при построении конкретно-научных теорий. Скажем, основные законы классической механики раскрывают отношение исходных понятий механики. С другой стороны, соотношения между взаимопредполагающими друг друга категориями, которые обычно при изложении диалектики рассматриваются как парные, такие, как «случайность» и «необходимость», «сущность» и «явление» и пр., можно сформулировать в виде соответствующих неосновных законов диалектики.

Проблема, таким образом, состоит не столько в отношении между законами и категориями как структурными компонентами диалектики, сколько в развертывании *целостной системы диалектики.*

Рассматривая эвристическую функцию материалистической диалектики по отношению к специально-научному знанию, также следует иметь в виду отмеченные выше особенности философских законов и категорий. Выступая как итог, сумма, вывод истории познания мира, законы и категории диалектики раскрывают общие закономерности познавательного процесса, переходов «от незнания к знанию». Материалистическая диалектика в ее функции логики, теории познания и общей методологии науки содержит учение о диалектике абсолютной и относительной истины, о противоречиях мышления как движущей силе познания, о неисчерпаемости объекта исследования, т. е. положения, которые выступали и выступают в качестве методологического основания решения конкретных проблем. Эвристическая функция диалектики как философского учения о познании заключается в том, что она позво-

ляет рассмотреть те или иные конкретные проблемы под углом зрения развития познания в целом и тем самым раскрывает более широкую перспективу анализа и истолкования данного явления. Так, анализ соотношения между теориями классической и современной физики с позиций материалистической диалектики как философского учения о познании дал возможность сформулировать в общем виде принцип соответствия как некоторую универсальную закономерность развития научного знания. Важную эвристическую роль играет принцип противоречия в познании как методологическая основа выявления движущих сил развития теории.

Во всех этих случаях, когда общие положения материалистической диалектики как логики и теории познания играют эвристическую роль при анализе конкретных познавательных проблем, речь не идет о каком-то прямом дедуцировании решения из общего принципа. Последний служит руководящей идеей для построения решения, которое предполагает анализ конкретной ситуации. Скажем, принцип соответствия нельзя рассматривать просто как конкретный пример диалектики относительной и абсолютной истины. Для того чтобы показать связь конкретных фактов из истории науки, охватываемых действием этого принципа, с общими закономерностями диалектики как логики и теории познания, надо было суметь объяснить эти факты в свете соответствующих диалектических закономерностей, что предполагало специальную исследовательскую работу. Аналогично этому понятие, например, антиномии — проблемы как движущего противоречия познания — предполагает умение объяснить соответствующие факты в свете общих представлений о противоречиях познания.

Такой же в принципе характер имеет и использование материалистической диалектики для развития категориального аппарата специальных наук. Эвристическая функция диалектики реализуется здесь прежде всего через ее воздействие на общий стиль современного научного мышления, на разработку исходных представлений того, что можно было бы назвать «картиной мира», из которой исходит научное мышление в специальных науках. Такую картину мира нельзя истолковывать как натурфилософское спекулятивное представление, претендующее на роль абсолютной истины. Картина мира в том смысле, в каком это понятие употребляется в современной методологической литературе,— это система некоторых исходных пред-

ставлений о типах содержания, о тех категориальных каркасах, от которых могут отправляться специальные науки при построении своих конкретных теорий. Тем самым тип картины мира — это, по существу, еще не определенное знание о мире, как оно реализуется в специально-научных теориях, а некоторая «регулятивная идея» такого знания, содержания категориального типа, лежащего в его основе. Специальные науки, отправляясь от этой идеи, должны еще суметь реализовать ее в своих конкретных теоретических построениях, ассимилируя соответствующий эмпирический материал, обеспечивая объяснительно-предсказательные функции конкретной теории и пр. Таким образом, картина мира выступает как методологическое средство построения специальных теорий. Например, представление о предметах биологического исследования как о сложных самоорганизующихся и саморазвивающихся системах, лежащее в основе современной биологической картины мира, должно быть реализовано в отдельных биологических дисциплинах, которые призваны строить свои конкретные предметы в соответствии с этими представлениями. Подобная общая биологическая картина мира не есть еще предмет теоретической биологии в целом. Это именно методологическая регулятивная идея о том, каковы типы предметов, изучаемые отдельными биологическими дисциплинами и биологией в целом.

Диалектика может осуществлять свою эвристическую роль в решении содержательных специально-научных проблем, в первую очередь оказывая воздействие на специально-научное исследование через развитие соответствующих картин мира. Известно, что представления о сложных саморазвивающихся системах были выработаны в философии до того, как эти системы стали предметом непосредственно специально-научного исследования. К. Маркс, создавая теоретическую систему «Капитала», несомненно, руководствовался определенными представлениями о сложной саморазвивающейся системе, которые оказали бесспорное воздействие на организмическую биологическую, а также социокультурную картину мира и которые получили свое развитие в науке начиная со второй половины XIX в. Современные диалектические представления о развитии, о противоречии как о необходимых моментах картины мира имеют, таким образом, важное эвристическое значение для обогащения понятийного аппарата научного мышления, для расширения его перспективы. Вместе с тем они выступают и как эффективное средство в

деятельности человека, направленной на преобразование мира.

При всей общности действия категорий и законов диалектики они тем не менее имеют свою глубокую специфику в различных областях действительности и познания, которую научное исследование призвано зафиксировать и выразить теоретически. Тем самым, однако, обпаруживаются новые стороны и грани диалектики, которые необходимо отразить в ее теории.

Глава 2
ДИАЛЕКТИКА В ПРИРОДЕ И ОБЩЕСТВЕ

Объективная диалектика природы и общества исторически (генетически) и логически образует исходный пункт теоретического анализа, расчленяющего *единые* законы и категории диалектического развития с целью их последующего научного воспроизведения как некоторой целостности. Это тесно связано и с общим пониманием познания как *отражения* объективной, вне нас существующей действительности — активного, творческого, но все же отражения. И первое, с чем здесь сталкивается познание,— это «основа основ» всего в мире: природа и ее вечное и бесконечное развитие во времени и пространстве.

1. Диалектическое развитие в природе

Во «Введении» к «Диалектике природы», написанном более ста лет назад, Ф. Энгельс, опираясь на данные естествознания того времени и философски обобщая их, набросал впечатляющую картину развития в природе, беспрестанного круговорота движения материи. В этом круговороте, писал он, все одинаково преходяще и «ничто не вечно, кроме вечно изменяющейся, вечно движущейся материи и законов ее движения и изменения» [1]. Во многих случаях, однако, ему приходилось констатировать наличие в этой картине существенных пробелов, обусловленных тем, что теоретическое естествознание, важнейшие отрасли которого тогда едва насчитывали одно столетие, не могло объяснить или попросту не знало многих явлений и закономерностей природы.

Прошедшее с тех пор время ознаменовалось бурным прогрессом естествознания, целой серией научных революций, в ходе которых наши знания в области естественных наук не только неизмеримо расширились, но и во мно-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 362—363.

гих отношениях претерпели основательную трансформацию, «коренную ломку», по словам В. И. Ленина. В ряде случаев тот конкретно-научный материал, на который опирался Ф. Энгельс, получил новое истолкование, однако основные диалектико-материалистические положения, для изучения и иллюстрации которых он, собственно, и обращался к этому материалу, в ходе прогресса естествознания получали и продолжают получать все более глубокое и всестороннее обоснование. Действительно, если попытаться дать самую общую характеристику развития естествознания за прошедшие сто лет, то первым моментом, обращающим на себя внимание, будет чрезвычайное углубление познания многообразных взаимосвязей, существующих внутри отдельных форм движения, взаимопереходов между ними, процессов развития, происходящих в окружающей нас природе.

Однако, прежде чем перейти к более подробному рассмотрению этого тезиса, необходимо сделать одно замечание. В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс писал: «Природа является пробным камнем для диалектики, и надо сказать, что современное естествознание доставило для такой пробы чрезвычайно богатый, с каждым днем увеличивающийся материал и этим материалом доказало, что в природе все совершается в конечном счете диалектически, а не метафизически» [1]. В этих словах, как и во множестве других мест, Ф. Энгельс отмечает, что диалектико-материалистическое понимание природы не может не опираться на данные, концепции и теории, вырабатываемые в естественных науках. Такой подход, лежащий в основе материалистической диалектики, не имеет ничего общего с выведением взаимосвязей бытия «из головы, а не при помощи головы», с произвольным конструированием всеобщих схем в духе натурфилософии. Вместе с тем — и это обстоятельство также неоднократно подчеркивается Ф. Энгельсом — диалектические взаимосвязи, существующие в природе, не даются сознанию на уровне обыденного восприятия, на уровне здравого смысла: «...для повседневного обихода, для научной мелкой торговли метафизические категории сохраняют свое значение» [2].

Более того, и в самом естествознании диалектика раскрывается прежде всего на уровне теории, а не на уровне эмпирии. До тех пор пока исследование ограничивается

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 22.
[2] Там же, с. 528.

сбором эмпирического материала, необходимость диалектического способа мышления может и не ощущаться с той непреложностью, с какой она выступает при попытках теоретического обобщения этого материала. Критикуя натурализм, присущий естествоиспытателям, воспитанным в традициях метафизики и потому боящимся смелых теоретических обобщений, Ф. Энгельс отмечает: «Исключительная эмпирия, позволяющая себе мышление в лучшем случае разве лишь в форме математических вычислений, воображает, будто она оперирует только бесспорными фактами. В действительности же она оперирует преимущественно традиционными представлениями, по большей части устаревшими продуктами мышления своих предшественников...» [1] И в то же время всякое продвижение вперед в *теоретическом плане* не только показывает недостаточность узкоэмпирического, односторонне-индуктивистского подхода, но и демонстрирует именно диалектический характер явлений и процессов природы.

Данное обстоятельство следует отметить особо. Дело в том, что в наши дни с полным основанием говорят о все более острой необходимости диалектики для современного естествознания. Это, безусловно, справедливо; но столь же справедливо и то, что само развитие естествознания, и в первую очередь его теоретизация, с неизбежностью делает его все более диалектичным, а вместе с тем более глубоко вскрывает и объективную диалектику, диалектику развития природных процессов. Иными словами, научная картина мира, в которой находят свое обобщенное выражение достижения естественных наук, по мере их прогресса приобретает все более ярко выраженный диалектический характер. В то же время, как убедительно показал Ф. Энгельс, и сколько-нибудь серьезный анализ объективной диалектики невозможен путем рассмотрения изолированных эмпирических фактов, якобы являющих собой диалектику природы, так сказать, «в чистом виде». Такой анализ должен опираться прежде всего на научные, теоретические выводы о взаимосвязи и взаимодействии этих фактов, то есть па результаты, достигнутые теоретическим мышлением в современных естественных науках.

Говоря о значении диалектики для естествознания, Ф. Энгельс подчеркивал, что «именно диалектика является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 455—456.

самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой»[1]. В этой характеристике обращает на себя внимание то, что Ф. Энгельс выделил две основные сферы проявления диалектических закономерностей в природе: во-первых, процессы развития и, во-вторых, всеобщие связи и обусловленные ими переходы от одной области исследования к другой. Рассмотрим обе эти сферы, начав со второй из них. Вполне понятно, впрочем, что их раздельное рассмотрение возможно лишь в ограниченной мере, поскольку и в самой природе, и в ее научном познании они, как правило, выступают в неразрывном единстве.

Отметим прежде всего, что такие категории, как взаимосвязь и взаимодействие, лежат в самой основе естествознания, и в наше время это обстоятельство в полной мере осознается практически каждым ученым-естественником. Даже устанавливая чисто эмпирическую зависимость между какими-либо параметрами или величинами, он всегда знает, что его исследования направлены на то, чтобы вскрыть именно *связь* между этими величинами. А ведь во времена Ф. Энгельса, когда в науках о природе еще весьма распространенным был метафизический способ мышления, все обстояло иначе, поскольку «для метафизика вещи и их мысленные отражения, понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого»[2].

Столь же глубоко проник в современное естествознание и диалектический принцип материального единства мира. Метафизическое мышление видит мир составленным из различных субстанций (таких, например, как теплород, эфир и т. п.), не просто качественно отличных друг от друга, но прямо-таки разделенных между собой непроходимыми барьерами. В противоположность этому материалистическая диалектика, а вместе с ней и все современные науки о природе исходят из того, что в основе всего многообразия естественных явлений и процессов лежит движение *единой материи*. Развитая Ф. Энгельсом концепция форм движения материи как различных, качественно своеобразных, но вместе с тем и беспрерывно переходящих друг в друга видов этого универсального движе-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 367.
[2] Там же, с. 21.

ния многократно демонстрировала свою эвристическую плодотворность в последующем развитии естествознания. Отметим в этой связи, что с общефилософской точки зрения вопрос о количестве форм движения материи носит второстепенный характер по сравнению с вопросом об их единстве, взаимосвязи. Действительно, как мы уже отмечали ранее, по мере развития естествознания выявляются новые формы движения материи, устанавливается общность некоторых считавшихся ранее различными форм и т. д. Но вместе с тем научное познание всегда так или иначе направлено на то, чтобы вскрывать качественно специфические закономерности отдельных форм, а также условия и механизмы их взаимопревращения.

Ныне мы знаем, что формы движения материи, изучаемые физикой, химией и биологией, обладают сложной внутренней структурой, что каждая из них включает в себя целую совокупность форм движения, связанных с определенными материальными носителями. Дальнейшей конкретизацией диалектико-материалистического учения о формах движения материи в современном естествознании являются, в частности, концепции, выделяющие структурные уровни (уровни организации материи) в рамках той или иной совокупности форм движения.

Как известно, уже в конце XIX в. было установлено единство световых, электрических и магнитных явлений, составляющих одну группу электромагнитных процессов, которые описываются общей системой законов. В начале нашего столетия А. Эйнштейн сформулировал специальную теорию относительности, вскрыв при этом глубокую взаимосвязь энергии, представляющей собой единую общую меру качественно различных форм движения материи, и массы — двух важнейших характеристик материи. Вместе с тем теория относительности показала, что и сама масса не является абсолютной характеристикой какого-либо материального объекта, а зависит от скорости его движения. Таким образом, теория относительности полностью подтверждает то, что говорит материалистическая диалектика о фундаментальном характере движения материи,— ведь от скорости движения системы материальных тел зависит как масса тел, так и их пространственно-временны́е характеристики.

Квантовая физика выявила диалектически противоречивое единство корпускулярных и волновых свойств микрочастиц. Исследования в области физики элементарных частиц полностью подтвердили и обогатили диалектико-

материалистическое положение о неисчерпаемости свойств материи. Современное естествознание понимает бесконечность материи как бесконечность ее свойств, ее многообразных качеств, а не в смысле бесконечной дробимости. Как отмечает академик М. А. Марков, в физике само понятие «состоит из...» претерпело существенные трансформации, поскольку в новейшее время исчерпывается идея бесконечной делимости в ее различных механических формах. Оказывается, что «составные части» такой, например, элементарной частицы, как нуклон (кварки), являются более тяжелыми, чем сам нуклон. Перед подобными парадоксами метафизическое мышление совершенно беспомощно — здесь диалектика природы проявляется настолько очевидно, что диалектический способ мышления буквально навязывается естествоиспытателям самими изучаемыми ими явлениями и процессами. «Взаимная превращаемость известных элементарных частиц,— отмечает в этой связи М. А. Марков,— возможность рождения и исчезновения их, в отличие от прежнего (например, ньютонианского) атомизма,— совершенно новая и фундаментальная черта атомизма современного. Она ведет к существенной взаимной обусловленности свойств различных элементарных частиц, которая в последние годы обнаруживается физиками все чаще и чаще» [1].

Таким образом, *диалектическая взаимосвязь и взаимопереходы составляют основу, фундамент мировой материи.* Существование элементарных частиц в определенных формах есть лишь момент их изменения, их возникновения и взаимопревращения. «Природа щедро раскрывает перед исследователем все новые и новые неожиданные проявления единства противоположных свойств материального мира. Раскрытие единства волновых и корпускулярных свойств материи, прерывности и непрерывности явилось началом новой эры в физике. В последнее время все более и более проникает в физику понимание фундаментальной роли всеобщего взаимодействия в установлении взаимных связей единичного и общего» [2]. Бесконечное число разнообразных связей в природе и является основой богатства, неисчерпаемости свойств любого объекта.

Мы видим, что развитие современного естествознания убедительно подтверждает правоту диалектико-материалистической философии и не менее убедительно опровер-

---

[1] *Марков М. А.* О природе материи. М., 1976, с. 139.
[2] Там же, с. 146.

гает доводы тех ее противников, которые либо вообще отвергают диалектику, либо ограничивают сферу ее действия лишь общественной жизнью и мышлением. «Природе,— утверждает, например, французский философ-экзистенциалист Ж. П. Сартр,— свойственна полная независимость всех сторон. Конечно, материальные элементы увязаны друг с другом и воздействуют друг на друга. Но эта связь всегда внешняя. Здесь и речи нет о внутренних отношениях, подобных отношениям мужского рода с женским, нет множества, соотносимого с единичным, т. е. здесь нет системы, где существование одного элемента является условием существования всех других элементов». Приводя эти слова, известный французский ученый-этнолог К. Леви-Стросс, кстати сказать весьма далекий от материалистической диалектики, справедливо замечает: «Такое утверждение оставляет желать лучшего. Как будто противоположность и взаимодополняемость самца и самки, позитивного и негативного, правого и левого — не объективны... не «вписаны» в их биологическую или физическую природу и не свидетельствуют именно о взаимозависимости сторон!» [1]

В самом деле, сопоставим процитированное высказывание Ж. П. Сартра с такими, например, словами Ф. Энгельса: «Уразумение того, что вся совокупность процессов природы находится в систематической связи, побуждает науку выявлять эту систематическую связь повсюду, как в частностях, так и в целом» [2]. Энгельс, как мы видим, не только констатирует диалектический характер происходящих в природе процессов, не только обобщает результаты конкретно-научного познания действительности, но, что особенно важно, показывает общеметодологическую направленность развития науки. Иначе говоря, диалектико-материалистический тезис о неисчерпаемом многообразии взаимосвязей и взаимозависимостей в природе имеет принципиальное значение для методологии современного естествознания, поскольку адекватно выражает его дух и дает общую характеристику задач, решаемых в самых различных его сферах. Что же касается сартровских слов о якобы свойственной природе полной независимости всех сторон, то они в лучшем случае отражают лишь самосознание метафизически мысливших естествоиспытателей XVII или XVIII в.

---

[1] *Леви-Стросс К.* Миф, ритуал и генетика.— Природа, 1978, № 1, с. 102.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 35—36.

Фактом принципиальной значимости для углубления и конкретизации диалектико-материалистического понимания явлений и процессов природы стало формирование и развитие таких дисциплин, как теория информации, теория управления и кибернетика. Благодаря этому в орбиту научного исследования была введена обширнейшая область явлений, практически неведомых классическому естествознанию,— явления выработки, передачи, получения, хранения и использования информации. Различные направления идеалистической философии, спекулирующие на достижениях науки, пытались интерпретировать эти явления как опровержение материализма, как доказательство наличия нематериального фактора, регулирующего материальные процессы. Такие «опровержения», однако, могли вызвать замешательство лишь у приверженцев механистического, метафизического материализма, для которых характерно отождествление материи в целом с одним из видов ее существования — с веществом.

Что же касается материализма диалектического, то он, опираясь на проведенный В. И. Лениным анализ революции в естествознании начала XX в., на ленинскую критику эмпириокритицизма, вскрывает полную необоснованность подобных «опровержений» материализма. Напротив, то обстоятельство, что информационные процессы не могут существовать без вещественно-энергетических обменов (хотя и несводимы к ним), служит еще одним обоснованием диалектико-материалистического понимания материального *единства* мира. В то же время само обнаружение специфики информационных процессов подтверждает тезис о *качественной неисчерпаемости* свойств материи. Наконец, информационные процессы представляют по своей сути условие и вместе с тем одну из сторон *универсального взаимодействия*, которое Ф. Энгельс называл первым, «что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю в целом с точки зрения теперешнего естествознания» [1]. Собственно, любая попытка количественного определения информации как меры упорядоченности, организованности, сложности дает характеристику не какого-либо материального объекта самого по себе, а именно его взаимодействия с другими объектами.

Развитие кибернетики и связанных с ней дисциплин привлекло внимание к изучению таких форм взаимодействия, которые осуществляются не только через прямые,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 546.

но и через обратные связи. Ф. Энгельс отмечал, что различение причины и действия имеет смысл лишь в той мере, в какой мы вырываем отдельные явления из их всеобщей связи и рассматриваем изолированно. Преимущественный акцент классического естествознания на данной стороне причинно-следственных отношений во многом был обусловлен как раз тем, что само это изолирование отдельных явлений не осознавалось как особая методологическая процедура — пусть во многих случаях и необходимая, но тем не менее в каких-то отношениях существенно ограничивающая познавательные возможности, а понималась натуралистически. Сегодня мы имеем все основания сказать, что расширение изучаемых естествознанием форм взаимодействия и, в частности, обращение к исследованию наряду с прямыми также и обратных связей не только позволило углубить наши представления о характере причинно-следственных отношений, о характере *взаимосвязей* в природе, но и открыло путь к более целостному, более всестороннему охвату явлений и процессов окружающей действительности. Об этом убедительно свидетельствует, например, применение информационных и кибернетических подходов в генетике, в теории эволюции, в физиологии и во многих других отраслях современного естествознания.

Но, несомненно, наиболее ярким показателем мировоззренческой и методологической плодотворности материалистической диалектики для развития естественных наук являются грандиозные открытия, которые сделаны современным естествознанием на стыках различных отраслей исследования, при изучении взаимопереходов между различными формами движения материи. Во времена Ф. Энгельса исследования такого рода практически только еще начинались (например, установление перехода механической работы в теплоту и обратно, изучение тепловых эффектов, сопровождающих химические реакции и т. п.). Одной из причин того, что развитие этих исследований долгое время сдерживалось, как раз являлось преобладание метафизического способа мышления. Ф. Энгельс, однако, прозорливо предвидел, что именно в местах соприкосновения наук *«надо ожидать наибольших результатов»* [1].

И действительно, уже в 80-х годах прошлого столетия на стыке физики и химии зародилась новая научная дис-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 607.

циплина — физическая химия, основанная на применении методов физики для изучения химических явлений и процессов. Затем, уже в нашем столетии, естествознание подошло к этому стыку и с другой стороны — в результате возникла химическая физика. В высшей степени характерно то обстоятельство, что среди ученых, внесших особенно большой вклад в установление связей между химией и физикой, видное место занимают сознательные сторонники материалистической диалектики, такие, как Н. Н. Семенов, В. А. Фок и другие. Развивая выдвинутое Ф. Энгельсом положение о химии как физике атомов, академик Н. Н. Семенов, один из основоположников химической физики, отмечал: «...по моему мнению, определение Энгельса в свете развития науки в XX веке следует понимать так: химия есть физика движения атомов во время процессов превращения одних молекул в другие» [1].

Говоря о философски значимых результатах исследований в пограничной области между физикой и химией, следует особо отметить, что в ходе этих исследований была выявлена физическая основа периодической системы Д. И. Менделеева. Благодаря этому стала очевидной внутренняя взаимосвязь физической и химической форм движения материи. Еще более существенно то, что была теоретически доказана и практически продемонстрирована возможность превращения одних химических элементов в другие в ходе реакций деления или синтеза ядер атомов. Тем самым было опровергнуто убеждение в абсолютной неизменности, в вечности химических элементов, и, напротив, получила новое подтверждение диалектическая идея о взаимопревращении одних видов вещества в другие в процессе вечного круговорота мировой материи. Знания же механизмов ядерных реакций позволили разработать методы датировки событий, которые происходили в отдаленном прошлом Земли и небесных тел. Эти методы дали в руки исследователей мощные средства для изучения естественной истории, для более глубокого познания процессов развития в природе. Более того, само наличие некоторого разнообразия элементов в том или ином космическом объекте в известном смысле представляет собой определенную характеристику его эволюции.

Особую важность для утверждения, а также для уточнения и конкретизации диалектико-материалистического понимания взаимосвязей и процессов развития в природе

---

[1] *Семенов Н. Н.* Цепные реакции. Л., 1934, с. 12.

имеют исследования на стыке между биологией, с одной стороны, и химико-физическими дисциплинами — с другой. В «Диалектике природы» Ф. Энгельс отмечал, что хотя естествознание его времени и могло дать объяснение биомеханических процессов, однако физико-химическое обоснование прочих явлений жизни все еще находится почти в самой начальной стадии своего развития. Поэтому, продолжал он, в исследовании природы движения «сообразно с уровнем научного знания мы вынуждены будем ограничиться формами движения неживой природы» [1]. Вместе с тем Ф. Энгельс четко сформулировал тезис о том, что именно это звено являлось в ту пору решающим для объяснения основных процессов природы: «Здесь остается добиться еще только одного: объяснить возникновение жизни из неорганической природы» [2].

Без всякого риска преувеличения можно утверждать, что в наши дни рассматриваемый стык стал одной из наиболее горячих точек естествознания, что исследования на этом стыке дали и продолжают давать множество результатов, имеющих первостепенное мировоззренческое значение. Возникновение таких научных дисциплин, как биофизика, молекулярная биология, биохимия, палеобиохимия, биогеохимия, биокибернетика, космическая биология, астробиология и т. д., а также накопленные ими теоретические и экспериментальные данные неопровержимо подтверждают диалектико-материалистический принцип, согласно которому между отдельными формами движения материи существуют многообразные связи и опосредствования, что разрывы между ними носят относительный характер, что само движение материи осуществляется через непрерывные взаимопереходы между этими формами.

Современная биохимия развила и углубила понимание единства всех живых организмов. Еще во времена Ф. Энгельса было известно, что элементарной единицей каждого организма является органическая клетка, что все клетки имеют — в общих чертах — одинаковое строение. Сегодня мы знаем о том, что у всех организмов также единая (конечно, опять-таки в общих чертах) схема биохимического строения и регуляции жизнедеятельности, в основе которой химическая активность биополимеров (нуклеиновых кислот, аминокислот и т. п.); выяснена роль высокополимерных химических соединений — нуклеиновых кис-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 391.
[2] Там же, с. 512.

лот — как генетического материала, обусловливающего наследственность всех биологических организмов.

Наряду с этим уже в 20-х годах нашего столетия академик А. И. Опарин впервые поставил на конкретно-научную почву изучение вопроса о химическом происхождении жизни на Земле. А. И. Опарин в своих работах неоднократно подчеркивал, что перспективы для решения этого вопроса открывает лишь диалектико-материалистический подход, отвергнувший как возможность внезапного возникновения, самозарождения жизни, так и религиозно-идеалистические спекуляции вокруг данного вопроса. При этом он отмечал, что «задача состоит не только в умозрительном объяснении величайших событий прошлого, а в том, чтобы получить объективные доказательства достоверности этих объяснений или путем наблюдения в природе или путем надлежащим образом поставленного эксперимента»[1]. Именно такая постановка вопроса дала возможность перейти к естественнонаучному исследованию проблемы происхождения жизни.

Современное естествознание рассматривает происхождение жизни как многостадийный процесс, тесно связанный с химической эволюцией. Радиоастрономические исследования последних лет показали, что в межзвездной среде обнаруживаются довольно сложные органические молекулы. Если совсем недавно считалось, что межзвездное пространство содержит преимущественно водород с очень малой концентрацией, то сегодня выяснено, что концентрация молекул, в том числе органических, в этом пространстве достигает значительных величин — до 10^{13} в 1 $см^3$. Это свидетельствует о том, что события, относящиеся к начальным стадиям происхождения жизни, не представляют собой чего-либо в высшей степени случайного и невероятного, но, напротив, являются закономерным порождением природных свойств.

Таким образом, современное естествознание, как мы видим, настойчиво штурмует границу, разделяющую живую и неживую природу. Изучение химии биологических процессов, как это и предвидел Ф. Энгельс, дало множество новых доказательств диалектической взаимосвязи форм движения материи, позволило несравненно глубже показать диалектику единства и дифференцированности органических форм, а также механизмы и условия их возникновения и последующей эволюции.

---

[1] *Опарин А. И.* Происхождение жизни на Земле. М., 1965, с. 12.

Вместе с тем следует отметить, что успехи молекулярной биологии, и в частности молекулярной генетики, переход биологического познания к исследованию живого на молекулярном и субмолекулярном уровне, расширяющееся применение в биологии математических и кибернетических методов — все это в случае односторонних, недиалектических трактовок сущности биологических явлений оборачивается опасностью одностороннего редукционизма. Порой у части естествоиспытателей возникает иллюзия, будто именно на этом пути будет решена извечная проблема биологии и найдена сущность жизни. Известно, впрочем, что история биологии отчетливо демонстрирует поразительную регулярность, с какой проблема редукционизма обостряется всякий раз, когда биологическое познание переходит на новый уровень. Это имело место тогда, когда была открыта клетка; это же происходило и с открытием внутриклеточных структур — каждое такое открытие, как правило, сопровождалось бурным приливом редукционизма. Всегда в таких случаях казалось, что цель — объяснить, познать сущность жизни — близка; однако с той же регулярностью каждый подобный прилив сменялся отливом, каждый раз выяснялось, что по мере продвижения в глубь живого одни проблемы получают решение, но вместе с тем возникают новые, еще более многообразные и сложные проблемы.

Так, во времена Ф. Энгельса казалось, что искусственный синтез белка и явится решением вопроса о сущности жизни. Но, как указывает академик В. А. Энгельгардт, «действительность отодвинула это ожидание на пока еще не обозримый нами срок: прошло уже свыше десятилетия с тех пор, как руками химиков были синтезированы первые белки, такие, как гормон инсулин и фермент рибонуклеаза, а решение проблемы сущности жизни продолжает оставаться за пределами наших возможностей» [1]. Дело в том, что вопрос о сущности жизни — это отнюдь не только экспериментальный, эмпирический вопрос. Его исчерпывающего решения не может дать ни биохимическая (или кибернетическая) формула, ни математическое уравнение. Помимо данных эксперимента здесь необходима их *теоретическая интерпретация,* а также *философская, мировоззренческая интерпретация* данных биологии — в силу того, что вопрос этот столь же биологический (и притом изучае-

[1] *Энгельгардт В. А.* О некоторых атрибутах жизни: иерархия, интеграция, «узнавание».— Вопросы философии, 1976, № 7, с. 66—67.

мый всей биологией в целом, а не исключительно какой-либо отдельной биологической дисциплиной), сколь и философский.

Говоря о специфике, качественном своеобразии отдельных форм движения, Ф. Энгельс, в частности, отмечает, что «органическая жизнь невозможна без механического, молекулярного, химического, термического, электрического и т. п. изменения. Но наличие этих побочных форм не исчерпывает существа главной формы...» [1].

Путь редукции (сведéния) при всей его важности и необходимости для биологического познания оказывается методологически плодотворным и перспективным лишь в том случае, если движение по этому пути осуществляется в тесной связи с движением в направлении теоретического синтеза, интеграции добытого знания в целостную картину организации и эволюции живого. Именно на путях редукции, пишет В. А. Энгельгардт, «были достигнуты те огромные успехи в изучении живого мира, которые создали фундамент современной молекулярной биологии. Но чем шире распространялась сфера этой молодой науки, чем глубже на уровни молекулярных систем спускалась методика эксперимента, тем сильнее звучали утверждения о неполноценности этого пути... Вырисовывалась также давно ставшая явной опасность: за деревьями утратить восприятие леса, за всевозрастающим множеством познаваемых отдельностей утратить облик разложенного на части целого» [2].

Диалектико-материалистический подход, как мы видим, подчеркивает, что взаимосвязь различных форм движения, с одной стороны, и качественная специфичность каждой из них — с другой, образуют противоречивое единство взаимоисключающих и вместе с тем взаимопредполагающих характеристик движения материи. Отсюда — признание внутреннего единства, органической взаимосвязи и существенной взаимодополнительности физико-химических и вообще аналитических, системно-целостных и эволюционно-исторических методов познания жизни.

Аналогичные методологические проблемы возникают и в процессе развития тех направлений исследования, которые находятся на стыке между естественными науками и науками об обществе. С тех пор, как Ч. Дарвин прочно обосновал концепцию происхождения человека от живот-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 563.

[2] *Энгельгардт В. А.* О некоторых атрибутах жизни: иерархия, интеграция, «узнавание».— Вопросы философии, 1976, № 7, с. 73—74.

ных предков, с тех пор, как Ф. Энгельс показал решающую роль труда в процессе превращения человекообразной обезьяны в человека, бурный прогресс как научного познания, так и общественного производства непрерывно вскрывает все новые формы взаимосвязи природы и общества. По мере этого прогресса выявляются и новые аспекты проблемы диалектического соотношения биологического и социального в развитии человека. Достижения современной генетики, физиологии, этологии, зоопсихологии и целого ряда других наук, сами по себе весьма внушительные, порой при их односторонней, недиалектической интерпретации истолковываются в духе биологизаторства, что ведет к редукционизму в понимании специфически социальных явлений, в понимании общественно-исторически обусловленных качеств человеческой личности.

Мировоззренческая и методологическая значимость марксистского понимания диалектической взаимосвязи между обществом и природой особенно возрастает в свете современной экологической ситуации, и в частности таких ее аспектов, как загрязнение окружающей среды отходами технологии, дефицит некоторых естественных ресурсов и т. п. Сегодня чрезвычайно актуально звучат слова Ф. Энгельса, что «на каждом шагу факты напоминают нам о том, что мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над ней так, как кто-либо находящийся вне природы,— что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее...» [1]. Как степень познания человеком закономерностей окружающей природы, так и уровень развития производственных отношений в ходе всей предшествующей истории не позволяли человеку в должной мере учитывать отдаленные, а не только ближайшие последствия его деятельности. Успехи естествознания открывают возможность для того, чтобы люди могли учитывать все более отдаленные естественные последствия своих действий в области производства «и тем самым господствовать над ними. А чем в большей мере это станет фактом, тем в большей мере люди снова будут не только чувствовать, но и сознавать свое единство с природой...» [2].

Вместе с тем использование этой возможности, а также разумное регулирование отдаленных *общественных* по-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 496.

[2] Там же.

следствий производственной деятельности предполагает наряду с прогрессом естествознания также и социальный прогресс. Ф. Энгельс предвидел, что буржуазное общество окажется не в состоянии осуществлять такое регулирование, поскольку для этого «требуется нечто большее, чем простое познание. Для этого требуется полный переворот в нашем существующем до сего времени способе производства и вместе с ним во всем нашем теперешнем общественном строе» [1]. Сегодня, в условиях непрерывно обостряющегося в капиталистическом мире экологического и энергетического кризиса, к такому же выводу приходят не только марксисты, но и многие весьма далекие от марксизма, от материалистической диалектики западные ученые и общественные деятели.

Как видим, современное естествознание — как в своей практике, так и в самосознании естествоиспытателей — все шире и глубже усваивает диалектико-материалистическую идею о всеобщей связи, об универсальном взаимодействии, этом незыблемом фундаменте явлений и процессов природной действительности. Для нынешней стадии развития наук о природе становится особенно характерным столь же глубокое усвоение идеи развития, причем в его диалектико-материалистическом понимании.

Общая тенденция научного познания, ведущая его к изучению процессов развития в природе, была вскрыта Ф. Энгельсом, который писал: «...если мы желаем говорить о всеобщих законах природы, применимых одинаково ко *всем* телам, начиная с туманности и кончая человеком, то у нас остается только тяжесть и, пожалуй, наиболее общая формулировка теории превращения энергии... Но сама эта теория превращается, если последовательно применить ее ко всем явлениям природы, в историческое изображение изменений, происходящих одно за другим в какой-нибудь мировой системе от ее возникновения до гибели, т. е. превращается в историю, на каждой ступени которой господствуют другие законы, т. е. другие формы проявления одного и того же универсального движения,— и, таким образом, абсолютно всеобщим значением обладает одно лишь *движение*» [2].

В этих словах Ф. Энгельс выделяет два вида всеобщности и соответствующие им два вида законов природы. Первый вид — это *абсолютная всеобщность движения ма-*

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 497.

[2] Там же, с. 553—554.

терии (включая и простые движения, механическое перемещение тел в пространстве), всеобщность превращения материи и энергии. Эту всеобщность мы познаем, отвлекаясь от чувственных вещей, вообще от тех или иных конкретных объектов в их непосредственной данности.

«...Материю как таковую и движение как таковое никто еще не видел и не испытал каким-нибудь иным чувственным образом; люди имеют дело только с различными реально существующими веществами и формами движения» [1]. Можно напомнить в этой связи и марксову характеристику «абстрактного естественнонаучного материализма, исключающего исторический процесс...» [2].

Второй вид всеобщности — это *всеобщность исторического изменения, всеобщность развития* как направленного во времени, последовательного превращения *всех* явлений объективной действительности с характерными для нее специфическими законами, господство каждого из которых простирается лишь на отдельных ступенях истории.

Таким образом, знания о развитии или, что в данном случае то же самое, знания о конкретном (объекте, явлении и т. п.) обладают сложным строением, включая наряду со знаниями об абсолютно всеобщем также и знание о специфических законах исторических изменений как конкретных формах «проявления одного и того же универсального движения» (здесь следует учитывать также и то, что речь идет не просто о двух отдельных «состояниях» знания, а скорее, о некотором континууме, ограничиваемом этими состояниями как крайними точками, и, следовательно, о многоступенчатом движении в познании развития).

В истории естествознания ход научной мысли от изучения абсолютно всеобщего к изучению всеобщности исторического изменения, иными словами, от всеобщих законов движения материи к специфическим законам, описывающим наиболее сложные типы движения, т. е. развитие материи как всеобщий исторический процесс, тесно связан с коренной перестройкой и углублением представлений о *времени*. Механистическая методология классического естествознания понимала время вне всякой связи с движущейся материей. Для И. Ньютона, разработавшего эту трактовку времени, оно выступало как пустое «вместилище событий», совершенно безразличное по отношению к

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 550.

[2] Там же, т. 23, с. 383.

ним: абсолютное время, по его словам, равномерно течет безотносительно ко всему окружающему. И хотя уже в недрах классического естествознания — сначала в геологии (принцип актуализма, т. е. метод изучения геологической истории, Ч. Лайеля, выдвинувшего на место теории катастроф «мысль о постепенном преобразовании земной поверхности и всех условий жизни на ней...» [1] под постоянным действием естественных законов), а затем в биологии — развивается эволюционизм, опирающийся на принципиально иное понимание времени, связь времени и движущейся материи вплоть до начала XX столетия не осознавалась естествоиспытателями. Так, еще в 1912 г. А. Пуанкаре утверждал, что наука изучает не время, а проявление природных процессов в ходе времени, которое само абсолютно не зависит от явлений.

Интересно, что эти слова принадлежат ученому, внесшему большой вклад в создание теории относительности, которая как раз и дала решающий импульс к изменению трактовки времени, установив тесную связь течения времени с движением материи. Этот импульс был столь мощным, что уже в 1922 г., т. е. всего через десять лет после А. Пуанкаре, академик А. Е. Ферсман мог сказать нечто прямо противоположное: «...еще никогда в истории человеческой мысли не было такого момента, когда бы время сделалось объектом самого глубокого научного обследования... Никогда еще в истории человечества проблема изучения природы во времени и глубокий исторический подход к вопросам природы и жизни не врывались с такой настойчивостью в научное мировоззрение ученого и повелительно ставили новые задачи и требовали новых методов исследования» [2].

Переход к изучению конкретных объектов и их исторического развития тесно связан с вопросом о необратимости, о «стреле» времени. Если для классической механики и опиравшихся на нее естественных наук были характерны идеализации, благодаря которым изучаемые процессы можно было рассматривать как обратимые, то при рассмотрении процессов развития, очевидно, необратимость времени приобретает решающее значение. С точки зрения современного естествознания такая необратимость, т. е. асимметрия времени, обусловлена расширением Вселенной. Эволюция наблюдаемой Вселенной, проявляющаяся

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 352.
[2] *Ферсман А. Е.* Время. Пг., 1922. с. 5.

в разбегании галактик, и определяет наличие космологической «стрелы» времени.

Проникновение диалектической концепции развития в естествознание особенно усилилось в связи с расширением пространственно-временны́х масштабов событий и явлений, изучаемых науками о природе. Переход к исследованию процессов мегамира, с одной стороны, и микромира — с другой, связанное с этим переходом включение в орбиту научного познания такого специфического объекта, как вся наша эволюционирующая Метагалактика, не только неизмеримо раздвигает границы применимости принципа развития в естествознании, но и ставит вопрос о раскрытии общих закономерностей эволюции природы.

Академик В. А. Амбарцумян, внесший значительный вклад в развитие наших представлений об эволюции астрономических объектов, отмечает, что современная наука располагает обильной информацией о Метагалактике, включающей миллиарды звездных систем, подобных нашей Галактике, а также внегалактические объекты иного типа. Он подчеркивает, что природа космических тел и систем в современном состоянии не может быть понята вне изучения их происхождения и развития, что космогоническая проблема, т. е. проблема происхождения астрономических объектов, ныне стала основной проблемой астрофизики [1].

Как известно, первая гипотеза о развитии нашей Метагалактики была высказана советским ученым А. А. Фридманом, который, опираясь на общую теорию относительности, предположил, что наша Вселенная, т. е. Метагалактика, нестационарна. Впоследствии астрономические наблюдения («красное смещение» Э. Хаббла и др.) показали, что мы действительно живем в расширяющейся Вселенной. Некоторых естествоиспытателей, незнакомых с философией диалектического материализма, это привело в замешательство и даже толкнуло на идеалистические спекуляции об «акте творения» Метагалактики из ничего. Вместе с тем сегодня существенный прогресс в этой области естествознания во многом связан с работами исследователей, сознательно руководствующихся диалектической концепцией развития, которая не только вскрывает несостоятельность такого рода спекуляций, но и ориентирует на выявление внутренних противоречий, поворотных пунк-

[1] См.: *Амбарцумян В. А., Казютинский В. В.* Методологические проблемы астрофизики.— Вопросы философии, 1973, № 3, с. 92.

тов (узловых точек) в развитии космических систем. «Стало ясно, что Вселенная не есть нечто застывшее, раз и навсегда данное, а представляет собой удивительную картину изменчивости, плавной эволюции, скачкообразных качественных изменений,— пишет И. С. Шкловский, характеризуя сегодняшний уровень сознания в астрономии.— Современная астрономия вся насквозь *эволюционна*. Все без исключения космические объекты с необходимостью должны рассматриваться в их развитии и взаимосвязи с другими объектами... Без всяких преувеличений следует сказать, что все развитие астрономии в XX столетии являет собой блистательное подтверждение диалектико-материалистической картины развития природы и полностью исключает наивную метафизическую концепцию» [1].

Современная астрофизика и космология вплотную подходят к вопросу о закономерностях эволюции неорганической природы в целом, более конкретном анализе всего многообразия факторов этой эволюции и их изменений во времени. (В этой связи можно заметить, что и в современной биологии актуальной становится проблема эволюции факторов и законов эволюции.) Подтверждаются, таким образом, слова Ф. Энгельса: *«Вечные законы природы* также превращаются все более и более в исторические законы» [2]. Энгельс имел в виду то обстоятельство, что при изучении конкретных объектов, при изучении всеобщности исторического изменения действие открываемых естествознанием законов природы обнаруживается лишь при наличии специфической совокупности того, что ныне принято называть граничными условиями — иначе говоря, на определенных стадиях развития той или иной материальной системы. «Крайней границей нашего естествознания,— писал он, обобщая результаты, полученные в науках о природе того времени,— является до сих пор *наша* вселенная, и, для того чтобы познавать природу, мы не нуждаемся в тех бесконечно многих вселенных, которые находятся за пределами нашей вселенной... Для земной механики, физики и химии нам приходится более или менее, а для органической науки всецело, ограничиваться нашей маленькой Землей» [3].

---

[1] *Шкловский И. С.* Проблема внеземных цивилизаций и ее философские аспекты.— Вопросы философии, 1973, № 2, с. 77.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 553.

[3] Там же, с. 552.

Сегодня границы естествознания существенно расширились, вышли далеко за пределы не только нашей Солнечной системы, но и нашей Галактики — и тем отчетливее, тем резче обнаруживается принципиально исторический характер как действия многих законов природы, так и явлений, изучаемых естественными науками. Вместе с тем все более заметной становится взаимосвязь земных и космических процессов — та взаимосвязь, значение которой особенно глубоко осознавали и подчеркивали выдающиеся русские ученые К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский и другие. Их диалектические идеи об этой взаимосвязи и об обусловленной ею закономерности развития Земли и жизни, как и о космической значимости земной жизни и разума человека, во многом созвучны диалектико-материалистической концепции развития.

Переход естественных наук, и прежде всего современной космологии, астрофизики и космохимии, к космическим масштабам пространства и времени позволил дать диалектическую по своей сути трактовку возникновения и последующей эволюции химической формы движения материи. Согласно этой трактовке, наша Метагалактика формировалась приблизительно 15 миллиардов лет назад— именно эту величину можно считать сегодня границей современного *естественноисторического* познания. В ранний период расширения с точки зрения концепции «горячей Вселенной» материя существовала в виде плотной плазмы — сначала состоявшей из множества находящихся в равновесии электронно-позитронных пар, затем при понижении температуры и расширении плазма стала смесью протонов, электронов и фотонов, более или менее равномерно распределенных в пространстве[1].

Последующее расширение и охлаждение привели к превращению плазмы в газ — смесь водорода и гелия. Таким образом, только на этой стадии эволюции Вселенной возникают первые химические элементы, возникает в собственном смысле слова химическая форма движения материи. И лишь в дальнейшем, в недрах звезд «первого поколения», образовавшихся путем сгущения этого газа, в ходе процессов взрывного характера происходит образование других химических элементов.

---

[1] См.: *Зельдович Я. Б., Новиков И. Д.* Проблемы современной космологии.— Вопросы философии, 1974, № 4, с. 77—86.

Мы видим, что уже само по себе расширение горизонтов научного познания вскрывает химическую эволюцию материи. Как отмечал В. И. Вернадский, «закономерная бренность атомов», т. е. их возникновение и превращение, отчетливо обнаруживается лишь «в большой мере времени. Поэтому она исчезает из кругозора химика, в обычной работе имеющего дело с химическими элементами в пределах человеческого или исторического времени. Она уже ясно проявляется для геохимии в пределах геологического времени и приобретает основное значение для истории атомов в реальном мире, взятом в его наиболее общем выражении, в пределах космического времени, в космохимии, части астрофизики — науки, быстро созидающейся на наших глазах. Геохимия — часть космохимии» [1].

Другой источник проникновения эволюционных идей в современную химию — это познание химических процессов и превращений, связанных с противоположным полюсом развития вещества, с явлениями жизни. Ныне химия стоит перед задачей детального изучения эволюции своих объектов. Наряду с изучением тех состояний и превращений вещества, которые являются традиционным объектом химии и познание которых связано с абстрагированием от необратимого течения времени, современная химия все более отчетливо обнаруживает существенно историческую природу химизма и описывающих его законов. Объекты, изучаемые химией, как выясняется, подчинены действию не только структурных законов, но и законов прогрессивного развития с характерными для него усложнением функций, обогащением возможностей химического образования, возрастанием внутренней противоречивости, активности молекул и вместе с тем нарастанием согласованности, органического единства химических превращений.

Одно из направлений развития современного естествознания, ведущее к изучению свойств времени и к выявлению органической связи времени с движущейся материей, заключается в исследовании специфики временны́х свойств, характерных для различных форм движения и структурных уровней материи. Особой важностью и специфичностью обладают временны́е отношения в сложных развивающихся объектах, изучаемых, например, в биологии, физиологии, психологии. Такие объекты обладают определенной пространственно-временно́й (а не просто про-

---

[1] *Вернадский В. И.* Проблема времени в современной науке.— Размышления натуралиста. М., 1975, кн. 1, с. 29.

странственной) организацией, которая проявляется в характерной для них ритмике, в наличии упорядоченных последовательностей преобразований, носящих либо циклический, либо необратимый характер. Это отчетливо проявляется, например, в удивительной пространственно-временно́й согласованности биохимических процессов в клетке, ведущих к синтезу белковых макромолекул.

Временны́е отношения в биологических системах, с одной стороны, представляют собой отражение временны́х (ритмических) характеристик окружающей среды, поскольку многие процессы в среде также носят ярко выраженную ритмическую природу; с другой стороны, они детерминируются в своей основе временны́ми параметрами различных физико-химических и биологических реакций, происходящих на клеточном и субклеточном уровнях. Такие явления, как «чувство времени» у живых систем, «биологические часы» и биологические ритмы, изучаемые современным естествознанием, раскрывают не только специфические временны́е свойства биологической формы движения материи на разных уровнях ее организации, но и глубокую связь ее с физическими и химическими формами движения, поскольку те колебательные процессы, которые так или иначе преломляются в ритмике, обнаруживаемой биосистемами, в конечном счете обусловлены строением и свойствами атомов и молекул.

Вместе с тем исследования временно́й организации живых систем не ограничиваются обнаружением и изучением ритмических, повторяющихся процессов, но и вскрывают явления аритмии, перехода от одних ритмов к другим. В процессе этих переходов находит выражение та необратимость и асимметрия времени, которая связана с развитием биологических объектов. (Если говорить об уровне биологических популяций, а не отдельных индивидов, то здесь можно отметить выявленные С. С. Четвериковым «волны жизни» — резкие колебания численности популяций, происходящие с большей или меньшей регулярностью и являющиеся важным фактором органической эволюции и образования новых биологических форм.) Таким образом, время выступает здесь отнюдь не как безразличное по отношению к событиям их вместилище (И. Ньютон) и не как априорная форма чувственности, характеризующая не объекты, а лишь нашу способность их восприятия (И. Кант), но как имманентная характеристика целостной системы, рассматриваемой и с точки зрения ее организации, и с точки зрения ее развития.

В последние годы в качестве особенно мощного канала проникновения диалектической концепции развития в естествознание и вместе с тем все более широкого охвата естествознанием процессов развития, происходящих в природе, отчетливо обозначился круг проблем, связанный с эволюцией биосферы под воздействием практически-преобразовательной деятельности общества. Критикуя натуралистическое понимание истории теми естествоиспытателями, с точки зрения которых «только природа действует на человека» и «только природные условия определяют повсюду его историческое развитие», Ф. Энгельс в свое время отмечал, что такая точка зрения «страдает односторонностью и забывает, что и человек воздействует обратно на природу, изменяет ее, создает себе новые условия существования. От «природы» Германии, какой она была в эпоху переселения в нее германцев, осталось чертовски мало. Поверхность земли, климат, растительность, животный мир, даже сами люди бесконечно изменились, и все это благодаря человеческой деятельности, между тем как изменения, происшедшие за это время в природе Германии без человеческого содействия, ничтожно малы» [1].

Сегодня эти слова (в отношении не только какой-либо страны, но и планеты в целом) звучат особенно актуально. Производственная деятельность общественного человека, возникновению которой предшествовала длительная эволюция природы и жизни на нашей планете, по мере своего развития сама, в свою очередь, становится все более мощным фактором эволюции биосферы. Ныне она в достаточно серьезной степени определяет направление и характер этой эволюции. Вместе с тем и в науках о природе как в силу внутренней логики их развития, так и под воздействием практики проблематика эволюции биосферы, и в том числе антропогенной эволюции, о которой говорил Ф. Энгельс, приобретает все больший удельный вес.

Что касается внутренней логики, то современные естественные науки выработали мощные познавательные средства для изучения биосферы — этой, по словам В. И. Вернадского, «тонкой пленки, в которой висит человек». Подобные «тонкие пленки», границы раздела двух сред, как известно, являются обычно сферой наиболее интенсивных процессов и преобразований, поскольку именно в них осуществляется взаимопроникновение противоположных свойств и качеств, присущих разделяемым ими средам.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 545—546.

(Понятно, конечно, что сама биосфера содержит в себе множество таких «тонких пленок»). Проблемы, возникающие в связи с исследованием бурных, нередко взрывоподобных явлений, характерных для поверхностей раздела, занимают центральное место во многих областях современного естествознания. Вблизи этих поверхностей все находится в непрестанном движении и изменении, далеко от устойчивого равновесия, и порой незначительное воздействие (каталитического, ферментного и т. п. характера) скачкообразно меняет направление и результаты процесса.

Термодинамика необратимых процессов, развившаяся в последние десятилетия и находящая применение в самых разных разделах физики, химии, биологии, дала особенно много для понимания подобных явлений и процессов. Было установлено, в частности, наличие состояний локального равновесия в отдельных участках неравновесных систем; были открыты диссипативные структуры, которые возникают в системах, далеких от равновесия, и поддерживаются в стабильном состоянии только благодаря обмену энергией и веществом с внешней средой. Естествознание, таким образом, вырабатывает средства для изучения тех диалектически противоречивых свойств, явлений и процессов, которые характерны для чрезвычайно подвижных, способных претерпевать самые разнообразные превращения соединений, возникающих на поверхностях раздела двух сред. Это, в свою очередь, открывает дорогу к детальному анализу явлений, происходящих в ходе эволюции биосферы, позволяет рассматривать ее в динамике, в процессе непрерывного изменения.

Однако особую остроту вопросу о тенденциях и направлении эволюции биосферы придают сегодня прежде всего масштабы производственной деятельности общества и антропогенного влияния на ее развитие. Именно это делает метафизический подход несостоятельным не только теоретически, но и практически, поскольку научное познание просто не может не изучать те необратимые и противоречивые последствия, которые вызывает в окружающей среде деятельность человека. Совершенно очевидно, что возрастающее антропогенное влияние на биосферу приводит к резкому ускорению темпов ее эволюции, к качественному усложнению процессов, составляющих эту эволюцию, к перераспределению старых и созданию новых видов вещества, прежде не встречавшихся в биосфере, к интенсификации процессов энергообмена и превращения

энергии, оказывающих воздействие на тепловой режим планеты. В ряде аспектов деятельность человека уже начинает приближаться к пределам, заданным ограниченностью естественных ресурсов, конечной «емкостью» планеты.

Важно подчеркнуть, что современные исследования биосферы не только дают новые подтверждения диалектико-материалистической концепции развития, но и обретают в ее лице наиболее адекватную и продуктивную методологию. На это обстоятельство еще в начале 40-х годов указывал В. И. Вернадский, который писал: «Именно в нашей стране, где развита диалектическая философия, утверждение о том, что *логика естествознания... неразрывно связана с биосферой — определенной геологической оболочкой планеты,*— есть ее логическая функция, должно быть более понятно, чем в другой умственной атмосфере. Очевидно, человеческое понятие о *«диалектике* природы», этому утверждению сродное, должно пониматься в том же смысле, как планетное явление, а не так, как понимали правоверные гегельянцы — в смысле мистического проявления «Духа Природы» Гегеля» [1].

Конечно, изображенная выше картина диалектического развития в природе, как оно познается и объясняется современным естествознанием, никоим образом не претендует на полноту и законченность. Науки о природе буквально каждый день приходят к новым открытиям, уточняющим, углубляющим, а порой и изменяющим наше понимание диалектики природных процессов, и любая попытка как-то обобщить эти открытия в своем фактическом содержании довольно скоро окажется более или менее серьезно устаревшей и неполной.

В то же время, как мы стремились показать, по мере прогресса естествознания все более обнаруживается двуединая тенденция — наше познание природы непрерывно вскрывает новые и новые аспекты ее диалектики, и вместе с тем материалистическая диалектика выявляет свой потенциал мировоззренческого и методологического фундамента естествознания. Вопреки всем стараниям противников диалектико-материалистической философии, не прекращающим попыток ее «опровержения» данными естественных наук, ни один из результатов, полученных современным естествознанием, нисколько ей не противоречит:

---

[1] *Вернадский В. И.* О геологическом значении симметрии.— Размышления натуралиста, кн. 1, с. 71.

напротив, именно диалектико-материалистическая интерпретация этих результатов в наибольшей мере отвечает духу современного естествознания и тенденциям его развития.

Специфика проявления всеобщих законов диалектики в природе, разумеется, весьма важна для научного познания. Но все богатство диалектики мы не смогли бы оценить, если бы ограничились только природными процессами. Поэтому обратимся к социальной сфере.

2. Диалектика социального развития

Разрабатывая материалистическую диалектику, К. Маркс и Ф. Энгельс творчески применяли ее при изучении человеческой истории. Они осветили не только прошлое человеческого общества, но также его настоящее и будущее. Разумеется, марксизм возник не изолированно от предшествующих течений общественной мысли, не вне столбовой дороги развития мировой цивилизации. Марксизм стал законным и последовательным преемником всего лучшего, что было создано человечеством в области познания природы и общественной жизни. Учение марксизма опиралось на все завоевания общественной мысли, в особенности на достижения немецкой классической философии, английской политической экономии и французского утопического социализма. Материалистическая диалектика является продуктом предшествующего развития наук, в том числе философии.

Основоположники марксизма, развивая диалектику общественного развития, подвергли всесторонней и глубоко аргументированной критике буржуазные и утопические учения о примирении противоречий, о мирном, гармоническом сосуществовании противоположных классов. Они показали, что вся история предшествующего общества со времени разложения первобытнообщинного строя была историей классовой борьбы, доказали, что преодоление классовых противоречий возможно только путем революционного преобразования общества, путем ликвидации частной собственности на средства производства как основы, порождающей эти противоречия.

В «Манифесте Коммунистической партии», в «Немецкой идеологии», в «Нищете философии» и в других работах К. Маркса и Ф. Энгельса второй половины 40-х годов идея развития путем борьбы и преодоления противоположностей последовательно применялась к изучению буржу-

азного общества. В самом этом обществе они открыли источники его гибели.

Применив идеи материалистической диалектики к социологии, К. Маркс пришел к обоснованию понятия общественно-экономической формации. Он установил не только изменяемость, но и неизбежность смены формаций, раскрыл диалектику развития и взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Как показал анализ предшествовавшего исторического процесса, противоречие между производительными силами и производственными отношениями всегда разрешалось в ходе острой классовой борьбы, в конечном счете посредством социальной революции. Классовая борьба — движущая сила истории классового общества, социальная революция — локомотив истории. Таким образом, материалистическое понимание истории, проникнутое диалектической идеей развития, позволило выявить движущие силы и основные закономерности исторического процесса.

Вместе с тем материалистическое понимание истории стало методологической основой для исследования капиталистического способа производства. Новый метод логически требовал исследования прежде всего материальных условий жизни общества, его экономического базиса. Применение диалектико-материалистического метода к анализу экономики капитализма привело к созданию теории прибавочной стоимости, к открытию экономического закона буржуазного общества. Материалистическое понимание истории, которое первоначально выступало в известном смысле как гипотеза, в результате успешного применения его к анализу капиталистической общественно-экономической формации превратилось, как подчеркнул В. И. Ленин, в научно доказанную теорию и достигло своего классического развития в «Капитале» [1].

В «Капитале» дан глубокий научный анализ производственных отношений капитализма и перспектив общественного развития. К. Маркс вскрыл объективный характер закономерностей капитализма и показал, что антагонизмы этого строя — капиталистическая эксплуатация, поляризация богатства и нищеты, экономические кризисы, классовая борьба между пролетариатом и буржуазией — являются не случайными отклонениями от нормы, не какими-то извращениями, а необходимыми, нормальными для это-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 136—140.

го общества следствиями и проявлениями имманентных законов. Анализируя возникновение капиталистических производственных отношений, К. Маркс установил, что феодальная форма собственности на определенной ступени развития производительных сил неизбежно разлагается и превращается в результате действия экономических законов в буржуазную форму собственности. Самые разнообразные и жестокие методы насилия сопутствуют первоначальному накоплению капитала, ускоряя этот процесс. Государственная власть используется буржуазией для разорения масс и усиления их эксплуатации.

С развитием производительных сил буржуазного общества централизация средств производства и обобществление труда достигают такого уровня, при котором они становятся несовместимыми с капиталистической формой собственности. Однако переход от капиталистического производства к социалистическому невозможен в виде плавной эволюции или отдельных реформ. Этот переход осуществляется как революционный переворот в политической надстройке и в производственных отношениях.

К. Маркс доказал, что никакие реформы сами по себе не могут изменить природы существующего строя, что элементы будущего, возникающие в недрах капитализма, сами по себе, без революционизирования производственных отношений не могут развиться в будущее общество; что сама эта революция без указанных материальных предпосылок была бы невозможна. Антагонистический характер буржуазного общества, говорил К. Маркс, «никогда не может быть взорван путем тихой метаморфозы. С другой стороны, если бы в этом обществе, как оно есть, не имелись налицо в скрытом виде материальные условия производства и соответствующие им отношения общения, необходимые для бесклассового общества, то все попытки взрыва были бы донкихотством» [1].

Капитализм создает не только материальные предпосылки социализма, но и порождает революционную силу, способную свергнуть капиталистический строй и основать новое общество. В ходе экономического анализа К. Маркс раскрыл глубочайший антагонизм, существующий между трудом и капиталом, между капиталистом и наемным рабочим. За формальным равенством капиталиста и рабочего, формальной свободой купли-продажи рабочей силы стоит жестокая зависимость наемных рабочих от капитала.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 102—103.

Все содержание «Капитала» доказывает главный вывод К. Маркса: совершить переворот в капиталистическом способе производства и окончательно уничтожить классы может лишь пролетариат. Таким образом, теория социалистической революции и диктатуры пролетариата получила здесь глубокое экономическое обоснование.

Развивая марксистскую теорию применительно к условиям империалистической стадии капитализма, В. И. Ленин разработал стратегию и тактику пролетарской партии в революции и программу социалистического строительства в нашей стране. В знаменитом труде В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» дано глубокое научное обоснование теории социалистической революции в новых исторических условиях. Этот труд явился как бы прямым и непосредственным продолжением «Капитала» К. Маркса. В процессе теоретического и исторического анализа капитализма Маркс доказал, что свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация, в свою очередь, ведет к монополии. Он видел тенденцию к развитию монополистических объединений капитала и расценивал создание акционерных обществ как подготовку перехода к новой форме капитализма. «Это — результат высшего развития капиталистического производства, необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность разъединенных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность» [1]. Так, в историческом развитии реализуется диалектическое отрицание прошлого состояния общества.

Творчески применив материалистическую диалектику к анализу новой стадии развития капитализма, В. И. Ленин обосновал те выводы, которые он внес в теорию социалистической революции, и особенно выводы о возможности победы социалистической революции первоначально в немногих странах или даже в одной стране.

Из закона неравномерности экономического и политического развития капитализма В. И. Ленин сделал вывод о том, что пролетарские революции в разных странах не могут развиваться в строгой последовательности в зависимости от достигнутого уровня производительных сил. Разоблачая социал-демократических мещан, Ленин говорил, что они совершенно не поняли решающего в марксизме, а

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. I, с. 480.

именно его революционной диалектики. Им осталась чуждой мысль о том, что при общей закономерности развития во всемирной истории не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития. В мировой системе капитализма в целом созрели предпосылки социалистической революции, но в какой стране и когда она разразится — это зависит от конкретных исторических условий.

Глубоко проникнув в существо материалистического понимания истории как закономерного восхождения общества к высшим ступеням на основе развития производительных сил, В. И. Ленин выявил сложную диалектику исторических процессов, возможность и неизбежность видоизменения общей линии развития в зависимости от своеобразия исторической обстановки страны, конкретного соотношения классовых сил, определенного сочетания внутренних и международных условий революции.

В. И. Ленин разгромил шаблонные, догматические доводы русских и европейских оппортунистов о том, что наша страна не доросла до социализма, так как в ней якобы нет объективных экономических предпосылок для социализма. «Ну, а почему,— говорил он,— мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?» [1]

В исключительно сложной международной и внутренней обстановке, еще в разгар мировой войны В. И. Ленин начертал вдохновляющую перспективу социалистической революции и мощного экономического и культурного подъема нашей страны на социалистических началах. Великая Октябрьская социалистическая революция явилась практическим доказательством глубокой правоты философского, экономического и исторического обоснования К. Марксом и В. И. Лениным неизбежности перехода от капитализма к социализму; она ярко продемонстрировала *объективную диалектику в действии.*

Вместе с тем следует подчеркнуть, что диалектика, утвердившая исторический подход к общественным явлениям, сама в ходе истории претерпевает существенные изменения, сама находится в процессе непрестанного развития, обогащения. Если с каждым составляющим эпоху открытием в области естествознания, с каждой новой эпохой в

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 381.

истории человечества материализм неизбежно должен изменить свою форму, то это полностью относится и к диалектике. Каждая эпоха оказывает свое влияние на ее состояние и развитие, выдвигая перед теорией диалектики новые проблемы в их специфической, исторически обусловленной форме. Однако известно, что всякое особенное отражает как своеобразие данного качества в данный момент, так и общее в его развитии.

К. Маркс и Ф. Энгельс, опираясь на науку своего времени, исходили из реальных процессов буржуазного общества со всеми их противоречиями. В то же время диалектика, разработанная К. Марксом на примере буржуазного общества, имеет принципиальное значение для развития и обоснования диалектики как науки, для понимания диалектики исторических процессов вообще. В. И. Ленин писал, что диалектика буржуазного общества есть частный случай диалектики, имея в виду, что она выражает не только особенное, характерное для данной общественно-экономической формации, но и общее. Нельзя возводить частное, особенное во всеобщий закон и переносить свойственную капитализму форму социальных противоречий на социализм. Но нельзя и полагать, что особенное есть нечто исключительное и что оно не выражает общего. Марксизм-ленинизм исходит в своем понимании смены одного исторического типа теории другим из диалектического единства общего и особенного как в жизни, так и в науке, рассматривая единство общего и особенного в теории как отражение их единства в реальной истории.

Итак, развитие диалектического метода происходит на основе анализа самой развивающейся действительности и отображает как особенное, так и всеобщее разных типов общества. Объективная диалектика буржуазного общества имеет свои характерные черты. Социализм — это новая ступень в развитии общественной жизни. Но отсюда не следует, будто раскрытие диалектики буржуазного общества и диалектики социализма предполагает применение двух особых методов. На самом деле это есть конкретно-историческое применение одного и того же метода, а именно материалистической диалектики, к анализу качественно различных обществ.

Современный период истории позволяет особенно отчетливо увидеть многообразие противоречий в жизни общества, действие законов и категорий диалектики, их эвристическую эффективность, мировоззренческую и методологическую роль в социальном познании и практике. Напом-

ним в этой связи, что В. И. Ленин настоятельно обращал внимание на то, что эпоха, начавшаяся со времени первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции, дает необыкновенно много образцов диалектики. И это обусловлено не какими-то случайными, преходящими обстоятельствами, а самой сущностью современной эпохи как эпохи коренных, качественных изменений, глубоких революционных преобразований, составляющих содержание всемирно-исторического перехода от капитализма к социализму и коммунизму.

В программных документах коммунистических и рабочих партий, в документах Коммунистической партии Советского Союза последних лет дан всесторонний марксистско-ленинский анализ закономерностей и движущих сил современного мирового развития, определены пути и перспективы борьбы за торжество социализма и коммунизма. В этих документах воплощена теория развития современной эпохи, диалектика живой жизни общества и его поступательного движения вперед.

За последние годы диалектика становления и развития социалистического общества привлекает все большее внимание философов-марксистов. В Советском Союзе и в других странах появилось немало исследований, посвященных особенностям проявления основных законов диалектики при переходе от капитализма к социализму и в условиях социалистического общества, новым диалектическим аспектам общественного развития в современную эпоху.

Но, разумеется, применение законов диалектики к анализу действительности, к явлениям, присущим процессу перехода от капиталистической общественно-экономической формации к новой, коммунистической формации, разработка самой диалектики на основе фактов сегодняшней общественной жизни и новейших данных науки еще только развертывается, и эта область философских исследований, можно сказать, необъятно велика. Остановимся на некоторых, наиболее важных, как нам представляется, вопросах диалектики перехода от капитализма к социализму.

Как известно, К. Маркс применил диалектику к анализу не только капитализма, но и становления и развития будущего общества — социализма. Однако в его время еще не было реального социализма, и этот анализ, естественно, носил характер научного предвидения.

К. Маркс показал, что только с победой пролетариата, с ликвидацией частнособственнических отношений будет

устранен социальный гнет и предыстория человечества сменится подлинной его историей. Именно антагонистические классовые противоречия, общественные коллизии, одной из наиболее очевидных форм которых явились войны, составляют характернейшую черту предыстории человеческого общества. В указанных противоречиях, как в фокусе, проявлялись и воплощались основные закономерности развития предшествующих общественно-экономических формаций, и данные противоречия пронизывали всю жизнь общества. Вполне понятно, что в первую очередь эта сторона общественной жизни становилась предметом анализа философов и социологов прошлого, соответствующим образом оформляла их концепции диалектики и идеи развития.

Величие К. Маркса в том, что он раскрыл внутреннюю сущность, механизм и условия действия этих противоречий, показал их исторически преходящий характер. Определив классовую борьбу как основную ось человеческой истории, К. Маркс показал и обосновал закономерный процесс ликвидации этой движущей силы прежней истории, раскрыл роль диктатуры пролетариата как средства, механизма, способа ликвидации эксплуатации человека человеком.

В. И. Ленин не только продолжил анализ диалектики буржуазного общества применительно к эпохе империализма, но и в условиях, когда социализм уже становился объективной реальностью, развил понимание диалектики социалистического общества, его перерастания в коммунистическое общество. Он сформулировал главную особенность развития социализма — антагонизм исчезает, а противоречия остаются [1]. Тем самым В. И. Ленин и его последователи в мировом коммунистическом движении раскрыли и всесторонне обосновали закон перехода от антагонистических противоречий к неантагонистическим.

Для того чтобы в полной мере оценить научно-теоретическое и политическое значение открытого В. И. Лениным диалектического закона развития социализма, следует иметь в виду, что в новых исторических условиях, когда на повестку дня встал вопрос о конкретной разработке закономерностей переходного периода от капитализма к социализму, конкретных путей строительства социалистиче-

[1] См. работы В. И. Ленина: «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» (Полн. собр. соч., т. 39, с. 271—282), «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (т. 41, с. 1—104), «О нашей революции» (т. 45, с. 378—382) и др.

ского общества, объективная диалектика жизни выдвинула на первый план необходимость исследования неантагонистических противоречий как источника и движущей силы общественного развития.

Переходный период от капитализма к социализму есть период преодоления антагонистических противоречий между растущими силами социализма и умирающими, но цепляющимися за жизнь капиталистическими элементами. Диктатура пролетариата выступает как орудие ликвидации классового антагонизма, орудие подавления и уничтожения враждебных социализму классов, построения социалистического общества. С ликвидацией антагонистических противоречий внутри общества и утверждением его социально-политического единства, с завершением социалистической реорганизации народного хозяйства как в городе, так и в деревне, с полной и окончательной победой социализма диктатура пролетариата с точки зрения задач внутреннего развития перестает быть необходимой и превращается в общенародное государство. Непонимание диалектики перерастания государства диктатуры пролетариата в общенародное государство в методологическом отношении связано с непониманием диалектики перехода от антагонистических противоречий к неантагонистическим.

Нельзя не видеть и того, что противники научного коммунизма отождествляют материалистическую диалектику с домарксистскими и немарксистскими представлениями о диалектике. Они якобы опровергают материалистическую диалектику, а на деле воюют с устарелыми типами диалектики. Так, они утверждают, что коммунисты являются убежденными сторонниками войны при всех условиях, ибо они — диалектики, а диалектика в применении к обществу — это война. Идеологи антикоммунизма обвиняют марксистов в измене диалектике при анализе социализма, поскольку последние-де не признают социальных антагонизмов в социалистическом обществе, без которых якобы нет диалектики.

Этому служит и фальсификация диалектики маоистами. Они сами склоняются к тому, что диалектика — это война, что антагонистические противоречия и классовая борьба как двигатель истории характерны и для развития социалистического общества.

В программных документах научного коммунизма исходной позицией для определения политики служит анализ данной эпохи, ее главных особенностей, характеризующих расстановку основных классовых сил и их взаимо-

отношения. Оценка существа современной эпохи — это не только политическая, но и глубокая философская проблема. Диалектико-материалистическое осмысление современной эпохи раскрывает прежде всего ее динамику, в результате которой она выступает как переходная эпоха во всемирной истории человечества.

Раскрыть диалектику современной эпохи, т. е. ее конкретно-историческое своеобразие, с присущей ей внутренней противоречивостью и заложенными в ней объективными тенденциями развития — это значит всесторонне исследовать процесс революционного перехода от капитализма и других досоциалистических форм общественно-экономического уклада к социализму, его перерастания в коммунизм. Это значит выявить диалектику объективного социального скачка, представляющего коренной поворот во всемирной истории человечества, скачка из «царства необходимости в царство свободы».

«Раздвоение единого и познание противоречивых частей его...— отмечал В. И. Ленин,— есть *суть*... диалектики» [1]. Это ленинское положение является исключительно важным в методологическом отношении вообще и в понимании современной эпохи в особенности. В нем выражен в наиболее концентрированной и обобщенной форме марксистский подход к историческим процессам. Раздвоение единого, взятое конкретно-исторически, схватывает именно суть диалектического характера живой действительности, дает возможность определить основные движущие силы и главное противоречие эпохи.

Борьба противоположностей в мировом масштабе проявляется прежде всего как *борьба двух противоположных общественных систем, двух формаций,* которые существуют одновременно, но представляют качественно разные стадии исторического развития общества — его прошлое и его будущее. Противоречие между социализмом и капитализмом — главное противоречие современной эпохи, причем социалистическая система является ведущей стороной этого противоречия.

Основное противоречие современной эпохи — противоречие между социализмом и капитализмом,— конечно, не отменяет и не подменяет тех специфических законов, которые присущи только социализму или только капитализму. Однако основное противоречие эпохи, будучи ее внутренним противоречием, если брать масштабы мирового

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 316.

развития, оказывает воздействие на все страны, хотя может показаться, что оно для них является внешним. Диалектика взаимоотношения между внутренними и внешними противоречиями здесь такова, что главное противоречие эпохи определяет развитие и изменение ее основных черт, направление мирового развития, говоря конкретно, ход и исход соревнования и борьбы двух противоположных систем.

Эта диалектика перехода внутреннего во внешнее, а внешнего во внутреннее выражает собой не только тот простой факт, что исследование современной реальности можно проводить на различных уровнях обобщения. Например, на уровне анализа противоречий в рамках одной страны и отражения этих противоречий во взаимоотношениях с остальным миром или на уровне анализа развития человечества в целом. Нет, она отражает и некоторые объективные особенности современной эпохи, углубляя, с одной стороны, наши представления о развитии общества как всемирно-историческом процессе, а с другой — наше понимание закона единства и борьбы противоположностей.

Марксизм далек от того (по сути своей метафизического) истолкования закона единства и борьбы противоположностей, при котором рост и углубление борьбы противоположностей есть рост и углубление только борьбы, но не единства, взаимозависимости и взаимообусловленности этих противоположностей. Логическим исходом подобного одностороннего истолкования данного закона является превращение противоположностей в автономные, замкнутые в себе системы, внутренне не связанные и безразличные друг к другу. Между тем закон единства и борьбы противоположностей есть закон развития явлений. Из этого следует, что каждый момент в развитии внутренних противоречий является одновременно усилением тех предпосылок, которые в конечном счете ведут к качественно новому единству.

Отсюда, в частности, становится ясной несостоятельность делавшихся порой отдельными авторами выводов, что возникновение мировой системы социализма якобы автоматически делает несущественной проблему экономического и технического сотрудничества в масштабах всего мира. Исторический опыт показал, что современное развитие производства, науки и техники все чаще выдвигает такие проблемы, которые могут быть решены лишь совместными усилиями всего человечества (охрана внешней

среды, освоение космического пространства, помощь отстающим в развитии странам и т. д.). Можно сказать, что именно современная эпоха, характеризующаяся возникновением и борьбой двух мировых социальных систем, впервые позволила человечеству отчетливо ощутить общность его судеб, необходимость достижения единства на новой основе, на путях коммунистической цивилизации.

Развитие производительных сил в наше время характеризуется небывалой в истории научно-технической революцией, которая не может уместиться в узкие рамки буржуазных производственных отношений и осуществить которую в интересах общества в состоянии только социализм. Такова объективная диалектика производительных сил и производственных отношений в современном мире.

Только марксизм-ленинизм дает определенный ответ на вопрос, к какому будущему идет человечество, ответ, основанный на знании законов исторического процесса. В отличие от гипотез будущего, разрабатываемых сторонниками трансформирующегося капитализма, марксистско-ленинский вывод о неизбежности перехода человечества к коммунизму получен не путем перенесения в будущее уже сложившихся общественных отношений, а в итоге исследования объективных законов и тенденций исторического пути человечества.

Научно-технический прогресс с точки зрения марксистского учения об общественном развитии действительно обеспечивает все необходимые средства для коренного преобразования общества, но он не является сам по себе таким преобразованием и приводит к нему только в определенных социальных условиях и в сочетании с рядом определяющих развитие социальных факторов.

Сама техника служит средством создания материальной основы общественного прогресса, а не его движущей силой. Генеральная линия прогресса в современную эпоху — развитие социалистического общества, развертывающего научно-техническую революцию и использующего ее достижения для строительства коммунизма. Новая, коммунистическая цивилизация возникает в результате развития и совершенствования построенных социализмом общественных отношений на материальной и организационной базе, создаваемой в ходе научно-технической революции, которая выступает, таким образом, органической составной частью, но не единственным решающим фактором социального прогресса. Историческая практика не может выражаться в изменении только какой-либо одной

стороны общественной жизни. Строительство социализма и коммунизма и есть целостный процесс, в котором его материальные и социальные аспекты, его технические и человеческие основы, объективные и субъективные факторы не противопоставляются друг другу, а развиваются в органической взаимосвязи.

Марксизм, рассматривающий историю человечества как естественноисторический процесс, создал подлинно научную концепцию развития, выдвинуть альтернативу которой буржуазная общественная наука оказалась бессильной. «Вся теория Маркса,— указывал В. И. Ленин,— есть применение теории развития — в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме — к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма»[1]. Марксизм-ленинизм дал ответ и на этот вопрос. В этом ответе и заключена разгадка тайны всемирной истории, разгадка, которую тщетно пытаются опровергнуть и дискредитировать буржуазные и ревизионистские оппоненты марксизма-ленинизма.

Диалектику современной эпохи нельзя понять и представить без рассмотрения и анализа конкретных проявлений диалектических закономерностей социализма. Диалектика социализма — это не просто частный, преходящий случай диалектики, как диалектика буржуазного общества. Социализм имеет не только свои специфические закономерности, но как первая фаза коммунизма он уже несет в себе некоторые черты, свойственные коммунистической общественной формации в целом, которая является высшей формой человеческого общежития.

При переходе от капитализма к социализму коренным образом преобразуются социальные связи и отношения, выявляются новые движущие силы и источники общественного развития.

Здесь действует общий закон развития природы и общественной жизни, характеризующий диалектику количественных и качественных изменений. Понимание связи количества и качества важно не только для объяснения объективных процессов. Диалектическое понимание этой связи имеет большое значение для практической деятельности, для открытия и использования новых свойств, новых источников энергии в развитии природы и общества.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 84.

Главный источник могучего роста производительных сил при социализме — новая форма общественных отношений, планомерно организованное общественное производство на базе общественной собственности. Задача в понимании процессов развития социалистического общества прежде всего в том и состоит, чтобы видеть, как количественные и качественные изменения порождают новые черты в общественно-экономических и идеологических отношениях, новые источники творчества, инициативы и самодеятельности масс, новые резервы роста производительных сил.

Особенности диалектики социализма проявляются не только в *характере движущих сил,* но и в *новом типе противоречий, в новых формах и способах их разрешения.*

Закон единства и борьбы противоположностей, будучи всеобщим законом диалектики, действует и при социализме. Социально-политическое единство социалистического общества совсем не исключает противоречий и борьбы противоположностей. Но проявление закона единства и борьбы противоположностей в условиях социализма, в отличие от капитализма, характеризуется совершенно иными, специфическими чертами, в корне отличными от проявления данного закона при капитализме и в других классово антагонистических формациях.

Сами понятия «противоположность», «противоречие», «единство противоположностей», «борьба противоположностей» и т. д. получают при социализме качественно иное содержание, т. е. конкретизируются применительно к социализму иначе, нежели к капитализму. В равной мере это относится и к способам, формам и методам разрешения конкретных противоречий. Достаточно сказать, что если в условиях капитализма борьба противоположных сторон, как правило, ведет к победе одной из сторон и гибели другой, в конечном счете к ликвидации данной социальной структуры, то при социализме преодоление противоречий ведет к укреплению социально-политического единства общества, представляет собой движущую силу его развития.

Социализм, в отличие от предыдущих общественных формаций, не знает непримиримых классовых противоположностей, борьба которых в прошлом приводила каждое общество к той точке, за которой начиналась нисходящая линия его развития, завершавшаяся его гибелью как определенного социального и политического строя. Социализм — восходящее общество. Успехи социализма — это

основная сила, ускоряющая мировой общественный прогресс.

С переходом от капитализма к социализму ликвидируются противоречия между общественным характером производства и частной собственностью на средства производства, частнокапиталистическим присвоением; вместе с тем уничтожается классовый антагонизм, и классовая борьба перестает быть внутренней движущей силой исторического развития социалистического общества.

Значительные перерывы развития, обусловленные антагонистическими противоречиями старого и нового, уступают в социалистическом обществе место другим видам разрешения противоречий, таким, как снятие, которое В. И. Ленин характеризовал как «момент связи, как момент развития, с удержанием положительного» [1] или качественное преобразование той или иной социальной системы при сохранении ее основы. Такого рода разрешение противоречий в несравненно большей степени, чем разрушение, включает преемственность, переход в новое качество явлений, которые наследуются от отрицаемого старого «как моменты развития», будучи его положительными сторонами. В сохранении, удержании таких моментов проявляется единство и непрерывность общественного процесса; именно поэтому в социалистическом обществе преемственность, связь прошлого и нового, проявляется особенно сильно.

Специфической характеристикой социалистического общества является и то, что разрешение притиворечий происходит на стадии различий, до того, как они перерастают в социальный конфликт. Эта закономерность также соответствует сужению сферы применения насильственных методов разрешения противоречий. Так постепенно начинает осуществляться предвидение К. Маркса о том, что, когда в обществе не будет больше классов и классового антагонизма, *«социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями»* [2].

Существенно важной особенностью присущего социализму механизма разрешения существующих или возникающих в нем общественных противоречий следует считать качественно новое явление: субъектом, в интересах которого разрешаются противоречия общественной жизни, является не отдельный класс или общественная группа, а *общество в целом.*

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 207.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 185.

Гибкое, основанное на марксистско-ленинских принципах управление обществом, динамичное реагирование на существующие или вновь возникающие противоречия, своевременный выбор средств и методов их разрешения — все это значительно ограничивает действие стихийных механизмов разрешения противоречий, придает всей деятельности общества, рабочего класса и его партии, как руководящей силе общества, целенаправленный, созидательный характер.

Противоречия в бытии социалистического общества находят отражение и в сознании — в борьбе передового мировоззрения с пережитками и влияниями буржуазной идеологии и морали. Вот почему борьба против антиобщественных взглядов и нравов — это не только идеологическая задача, это часть общей борьбы за упрочение и развитие социалистического бытия и сознания, социалистического базиса и социалистической надстройки.

И здесь кроется глубокая диалектика. Лишь на материально-технической базе коммунизма утвердится та более высокая форма общественных отношений, основным принципом которой станет свободное развитие каждого человека как условие свободного развития всех. Решающим средством для этого является рост производства. Но нельзя забывать о превращении идеального в материальное, т. е. о передовой, организующей силе коммунистической идеологии в борьбе за претворение идеалов в жизнь. Материалистическая диалектика исходит не только из первичности бытия, но и из единства и взаимодействия бытия и сознания. И если совершенно недопустимо забывать об опасности идеализма, субъективизма, то столь же опасно было бы забывать о вреде механистического материализма, игнорирующего активную роль сознания, идей в жизни общества.

Передовые идеи, высокие идеалы опережают жизнь, предвосхищают будущее. Но требуется время, соответствующие условия и идеологические средства, чтобы сознание масс достигло этого уровня.

Утверждение единого, подлинно всенародного коммунистического сознания в обществе, строящем коммунизм, не означает, что развитие духовной жизни происходит без борьбы, без преодоления противоречий. Изменение сознания нельзя представлять как заполнение некоего сосуда, освобожденного от старых представлений, антинаучного мировоззрения, готовым социалистическим сознанием, цельным научно-материалистическим мировоззрением.

Различные стороны сознания развиваются неравномерно. В индивидуальном сознании человека могут соседствовать противоречащие друг другу представления, например правильное отношение к политическим вопросам, патриотизм, честное отношение к труду и, с другой стороны, религиозные предрассудки, мелкобуржуазные принципы морали, отсталые, унаследованные от прошлого взгляды.

Необходимо учитывать, что пережитки прошлого держатся в сознании не только тогда, когда оно отстает от бытия, но и вследствие трудностей, противоречий и осложнений в самой жизни. В этой связи достаточно напомнить о том, какие бедствия причинила минувшая война и какие тяжелые последствия и на долгое время оставила она не только в материальной жизни, в быту, но и в сознании людей. Трудности и противоречия, неустроенность и несчастья в личной жизни могут поддерживать, а иногда и оживлять пережитки старой идеологии и морали.

В целом в социалистическом обществе складывается передовое общественное сознание, основанное на марксистско-ленинском мировоззрении, на высоком культурном уровне народа. Это общественное сознание противоречит сознанию отдельных людей, которое еще содержит остатки индивидуалистических, антинаучных взглядов на мир. Формирование всесторонне развитой личности коммунистического общества предполагает разрешение противоречия между передовым общественным сознанием и отсталым индивидуальным сознанием, воспитание у всех членов общества научного мировоззрения, перестройку их психологии на основах коммунистической идеологии и морали, приобщение каждого труженика к высотам социалистической культуры.

Борьбой между новым и старым, передовым и отсталым не исчерпываются противоречия в духовной жизни общества.

Существует и такая форма этих противоречий, как борьба мнений в научном познании. Конечно, в классовом обществе различие мнений по вопросам науки может быть связано с различными идеологическими воззрениями. Влияние чуждых идеологических воззрений может примешиваться к борьбе мнений и в социалистическом обществе. Но в данном случае речь идет не об этом. Речь идет о борьбе мнений, связанной с диалектической природой человеческого познания. Борьба мнений в науке — это закономерность человеческого познания, она неизбежна в любом обществе, и дело заключается отнюдь

пе в том, чтобы добиваться ее прекращения, а в том, чтобы не допустить протаскивания под флагом борьбы мнений враждебной научному коммунизму идеологии.

Вместе с тем борьба мнений в науке не имеет ничего общего с ревизионистскими и догматическими наскоками на марксизм-ленинизм, продиктованными отнюдь не поисками истины, а мелкобуржуазными и националистическими устремлениями. Марксизм-ленинизм несовместим с ревизионизмом и мертвым догматизмом. Это, разумеется, не исключает споров и дискуссий среди марксистов в истолковании конкретных вопросов современной действительности. Как всякая наука, марксизм-ленинизм развивается, и в решении новых вопросов жизни возникают различные оттенки мнений, но незыблемыми остаются его основные принципы, творческое применение и развитие которых составляет коренное условие его жизненности.

Таким образом, противоречия и формы их проявления в социалистическом обществе весьма многообразны и неодинаковы по своему характеру и по остроте выражения. Они имеют место и в сфере экономики, и в области социальных отношений, и в идеологической жизни. И в каждой из этих областей диапазон противоречий и форм их проявления весьма широк. В области экономики — от просчетов на отдельных предприятиях до нарушения оптимальных пропорций в народном хозяйстве, от преодоления недостатков в системе материального стимулирования труда до борьбы со спекуляцией, хищениями и нерачительным использованием общественного добра; в области социальных отношений — от товарищеского соревнования до решительного пресечения таких антиобщественных явлений, как преступность, нарушения социалистического правопорядка и демократических норм жизни, бюрократизм, зажим критики, остатки национальной розни; в области духовной жизни — от дружеских споров по вопросам науки до острейшей борьбы с пережитками капитализма в сознании и с влиянием чуждой идеологии.

Далеко не все эти противоречия неизбежны при социализме. Многие из них возникают вследствие недостатков в организации хозяйственного и культурного строительства, в управлении общественными делами. И их можно избежать при более полном и творческом использовании возможностей планомерного развития социализма.

Хотя в социалистическом обществе нет почвы для классового антагонизма и связанных с ним антагонисти-

ческих противоречий, это не значит, что социалистическому обществу не приходится иметь дело с антагонизмом. Между социализмом и капиталистическим миром существует антагонистическое противоречие, которое исчезнет лишь с уничтожением капитализма. А пока для социалистического общества капитализм — это не только пережиток прошлого, это живой враг, с которым ведется непрестанная и непримиримая борьба. И проявления индивидуализма, антиобщественных нравов в социалистическом обществе — это не только наследие прошлого, это и отражение чуждого нам, но еще живого буржуазного мира. В природе социалистического общества нет внутреннего антагонизма классов. Но борьба между обществом и антиобщественными преступными элементами носит антагонистический характер. Неправомерно было бы рассматривать отношение общества к убийцам, грабителям, ворам, расхитителям общественного добра, к изменникам родины как неантагонистическое противоречие.

Диалектика развития социализма — это диалектика укрепления социально-политического единства общества, преодоления противоречий в условиях этого единства. С развитием социализма укрепляются союз и дружба рабочих, крестьян и интеллигенции, дружба и сотрудничество всех наций и народностей.

Учение о единстве и борьбе противоположностей — это суть диалектики. В борьбе против реформистских теоретиков В. И. Ленин подчеркивал, что единство, совпадение, равнодействие противоположностей относительно, временно, преходяще, а борьба их абсолютна, как абсолютно развитие. Но формы проявления этой борьбы различны в разных условиях.

Можно указать на то, что в отношении ряда противоречий социалистического общества приходится говорить о соединении противоположностей. Это такие проблемы, как сочетание материальных и моральных стимулов к труду, единство демократизма и централизма, единоначалия и коллегиальности, умственного и физического труда в производственной деятельности и т. п. Но при любой форме разрешения противоречий развитие невозможно без преодоления трудностей и препятствий. И соединение противоположностей, равно как и уничтожение одной из них, может быть достигнуто только путем активной преобразующей деятельности.

Так, достижение рационального сочетания материальной заинтересованности и моральных побуждений невоз-

можно без борьбы с пережитками уравнительности и индивидуализма. Демократический централизм предполагает преодоление бюрократического централизма, а также узковедомственных и местнических тенденций. Гармоничное сочетание единоначалия и коллегиальности достигается в борьбе против администраторского самовластия, с одной стороны, и против групповой безответственности, обезлички, с другой стороны, за повышение дисциплины в каждом коллективе. Соединение умственного и физического труда предполагает борьбу за механизацию и автоматизацию производства, за разумное сочетание образования с производительным трудом и производительного труда — с образованием, за повышение культурно-технического уровня всех трудящихся.

Всякое противоречие есть не что иное, как единство и борьба противоположностей. Жизнь показывает, что есть единство антагонистических противоположностей и есть единство неантагонистических противоположностей. Не учитывать этого — значит не понимать глубоких различий между диалектикой социализма и диалектикой антагонистических общественно-экономических формаций. Единство антагонистических противоположностей неизбежно ведет к конфликту, столкновению этих противоположностей, и борьба их в конечном счете приводит к ликвидации самого этого единства. Что касается единства неантагонистических противоположностей, то и оно, конечно, не обходится без их борьбы. Но конфликт здесь не обязателен, разрешение противоречия достигается путем развития, совершенствования прогрессивных начал и взаимопроникновения различных сторон данного единства в ходе этой борьбы.

Особенность неантагонистических противоречий социализма состоит в том, что их протекание можно планомерно, сознательно регулировать, направлять. Скачок из царства необходимости в царство свободы в том и состоит, что социалистическое общество может планомерно разрешать противоречия развития, т. е. сознательно направлять и регулировать борьбу противоположностей в соответствии с их объективным характером.

В свое время В. И. Ленин в полемике с троцкистами отмечал, что они метафизически противопоставляют противоположности — демократию и единоначалие (или диктатуру), уравнительность и ударность в производстве и распределении, т. е. общие принципы равенства и преимущественное вознаграждение работников за ударный,

высокопроизводительный труд. Критикуя эти теоретические вывихи троцкистов, В. И. Ленин говорил: «Нельзя вносить кашу, создавая опасность, что люди запутаются: когда демократия, когда единоличие, когда диктатура» [1].

И далее, разбирая вопрос о соотношении материального вознаграждения за ударность в труде с уравнительностью, В. И. Ленин отмечал: «Вопрос трудный. Ибо так или иначе сочетать приходится уравнительность и ударность, а эти понятия исключают друг друга. Но мы все-таки марксизму немножко учились, учились, как и когда можно и должно соединять противоположности, а главное: в нашей революции за три с половиной года мы практически неоднократно соединяли противоположности» [2].

При этом В. И. Ленин предупреждал против эклектического соединения противоположных понятий, против подмены диалектики эклектикой. Диалектика требует всестороннего учета соотношения противоположностей в их конкретном развитии, эклектика произвольно выдергивает и механически соединяет кусочки из противоположных понятий по принципу — «с одной стороны и с другой стороны». В. И. Ленин разъяснял, что если берутся два или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно, то получается эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета, и только.

Диалектическое требование учета всех сторон явления есть требование конкретного анализа, конкретного знания дела. Только при этом условии соединение противоположностей будет не субъективным, эклектическим, а отвечающим реальным процессам жизни, подлинно диалектическим. Говоря о соединении таких противоположностей, как уравнительность и ударность, В. И. Ленин писал: «Ведь можно сочетать эти противоположные понятия так, что получится какофония, а можно и так, что получится симфония» [3].

Искусство руководства состоит не в игнорировании противоречий и не в отрицании возможности соединения противоположностей, а в умении вовремя замечать противоречия, находить формы и меру сочетания и преодоления противоположных сторон и тенденций, если они не носят антагонистического характера, своевременно принимать меры к ликвидации враждебных социализму тенденций, т. е. антагонистических противоречий.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 211.
[2] Там же.
[3] Там же.

Диалектическое учение о раздвоении единого на противоположности вовсе не означает увековечивания этих противоположностей. Марксистская диалектика, в отличие от предшествующих ей форм диалектики, подчеркивает возможность и необходимость осознанной, целенаправленной и научно организованной деятельности по разрешению противоречий. Антагонистические противоречия преодолеваются путем уничтожения противоположностей, тормозящих исторический прогресс. Такова конечная судьба эксплуататорских классов, возникших в результате раскола («раздвоения») общества на противостоящие классы.

Иной характер носит преодоление неантагонистических противоречий, в том числе и таких, которые исторически были связаны с разделением общества на классы. Например, разделение труда на умственный и физический во всех антагонистических общественно-экономических формациях использовалось господствующими классами в целях эксплуатации трудящихся масс. Но такое разделение труда сохраняется длительное время и после уничтожения эксплуататорских классов. Как же преодолевается это «раздвоение единого»? Ведь в данном случае преодоление не может быть достигнуто путем уничтожения умственного или физического труда. Марксизм дает подлинно диалектическую трактовку этой проблемы и перспектив ее решения: с победой коммунизма произойдет органическое соединение умственного и физического труда в производственной деятельности людей.

Итак, было время, когда труд раздваивался на умственный и физический, и это имело прогрессивное значение. В дальнейшем такое разделение стало изживать себя и начало тормозить прогресс производства. Люди физического труда стали осваивать и применять достижения умственного труда. Таким образом, возникла проблема воссоединения умственного и физического труда, восстановления единства труда на новой основе. Эта проблема решается при социализме и коммунизме.

Рассмотрим, далее, национальный вопрос. В капиталистическом обществе господствующая буржуазия эксплуатирует не только пролетариат «своей» нации, но и все угнетенные нации, разжигает рознь и вражду между ними. С ликвидацией буржуазного строя уничтожается господство одной нации над другой, утверждаются равноправие, сотрудничество и дружба народов. В Советском Союзе достигнуто фактическое равенство наций не только в поли-

тическом, но уже и в экономическом и культурном отношениях. Однако проблема сочетания национальных и общегосударственных интересов не снята, здесь могут возникать и возникают определенные противоречия. Они преодолеваются на путях развития, ведущего к полному единству наций на основе «взаимопроникновения», т. е. гармоничного сочетания национального и интернационального.

Переход от социализма к коммунизму отличается по своему характеру и протеканию от перехода от одной общественно-экономической формации к другой. Переход от одной формации к другой осуществляется путем революции, когда политическое господство одного класса сменяется политическим господством другого класса. Переход от социализма к коммунизму — это переход, осуществляющийся в пределах одной общественно-экономической формации, переход к бесклассовому обществу, к полной социальной однородности. При этом утрачиваются всякие следы политического господства какого-либо класса. Вместе с исчезновением классов отмирает и государство как форма политической организации общества. Сложившееся при социализме общенародное государство перерастает в общественное самоуправление тружеников коммунистического общества.

Таким образом, это совершенно иной тип перехода, нежели переход от капитализма к социализму. Смена социализмом капитализма происходит по принципу — рождение и смерть, возникновение и гибель. Переход от социализма к коммунизму, если прибегнуть к аналогии,— это скорее переход от юности к зрелости, это этапы развития одной и той же жизни. Переход от капитализма к социализму знаменует конец нисходящей линии развития старой общественно-экономической формации и начало восходящей линии развития новой. Переход от социализма к коммунизму — это продолжение восходящей линии развития новой формации, это поступательное движение от ее первой ступени к высшим ступеням.

Можно ли считать этот переход качественным изменением, социальным скачком? Безусловно, можно. При переходе от социализма к коммунизму происходят коренные, качественные изменения в общественной жизни. И хотя этот переход осуществляется постепенно, он означает вместе с тем и скачок в социальном развитии.

Создание материально-технической базы коммунизма и превращение двух форм общественной собственности в

единую общенародную собственность составляют экономическую основу перехода от социализма к коммунизму. Преодоление классовых различий и создание бесклассового общества составляют социальное содержание этого перехода. Перерастание общенародного государства в общественное коммунистическое самоуправление представляет скачок в организации управления общественными делами, т. е. переход от общества с государством к обществу без государства.

Таким образом, диалектика социальных процессов обогащается *новым типом качественных изменений.* Их особенность состоит в том, что постепенность становится формой не только количественных, но и качественных изменений, формой осуществления социального скачка. В развитии досоциалистических формаций постепенные количественные изменения и качественный скачок сменяли друг друга во времени. При переходе от социализма к коммунизму постепенность и скачок выступают в диалектическом единстве, которое является результатом одновременного процесса количественных и качественных изменений. Ликвидация противоположности классовых интересов и классового антагонизма в принципе изменяет форму социального развития, характер социальных процессов.

Здесь необходимо хотя бы кратко остановиться на законе отрицания отрицания в применении к социальным процессам. Как уже было показано выше, закон отрицания отрицания — это один из наиболее общих законов диалектики, который действует в природе, действовал в истории в прошлом, действует и теперь. В каждой области действительности все законы диалектики проявляются в специфических формах. Это касается и закона отрицания отрицания. Критики же этого закона забывают о необходимости конкретно-исторического подхода к анализу его действия, о необходимости учета конкретных условий, модифицирующих проявление закона в разных областях действительности и на разных этапах развития.

В настоящее время еще значительная часть мира находится под игом капитализма, еще существует империализм, который принес и несет человечеству много страданий и лишений. Поэтому есть что отрицать в общественном развитии, и прежде всего капитализм, являющийся еще реальностью наших дней на значительной части земного шара.

А разве в развитии социалистического общества мало моментов, элементов, подлежащих отрицанию? Сколько

пережитков прошлого, старого, отжившего проявляется в быту, сознании и поведении людей, сколько встречается еще элементов ненужного, вредного, которые тянут нас назад, тормозят общественное развитие. Все это подлежит отрицанию на базе того основного прогрессивного, что дает развитие социалистического общества. Но всегда нужно помнить о том, что в разных общественных условиях закон отрицания отрицания имеет определенные формы проявления.

Среди специфических законов, относящихся к диалектике развития социализма, особо следует выделить возрастание роли субъективного фактора в жизни общества, повышение значения сознательности, организованности масс, руководящей роли партии, активности всех общественных и государственных организаций. Эта закономерность определяется тем, что стихийное экономическое и социальное развитие сменяется при социализме сознательной планомерной организацией народного хозяйства и всей общественной жизни.

Но неправильно было бы полагать, что возрастание роли субъективного фактора означает уменьшение или снижение в какой-то мере роли объективных материальных условий в развитии общества. Наоборот, значение материального производства и всех вообще материальных условий жизни общества в процессе коммунистического строительства неизмеримо возрастает.

Переход от досоциалистических форм жизни к коммунистической общественно-экономической формации, первой фазой которой является социализм, марксизм-ленинизм рассматривает как скачок из царства необходимости в царство свободы. Но нельзя понимать это положение односторонне, как отрицание или умаление исторической необходимости. Скачок в царство свободы не отменяет необходимость, а предполагает познание объективных законов и действие в соответствии с этими законами.

Покоряя природу, используя все полнее ее ресурсы, становясь все более ее властелином, общество не упраздняет зависимость поступков, поведения людей от объективных условий. Познание объективных закономерностей природы и общества вовсе не исключает того, что роль искусственной «среды», т. е. созданных человеком условий его существования, роль материального производства в жизни общества может и должна возрастать. Благодаря росту производства увеличивается власть человека над природой. Вместе с тем, однако, необходимо помнить и

учитывать в практической деятельности слова Ф. Энгельса о том, что все наше господство над природой «состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять» [1]. Глубокий смысл этих слов все более раскрывается по мере научно-технического прогресса, по мере исторического развития человечества.

Ошибочно было бы полагать, что роль субъективного фактора возрастает за счет уменьшения значения объективных условий. При таком понимании роль объективного фактора в перспективе свелась бы чуть ли не к нулю, и мы отошли бы от материалистического понимания истории. Вскрывая возрастающую роль субъективного фактора при социализме, марксизм-ленинизм подходит к этому вопросу исторически, т. е. рассматривает его в развитии. По сравнению с капитализмом, где развитие в целом происходит стихийно, в социалистическом обществе, где имеется возможность сознательно руководить развитием на основе познания его объективных законов, роль субъективного фактора намного больше и все увеличивается по мере совершенствования форм общественной жизни, форм руководства.

Субъективный фактор приобретает все возрастающее значение в развитии материальных условий жизни общества, но вместе с тем и сам зависит от них: сознательность, инициатива, организованность, личный интерес также обусловлены объективными условиями. Непонимание этой диалектики, абсолютизация, превратное понимание роли субъективного фактора и умаление роли объективных закономерностей составляет гносеологические корни субъективизма, волюнтаризма и администрирования. С этим связано также преувеличение роли отдельной личности и недооценка роли народных масс.

Сочетание возрастающего значения субъективного фактора с мощным ростом производительных сил и материального производства представляет собой важный источник ускоренного прогресса социалистического общества. Только так можно понимать диалектику субъективного и объективного факторов в развитии социалистического общества и в процессе перехода к коммунизму. Иными словами, в объективной действительности имеет место диалектическое единство этих противоположностей, а не метафизическая их противопоставленность. Марксизм-лени-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 496.

низм дает всестороннюю картину движения общества от социализма к коммунизму с подлинно диалектическим учетом как объективных законов общественного развития, так и возрастающей роли субъективного фактора.

Материалистическая диалектика является незаменимым инструментом исследования и решения философских проблем общественного развития. Конкретнее говоря, она направляет творческие поиски в исследовании новых процессов жизни и помогает избегать методологических ошибок, наносящих в конечном счете большой ущерб делу научного познания и практического строительства.

Особое значение в настоящее время имеет философское осмысление диалектических закономерностей развитого социалистического общества. Эти закономерности обобщены XXV съездом КПСС, они получили развернутое воплощение в новой Конституции СССР. Одним из решающих направлений здесь является анализ диалектики объективных и субъективных факторов социального развития, диалектики развития человека как главной производительной силы общества и вместе с тем как «самоцели» истории.

3. Диалектика развития человека

И в индивидуальном, и в историческом развитии человека в своеобразных, специфических формах реализуются диалектические противоречия и закономерности. Речь идет, в частности, о диалектическом соотношении социального и биологического в человеке, о роли социальных факторов и условий в становлении и развитии личности, о взаимосвязи материального и идеального в ее деятельности. Философское и специально-научное изучение этих вопросов имеет длительную историю, поскольку проблема развития человека, его закономерностей и перспектив — это, пожалуй, самая главная из всех, которые когда-либо вставали перед человечеством на протяжении тысячелетий его истории. Она приобрела сегодня поистине глобальный характер в связи с интенсивно развивающимися процессами интернационализации производства и всей общественной жизни человечества, развертыванием научно-технической революции и все более расширяющимся проникновением в различные сферы жизни общества ее результатов, имеющих не только позитивное, но и в ряде случаев негативное значение для человека и его будущего. Это связано с загрязнением среды обитания человека, увеличением нервно-психических нагрузок в процессе труда и общения меж-

ду людьми, приводящим к стрессовым состояниям, к целому ряду заболеваний, которые считают «болезнями цивилизации» (сердечно-сосудистые заболевания, психические расстройства, рак и др.).

В сущности говоря, сегодня перед человечеством все более остро встает вопрос о том, чтобы сохранить себя как вид, приспособленный к изменяющимся условиям среды — социальным и природным, проблема адаптации человека к окружающей среде. Вместе с тем мы знаем, что научно-техническая революция открывает новые возможности и средства развития человека как биосоциального существа, которые могут быть реализованы, однако, лишь в разумных и гуманных общественных условиях. Это одно из фундаментальнейших диалектических противоречий нашей цивилизации, и невозможно даже правильно поставить вопрос о судьбах человечества без учета этого противоречия.

Само собой ясно, что анализ диалектики развития человека невозможен без того, чтобы ответить на вопрос: что такое сущность человека и чем она определяется? Вопрос этот является поистине «вечным»: он проходит через всю историю философии, начиная с античности, и оказывается центральным в современных дискуссиях о человеке, его перспективах. В марксизме данный вопрос получает всестороннюю интерпретацию, основанную на материалистическом понимании истории, на признании решающей роли, которую играет в жизни общества труд, практическая деятельность людей, на понимании социальной сущности человека, на концепции научного, реального гуманизма. Он предстает во многом и как вопрос о соотношении социального и природно-биологического в человеке. Вместе с тем это и вопрос о том, что в решающей степени определяет развитие человека: социальные или природно-биологические факторы?

Если бросить ретроспективный взгляд на историю философии, то мы увидим, что проблема человека решалась в ней преимущественно на основе подходов, находящихся друг к другу в отношении некоторой, как сказал бы Н. Бор, «дополнительности»: подходов идеалистических, абсолютизирующих духовное начало в человеке, и натуралистических, придающих первостепенное значение природно-биологическим его особенностям. Этот дуализм души и тела — извечная тема философских трактатов о человеке начиная с древности и вплоть до наших дней. Вместе с тем в истории философии проблема человека рассматри-

валась и с точки зрения внутренних и внешних факторов, определяющих, что такое человек. Говоря о внешней среде, в которой происходит становление и развитие человека, философы имели в виду, разумеется, не только природные, но и социальные факторы — воспитание и пр., однако глубокий анализ их существенных особенностей впервые в истории философии был осуществлен К. Марксом и Ф. Энгельсом, вскрывшими диалектику становления и развития человека, научно определившими его сущность.

В противовес идеалистическим, религиозно-мистическим концепциям человека и натуралистическому антропологизму К. Маркс еще в середине прошлого века выдвинул тезис, ставший ключевым в научном понимании человека. «...Сущность человека,— определил он,— не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [1]. Открытие, установление социальной сущности человека, тесно связанное с утверждением диалектико-материалистического понимания истории, означало подлинную революцию в общественных науках, прежде всего в философии. Тем самым наука о человеке, составлявшая традиционно центр философского познания, получила объективный метод анализа, целостную методологию исследования человека в его развитии.

Формула К. Маркса о человеке как совокупности, ансамбле всех общественных отношений была выдвинута им в знаменитых «Тезисах о Фейербахе». Маркс уже понял к тому времени, что человек не только природное существо, он есть человеческое природное существо, т. е. существующее в человеческом обществе. Человеческий индивид является единицей человеческого вида и вместе с тем представителем социальных общностей — человечества, класса, нации и пр. Для Маркса с самого начала сущность личности составляет «не ее абстрактная физическая природа, а ее *социальное качество*...» [2]. Поэтому «вся история,— пишет он,— есть не что иное, как беспрерывное изменение человеческой природы» [3]. Однако, считал Маркс, «мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху» [4].

Следовательно, марксизм, признавая общие характери-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 265.
[2] Там же, т. 1, с. 242.
[3] Там же, т. 4, с. 162.
[4] Там же, т. 23, с. 623.

стики человека, обращает внимание исследователей на главное — на его конкретно-исторический анализ, раскрытие специфики общественных отношений, характера трудовой деятельности и т. д. Как показывает история науки, в частности философии, все иные подходы к вычленению сущности человека, его особой природы не имели успеха, так же как не раскрывают ее и попытки вычленить те или иные внешние признаки человека в отличие от животного. «...Что́ это вообще за «человек», который рассматривается не в своей действительной исторической деятельности и бытии, а может быть выведен из... какого-нибудь... признака, отличающего его от животных» [1],— писали в связи с этим К. Маркс и Ф. Энгельс.

Итак, марксизм ищет определения человеческой сущности в *специфически человеческой деятельности и бытии и находит его в человеческом труде.* Еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс отметил, что для человека «производство есть его деятельная родовая жизнь», «благодаря... производству природа оказывается *его* произведением и его действительностью» [2]. Именно труд создал человека, и в нем реализуются и развиваются специфически человеческие качества. В работе «К критике политической экономии» человеческий труд определяется К. Марксом как «целесообразная деятельность, направленная на освоение элементов природы»; труд, пишет Маркс, составляет «естественное условие человеческого существования... независимое от каких бы то ни было социальных форм» [3]. Труд, по Марксу, является не только средством к жизни, но и формой самоутверждения человека; человек в труде «действительно утверждает себя как *родовое существо*» [4].

Однако труд выступает для К. Маркса прежде всего как *общественное* отношение к природе, и, следовательно, «общность человека», его общественный характер необходимо включается в понимание сущности человека. Человек и общество неразрывны, и только в обществе, в определенных социальных образованиях он вообще реализуется как человек. «Человек,— писал К. Маркс,— всегда остается сущностью всех этих социальных образований, но эти образования выступают также и как его *действительная* всеобщность, поэтому также и как *общее* всем лю-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 516.
[2] Там же, т. 42, с. 94.
[3] Там же, т. 13, с. 23.
[4] Там же, т. 42, с. 94.

дям» [1]. Именно в ходе общественного развития возникают сознание и мышление человека, которые, следовательно, оказываются вторичными по отношению к его общественному бытию. На этой основе формируются и специфически человеческие материальные и духовные потребности, которые также связаны с сущностью человека и входят в ее определение.

Так представляется с позиций марксизма *социальная сущность человека.* Подчеркивая значение общественных связей и характеристик человека, марксизм отнюдь не нивелирует отдельных индивидов, не принижает их специфических качеств как *личностей,* наделенных присущими им характером, волей, способностями и интересами. Напротив, он обращает внимание на общие закономерности, чтобы рельефнее оттенить и сделать научно объяснимыми эти личностные качества людей. И здесь имеет значение обращение не только к социальной сущности человека, но и к его биологической природе.

Мы знаем, что К. Маркс придавал этому большое значение. «Всемирная история,— писал он,— существовала не всегда; история как всемирная история — результат... *Исходный пункт, естественно,— природная определенность;* субъективно и объективно» [2]. В «Капитале» Маркс развивал тезис о взаимодействии между внешней и собственной природой человека, в результате которого происходит изменение как той, так и другой [3]. Определение сущности человека как совокупности всех общественных отношений находилось у него в органической связи с пониманием человека как предметного, чувственного существа, отдельные особенности и влечения которого (страсть и т. п.) Маркс также рассматривал как его «сущностные силы». «*Человек,*— писал он,— является непосредственно *природным существом.* В качестве природного существа... он... наделен *природными силами, жизненными силами,* являясь *деятельным* природным существом; эти силы существуют в нем в виде задатков и способностей, в виде *влечений...*» [4]

Этот диалектический подход к соотношению социального и природного в человеке нашел разностороннее обоснование и развитие в трудах Ф. Энгельса. Философски обобщая результаты исследований антропогенеза в ра-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 264.
[2] Там же, т. 46, ч. I, с. 47.
[3] См. там же, т. 23, с. 188—189.
[4] Там же, т. 42, с. 162—163.

ботах Ч. Дарвина и Л. Моргана, критикуя ограниченность фейербахианского понимания человека, Ф. Энгельс, разумеется, акцентировал внимание на главном, что составляет сущность марксистского понимания человека,— на его социальных общественно-трудовых и производственных характеристиках. Но было бы крайне односторонним эту объяснимую конкретными задачами акцентировку абсолютизировать и игнорировать то, что биологическая природа человека принималась Ф. Энгельсом как нечто исходное, хотя, безусловно, недостаточное для объяснения истории и самого человека. В письме К. Марксу он отмечал, что «мы должны исходить из «я», из эмпирического, телесного индивида, но не для того, чтобы застрять на этом... а чтобы от него подняться к «человеку» [1].

Человек как социальное существо не противостоит своей природной характеристике, являющейся его предпосылкой. Вместе с тем в разных отношениях и исследовательских ситуациях значение социальных и биологических факторов может измениться. Поэтому, в частности, сегодня раскрыть то, как проявляется «человеческая сущность человека» (К. Маркс),— это значит не просто учитывать биологические особенности человека в процессе его социального анализа. Биология человека властно вторглась в жизнь современных людей. Она ставит новые проблемы перед социологией не потому только, что возникли такие социологические вопросы, которые надо решать с ее помощью, хотя и здесь появилось нечто новое. Главное состоит в том, что (и в этом можно увидеть некоторый парадокс) интенсивное развитие социальных факторов и условий жизни человека, составляющих его сущность, прежде всего производства, труда, затронули основы самого существования человека как живого, чувственного существа.

В особенности остро это противоречивое взаимодействие обнаружилось в условиях научно-технической революции, меняющей в настоящее время многие существовавшие ранее формы связей и отношений, в которые вступает человек, в частности соотношения и взаимовлияние социального и биологического в человеке. В результате научно-технической революции изменяются прежде всего характер производственной, трудовой деятельности людей, их среда обитания, вновь возникшие факторы которой оказывают отрицательное воздействие на биологию, генетику и психику человека, угрожающее порой самому его суще-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 12.

ствованию. Вместе с тем, как мы уже отмечали, научно-техническая революция дает новые возможности и средства развития человека как биосоциального существа.

В этих условиях задачей огромной научной и социальной важности является дальнейшее развитие понимания диалектики социального и биологического в человеке, критика методологии вульгарного социологизма и антропологизма, с одной стороны, и натурализма, социал-биологизма — с другой.

Современный антропологизм и натурализм методологически основываются на альтернативном противопоставлении целостных и редукционистских методов познания человека. Правда, как в первом, так и во втором случае сохраняется некоторая условность их противопоставления, поскольку, в частности, антропологический подход может сопровождаться натуралистической редукцией человека (как правило, изолированным рассмотрением его биологической природы), а редукционистские тенденции — вести к необходимости утверждения целостных (прежде всего философских) подходов в исследовании человека.

Дуализм методов исследования является, однако, лишь частным случаем и проявлением общего исторически сложившегося разрыва между философией и конкретными науками (прежде всего естествознанием), при котором учение о человеке, даже будучи частью физики или биологии, всегда дополнялось извне метафизическими построениями типа картезианского cogito ergo sum [1], гегелевского панлогизма и т. д. Абсолютизация целостных подходов, противопоставление редукционизму и натуралистическому позитивизму антропологизма как универсального принципа, методологически исходящего из предпосылки о невозможности исследования проблем человека методами науки, в частности естествознания,— все это создало традицию, выражающуюся в различных иррационалистических, критико-реалистических, неотомистских, персоналистских, экзистенциалистских и других вариантах философской антропологии. Начало ее восходит к работам немецких философов Ф. Ницше и М. Шелера и далее к экзистенциализму, в рамках которого концепция философской антропологии получила свое наиболее отчетливое воплощение.

И все же, если оценивать современную научную ситуацию в целом, то прежде всего следует отметить, что вопреки утверждениям ряда философов наблюдается очевидное

---

[1] Я мыслю, следовательно, я существую.

тяготение отнюдь не в сторону «чистого» антропологизма, различных вариантов философской антропологии (в особенности экзистенциалистской), хотя их позиции сегодня весьма прочны и в некоторых случаях даже усиливаются в связи с рядом негативных следствий научно-технической революции. На передний план все в большей мере выдвигаются концепции социал-биологизма, получающие видимую опору в современных этологических, эволюционно-генетических, молекулярно-биологических, нейрофизиологических исследованиях.

В настоящее время заметно оживление биологизаторских трактовок человека, их усиленная, порой сенсационная эксплуатация, что объясняется, по крайней мере отчасти, необычайными успехами биологической науки. Распространение получили неофрейдистские концепции человека, социал-дарвинизм и т. д., пытающиеся теперь найти «научную опору» в генетике. На ложно поставленный вопрос — гены или социум? — ответ дается зачастую в пользу универсального значения действия генов, и тем самым генетическая программа человека превращается в единственный или, по крайней мере, решающий источник его сущностных свойств. Иногда при этом утверждается, что человек — «ошибка эволюции» и что природа наделила его рядом отрицательных, генетически обусловленных признаков, представляющих собой своеобразную «бомбу замедленного действия», обезвредить которую человек может лишь в том случае, если разберется в устройстве ее «часового механизма» (А. Кестлер). Генетически детерминированными, по мнению ряда этологов, оказываются и некоторые особенности поведения человека, его якобы врожденная агрессивность или же, напротив, альтруизм.

Все это привело в последние годы к своеобразному «взрыву» исследований, ставящих целью доказать, что вообще многие основные социальные принципы, которыми руководствуются люди в своем поведении, якобы имеют главным источником своего происхождения не общественные условия, а прежде всего биологические, в частности эволюционно-генетические, основания. Проблема существования биологических истоков социального поведения человека, особенно те стороны ее, которые оформились в основном под влиянием идей З. Фрейда и этологии (К. Лоренц, Р. Ардри и другие) широко обсуждается сегодня в мировой науке.

Разумеется, нельзя не видеть, что в специальных исследованиях этологов установлено большое число фактов, за-

ставляющих во многом по-новому посмотреть на проблему генетической обусловленности поведения человека. Но эти факты зачастую получают одностороннюю интерпретацию в духе социал-биологизма. Как справедливо отмечал В. И. Ленин, «перенесение биологических понятий *вообще* в область общественных наук есть *фраза*. С «хорошими» ли целями предпринимается такое перенесение или с целями подкрепления ложных социологических выводов, от этого фраза не перестает быть фразой» [1]. Кроме того, подобные концепции, поскольку они пытаются объявить «вечными», «врожденными» проявления агрессивного поведения, приводящего к войнам, частнособственнические инстинкты, классовое деление общества и т. д., дезориентируют общественную деятельность людей. Устранение таких якобы биологически детерминированных черт человека и его поведения может быть достигнуто с точки зрения социал-биологизма лишь чисто биологическим путем. Что касается социальных условий, то они будто бы составляют лишь фон, на котором проявляются биологические качества человека, и могут либо тормозить их реализацию, либо ей способствовать.

Конечно, не всегда концепции социал-биологизма проявляются «в чистом виде», но они существуют в самой основе подобной методологии анализа проблем человека (его поведения, агрессивности или альтруизма и т. д.), которая провозглашается к тому же наиболее соответствующей уровню развития современной науки. Возьмем, например, ту же этологию. Считая, что корни проявления агрессии и насилия заложены в биологической природе человека, некоторые из сторонников этой концепции утверждают, что люди действуют под влиянием побуждений, которые ничем не отличаются от соответствующих побуждений у низкоорганизованных животных. Такие побуждения являются якобы врожденными и неискоренимыми.

Этот метафизический подход, игнорирующий качественные различия между мотивами поведения людей и инстинктами животных, взят на вооружение многими современными буржуазными идеологами, деятелями искусства и пр., которые, каждый в своей сфере, пытаются внушить мысль, что человек — злобное животное и что вся мировая культура не способна изменить его. Самое печальное здесь отнюдь не в том, как изображается человек (наука и история человечества также дают нам весьма неоднозначную

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 349.

картину), а в том, что человечество тем самым, в сущности, обезоруживается в своей борьбе против зла, имеющего социальную, а не биологическую природу.

Биологизаторские тенденции обнаруживают свою научную несостоятельность и дезориентирующую социально-этическую роль также в современных разновидностях социал-дарвинизма, который после широкого распространения в конце прошлого и начале нынешнего столетия существует в настоящее время больше как известный подход внутри других теорий и концепций. Так, исходный тезис социал-дарвинизма о борьбе за существование, естественном отборе и пр. в человеческом обществе отстаивается, например, не только в этологических, но и в некоторых антрополого-генетических концепциях.

Помимо этологических и эволюционно-генетических направлений современного социал-биологизма существует обширная сфера влияния фрейдизма, интенсивно эксплуатирующего данные, касающиеся психофизиологических факторов жизнедеятельности человека. Уже у самого родоначальника современных концепций психоанализа З. Фрейда наблюдается совершенно явственное отождествление сущности человека с его биологически обусловленными инстинктами, имеющими асоциальный характер. Социальные факторы, по З. Фрейду, выполняют лишь функции подавления, вытеснения биологических инстинктов. Социальный анализ деятельности человека является камнем преткновения и для всех современных концепций психоанализа, буквально пронизанных внутренними противоречиями, непоследовательностью. Это характерно, например, для психоаналитических концепций К. Юнга, К. Хорни и других. Не помогают здесь и попытки соединить психоаналитические идеи З. Фрейда с марксистской концепцией личности. Например, Э. Фромм, пытаясь сблизить эти две диаметрально противоположные концепции, стремился превзойти их, для чего интерпретировал марксизм в вульгарно-социологическом духе.

Свою точку зрения Э. Фромм определял как «ни биологическую, ни социальную» [1], однако все отличие его концепции от концепции З. Фрейда сводится лишь к замещению действия инстинктов психологическими факторами. Сам психоаналитический подход к человеку остается почти неизменным, поскольку, по Э. Фромму, социальные условия порождают лишь специфические проявления че-

[1] *Fromm E.* Sane Society. L., 1968, p. 14.

ловека, тогда как его сущность не детерминируется социально, а обусловлена скрытыми стремлениями и конфликтами в области бессознательного. Именно эти факторы играют, полагал Э. Фромм, решающую роль. По его мнению, ошибка К. Маркса состояла в том, что он считал человека разумным существом, тогда как на самом деле человек, как доказал З. Фрейд,— иррациональное животное.

Все это приводит Э. Фромма к утопическим построениям, рисующим такое будущее, когда и взаимоотношения человека с наукой и техникой, и его связи с природной средой приобретут характер гармонического единства. Однако это будет достигнуто не в результате рационально объяснимого действия социальных факторов, а как следствие аффективного, непосредственно переживаемого «прозрения», которое призвано высвободить первичные потенциальные способности людей и блокировать силы зла, приблизить человека к состоянию необремененного, естественного поведения.

Подобный подход разделял также и Г. Маркузе, считавший, что вначале должны произойти какие-то внутренние преобразования человека, а уж затем изменение социальных отношений. При этом Г. Маркузе, как и Э. Фромм, «подправляет» К. Маркса, вводя «биологическое измерение» человека, которое якобы отсутствует у К. Маркса. Учение же об эросе у Г. Маркузе идет еще дальше, чем у Э. Фромма, в попытках биологизировать марксизм.

Таким образом, тенденции социал-биологизма в философской интерпретации сущности человека реализуются сегодня в разнообразных формах. Весьма отчетливо это проявляется в так называемой социобиологии, получающей все большее признание среди многих западных ученых. Социобиология, считают ее создатели, занимает промежуточное место между учениями Б. Скиннера, полагающего, что поведение человека полностью определяется средой, и К. Лоренца, доказывающего, что человек — пленник своих агрессивных инстинктов. Подобно З. Фрейду, социобиологи подчеркивают врожденное в человеке, но допускают и влияние среды. Они утверждают, что могут вдохнуть новую жизнь во фрейдизм. Главный методологический порок этого направления — ошибочное решение коренного вопроса о соотношении социального и биологического в развитии человека, метафизическая абсолютизация биологического и принижение роли социального.

Между тем диалектика ориентирует здесь не просто на учет значения социальных факторов *наряду* с биологиче-

скими. Совокупность тех и других отнюдь не составляет, как это пытаются иногда представить некоторые теоретики, равнозначно-двойную детерминацию сущности человека. Диалектическая методология исходит из *доминирующего* значения социальных методов исследования человека, выступая тем самым против биологизаторских тенденций, ведущих к научно не оправданной редукции, к сведéнию сущностных свойств человека в их биосоциальной целостности к отдельным сторонам его как живого, предметного, чувственного существа. Вместе с тем марксистско-ленинская методология не имеет ничего общего с вульгарно-социологическими подходами, при которых человек представляется лишь как сгусток социума, игнорируется (нередко с недобросовестными, фальсификаторскими ссылками на марксизм) биологическая природа человека, отрицается значение биологических методов в его познании. Марксизм ориентирует исследователей на анализ конкретных способов соединения социальных и биологических методов, их диалектического взаимовлияния и взаимопроникновения при сохранении доминирующего значения социальных методов. И в этом свете биологические методы (в частности, генетические) в их применении к человеку предстают перед нами уже лишь как некая новая возможность, которая целиком будет определяться и зависеть в своей реализации от социальных решений, от того социального выбора, который будет сделан человечеством.

Марксизм установил, что человек может развиваться и проявить себя как личность только в обществе, только в ходе его прогрессивного развития. Человек, как отмечал К. Маркс, «не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться». «Чем дальше назад уходим мы в глубь истории,— писал он,— тем в большей степени индивид, а следовательно и производящий индивид, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому...» [1] Эту диалектическую связь индивидуального развития человека с его историческим развитием К. Маркс подчеркивал неоднократно. «Человек,— писал он,— обособляется как индивид лишь в результате исторического процесса. Первоначально он выступает как *родовое существо, племенное существо, стадное животное...*» [2] Вместе с тем становление личности в истории — это и процесс все

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 18.
[2] Там же, с. 486.

более полной реализации сущностных сил человека, его целостности, это путь к развитию индивидуальности и социальности человека. Соответственно разные периоды истории общества представляют собой и этапы на пути к этому единству, стадии развития человека, процесса преодоления разрыва между его сущностью и его существованием.

Как известно, в античности обращение к целостному человеку еще не сопровождалось пониманием его как индивидуального Я; этот процесс начался в европейской цивилизации лишь с эпохи Возрождения. По мере углубления разделения труда, основанного на частной собственности, усиливались отчуждение человека, его раздробленность, расчлененность. «Вместе с разделением труда,— отмечал Ф. Энгельс,— разделяется и сам человек» [1]. Вместе с «частичным рабочим» развивается тот тип личности, который может быть охарактеризован как частичный. Поэтому открываемая марксизмом коммунистическая перспектива и выражает процесс преодоления отчуждения и раздробленности, расчлененности личности, объединения общего, особенного и единичного, общественного и индивидуального в человеке, формирования всесторонне и гармонически развитой личности. Гуманистический смысл этой перспективы проявляется в том, что человек и общество должны поставить под свой собственный контроль «условия свободного развития и движения индивидов, условия, которые до сих пор предоставлялись власти случая и противостояли отдельным индивидам...» [2].

Развитие деятельной природы индивида в ходе исторической практики через общественную связь с другими индивидами, через общение и приобщение, опосредствованное предметами и символами, к человеческой культуре как целому увеличивает прежде всего творческие возможности человека, усиливает его способность к самореализации как субъекта и объекта истории. Это основная магистраль общественного развития. Здесь научно определяются стратегические цели формирования нового человека — достижение коммунистического идеала всесторонне развитой личности. Отсюда и диалектическая постановка вопроса в марксизме не просто о коммунистическом идеале человека, но и о *путях к нему,* т. е. о конкретных, актуальных — в теоретическом и практическом отношении —

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 303.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М., 1966, с. 85—86.

задачах формирования нового человека с учетом перспективы его развития. Марксистско-ленинская теория связывает будущее человека с общественным развитием человечества в направлении к коммунизму.

Однако полное и всестороннее, свободное развитие каждого члена общества, как постоянно подчеркивали классики марксизма-ленинизма,— это не просто далекая цель исторического движения общества к коммунизму, характеризующемуся истинно человеческими отношениями. И не только в далекой перспективе человек будет неповторимо блистать своими способностями, подобно тому как — по поэтическому сравнению молодого К. Маркса — каждая утренняя росинка неповторимо блестит всеми цветами радуги. Человек, подчеркивал К. Маркс уже в зрелые годы,— «постоянная предпосылка человеческой истории, есть также ее постоянный продукт и результат, и *предпосылкой* человек является только как свой собственный продукт и результат» [1].

На всех этапах истории совокупное действие ее материальных и духовных движущих сил — при решающей роли предметной, трудовой деятельности — оказывало формирующее воздействие на человека, и каждый социальный строй вырабатывал соответствующий ему тип человека. Однако такое развитие человека всегда осуществлялось стихийно, и оно никогда не выступало перед обществом в качестве самостоятельной задачи. Только социализм впервые поставил эту задачу как научно осознанную общественную цель, и только в ходе социалистического и коммунистического строительства эта задача стала сознательно и планомерно решаться в массовом порядке, в масштабах всего общества.

В. И. Ленин острокритически оценивал теоретические и практически-политические подходы, согласно которым природа человека якобы неизменна и неизлечимо поражена частнособственническими инстинктами, врожденными пороками, которые делают построение социализма утопией. Необходимо, говорили сторонники этих подходов, вначале создать каких-то особых людей, которые и были бы «новым материалом», из которого можно строить социализм. Критикуя эти взгляды, В. И. Ленин писал: «Мы хотим построить социализм из тех людей, которые воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены к борьбе... Мы хотим строить социализм

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. III, с. 516.

немедленно из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены, если забавляться этой побасенкой» [1].

С такой гуманистической установкой и была совершена в Октябре 1917 г. социалистическая революция. За истекшие годы советский народ добился огромных успехов как в создании новых общественных условий, развитии экономического потенциала страны и роста благосостояния ее населения, так и в формировании нового человека. При этом Коммунистическая партия неизменно руководствуется ленинским, глубоко диалектическим подходом: строя новое общество, формировать нового человека и, формируя нового человека, строить новое общество — коммунизм.

Именно на это направлены усилия Коммунистической партии и Советского государства. Эти практически эффективные и глубоко гуманистические идеи воплощаются в конкретные решения, принимаемые съездами партии, в том числе XXIV и XXV съездами КПСС. Поставив вопрос о создании условий, благоприятствующих всестороннему развитию способностей и творческой активности советских людей, т. е. о развитии главной производительной силы общества, партия выдвигает в центр внимания общества наиболее актуальные, назревшие проблемы развития человека, связанные, в частности, с особенностями научно-технической революции и условиями ее соединения с преимуществами социализма. Это означает максимальное использование положительных результатов научно-технической революции и сведéние к минимуму ее негативных для человека сторон и последствий.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду указывалось, что основными социально-экономическими задачами партии были и остаются: дальнейшее повышение благосостояния советских людей, улучшение условий их труда и быта, значительный прогресс здравоохранения, образования, культуры — словом, все то, что способствует формированию нового человека, всестороннему развитию личности, совершенствованию социалистического образа жизни. Подчеркивалось вместе с тем, что для того, чтобы успешно решить эти задачи, нет другого пути, кроме быстрого роста производительности труда, резкого повышения эффективности всего общественного производства. И здесь

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 54.

первоочередной задачей остается ускорение научно-технического прогресса. Партия исходит из того, что «только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление. В свою очередь, только на основе ускоренного развития науки и техники могут быть решены конечные задачи революции социальной — построено коммунистическое общество» [1].

Это принципиальное положение со всей силой подчеркивает *социальную и гуманистическую значимость* научно-технической революции и науки вообще, ее сущностное предназначение, заключающееся в обслуживании человека, его материальных и духовных потребностей, его всестороннего развития в условиях строительства коммунистического общества. На этой основе разворачиваются комплексные исследования ученых, которые в союзе с практическими работниками добиваются эффективного решения проблемы формирования нового человека.

В органической слитности теоретического и практического подходов к данной проблеме с наибольшей отчетливостью демонстрируется особенность ее постановки и решения с позиций марксистско-ленинской теории. Социализм, обеспечивая комплексное — научное и практическое — решение проблемы развития человека в условиях научно-технической революции, создавая для этого все объективные и субъективные предпосылки, реализует тем самым «всеобщий закон общественного производства». Согласно данному закону, тенденция прогресса производительных сил состоит в постепенной замене частичного рабочего «всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности» [2]. И здесь дело не ограничивается, разумеется, повышением профессиональной квалификации, овладением новой техникой, новыми видами труда. Последние лишь средство решения социальных задач, которые ставит перед собой социалистическое общество в развитии человека. Личность тем богаче духовно, чем шире ее общественные связи. Возможности здесь поистине неограниченны: участие в управлении производством, в работе государственных органов, в других сферах общественной жизни. Именно всесторонняя активность на благо всего народа отличает человека социалистического

---

[1] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 47.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 499.

общества от тех типов личности, которые были созданы предшествующими историческими эпохами. Это достигается в результате действия объективных условий социалистического строя и активной идейно-воспитательной работы партии, государства, общественных организаций, трудовых коллективов.

Научно-технический прогресс, повышая культуру производства, создает материальные предпосылки для более рационального использования свободного времени, облегчает приобщение трудящихся к вершинам духовной культуры человечества. И здесь социализм добился выдающихся результатов. В нашей стране, в братских социалистических странах проводится огромная работа по осуществлению всеобщего среднего образования, повышению уровня профессионально-технической подготовки, расширению высшего образования населения, идейному, трудовому и нравственному воспитанию трудящихся.

Разумеется, в конкретной, практической реализации этих задач свободного и всестороннего развития человека еще много сложных и противоречивых проблем. Важно, однако, что сам подход к их решению является научно обоснованным, диалектическим по своему существу и что он отражает объективную диалектику становления и развития человека в истории. Эта объективная диалектика, следовательно, ведет вперед не только теоретическое познание, но и практическое действие.

Итак, материалистическая диалектика выполняет многогранные функции в историческом процессе, открывающем все более широкие перспективы для всестороннего развития личности. Она выступает как общеметодологическая основа научного познания и практических действий, направленных на решение этой задачи. Вместе с тем материалистическая диалектика является и общефилософской основой мировоззрения всесторонне развитой личности. Она обусловливает такое мировосприятие, такой стиль жизни человека, для которого характерны активная жизненная позиция личности, ее убежденность в постоянном прогрессе социалистического общества на пути к коммунизму, наконец, ее мировоззренческий оптимизм. На основе диалектико-материалистического учения формируются не только рационально-теоретические, но также эмоционально-духовные, нравственные принципы мировоззрения и личности, и общества.

Глава 3

ДИАЛЕКТИКА ОБЪЕКТА И СУБЪЕКТА В ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Объективная диалектика развития природы и общества составляет органическое единство с диалектикой познания, мышления. В рамках этого единства обнаруживается активное отражение объекта субъектом. Объектно-субъектные взаимодействия являются поэтому необходимым элементом теории диалектики и должны быть рассмотрены особо.

1. Объект и субъект, объективное и субъективное

В отличие от домарксистской философии, где взаимоотношение объекта и субъекта рассматривалось исключительно в контексте познания, К. Маркс показал, что данная проблема не только проблема познания, но прежде всего проблема практической деятельности человека. В основу теории познания была положена материальная практика, понятая как деятельность общественного человека, деятельность, исследование которой предполагает учет ее социальных характеристик.

В понимании К. Маркса философская проблема отношения субъекта и объекта не тождественна основному вопросу философии, хотя правильное ее решение предполагает последовательно выдержанную материалистическую позицию: субъект с присущим ему сознанием является порождением материи, объективной реальности; вещь, ставшая предметом практической и познавательной деятельности, существовала и до того, как вступила во взаимодействие с субъектом. Вместе с тем, в понимании К. Маркса, человек становится субъектом лишь в той мере, в какой он включен в социальную деятельность по преобразованию и познанию внешнего мира, в той мере, в какой он овладел выработанными обществом способами практической и познавательной деятельности. В свою очередь,

объект не просто тождествен объективной реальности, а выступает как такая ее часть, которая находится во взаимодействии с субъектом, причем само выделение объекта познания осуществляется при помощи форм практической и познавательной деятельности, выработанных обществом и отражающих свойства объективной реальности.

Эта нетождественность конкретного объекта, на который в каждом отдельном случае направлена деятельность субъекта, и объективной реальности игнорируется теоретиками, осуществляющими антропологическую ревизию учения К. Маркса. При этом понятие «объективная реальность» они подменяют понятием «практика»; в результате такой абсолютизации практика выступает не как отношение субъекта и объекта, человека и окружающей действительности, а как исходное определение самой объективной реальности. Очевидно, такое субъективно-идеалистическое истолкование практики не имеет ничего общего ни с марксизмом, ни вообще с материализмом.

Взаимодействуя с объектом, субъект изменяет его и изменяется сам. В этом процессе обнаруживается, что знание субъекта об объекте не отражает объект во всей полноте его свойств, вследствие чего субъект должен изменить способы своей практической деятельности, уточнить и углубить свое знание.

Формулируя принципиальное отличие диалектико-материалистической точки зрения от позиции созерцательного материализма, с одной стороны, и идеализма — с другой, К. Маркс писал: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта,* или в форме *созерцания,* а не как *человеческая чувственная деятельность, практика,* не субъективно. Отсюда и произошло, что *деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой» [1].

Дальнейшее развитие и конкретизацию марксистское понимание проблемы объекта и субъекта получило в работах В. И. Ленина, прежде всего в таких, как «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради». Важно отметить, что Ленин разрабатывал вопросы теории познания в тот период, когда в естествознании началась революю-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 264.

ция, когда крушение метафизики и механицизма в качестве методологии науки заставило естествоиспытателей осознать серьезное значение теоретико-познавательной проблематики вообще, и в частности проблемы объекта и субъекта. Не случайно эта проблема стала одной из центральных для так называемого «физического идеализма», критику которого дал Ленин.

Развитие науки после В. И. Ленина все более отчетливо показывает огромное значение диалектико-материалистического решения проблемы объекта и субъекта.

Так, ее научный анализ выступает как необходимое условие физической интерпретации формального математического аппарата квантовой механики. При этом многие выдающиеся представители современной физической науки заявляют о том, что в квантовой механике в ряде случаев нельзя установить такое четкое разграничение объекта и субъекта, которое было характерно для классической механики.

Современная психологическая наука, вынужденная отказаться от метода интроспекции, т. е. описания непосредственных «фактов» сознания, данных самонаблюдения (этот метод господствовал в психологии XIX в., но обнаружил полную теоретическую и практическую несостоятельность к началу XX в.), подчеркивает, что анализ предметной, материальной деятельности субъекта является важнейшим средством исследования психики вообще и познания в частности.

Интерес к философской проблеме объекта и субъекта был стимулирован и развитием кибернетики, поставившей вопрос о возможностях машинного моделирования познавательных функций. Успешность моделирования предполагает осмысление особенностей моделируемого процесса (в данном случае познания), понимание же специфических характеристик познавательного отношения невозможно без правильного представления о роли двух основных членов этого отношения — объекта и субъекта.

Следует отметить, что даже распространенные за рубежом философские направления, на словах отвергающие проблему объекта и субъекта как «псевдопроблему» (логический позитивизм, бихевиоризм), в неявной форме не только признают ее, но и выдвигают, по существу, на одно из центральных мест. Это проявляется, во-первых, в постоянно повторяющихся попытках «снять» ее и, во-вторых, в косвенном признании безуспешности этих попыток.

В материалистической диалектике подчеркивается *ак-*

тивность субъекта не только в практической деятельности, но и в познании (при этом познавательная активность понимается как производная от практической). Активность познающего субъекта выражается не только в том, что само воздействие объекта на субъект осуществляется в процессе общественно-исторической практики, но и в том, что отражение, идеальное воспроизведение объекта является творческой познавательной деятельностью. Объект дан познающему человеку уже в его ощущениях[1]. Но здесь он выступает еще как бы в скрытой, непроанализированной форме. Поэтому адекватное воспроизведение объекта в мышлении предполагает преобразование исходных данных познания, а идеальное воссоздание объекта выступает как результат применения субъектом определенных способов познавательной деятельности, логических операций.

Диалектический материализм решительно противостоит созерцательному материализму, понимавшему процесс познания как пассивное воспроизведение субъектом содержания непосредственной «данности». Следует заметить, что отождествление содержания знания с чувственной данностью, характерное для философского эмпиризма вообще, доведено до логического конца — на субъективно-идеалистической основе — в современной философии логического позитивизма (Р. Карнап, Г. Рейхенбах, Ф. Франк и другие). Логический позитивизм считает, что роль научно-теоретического знания состоит не в отображении объективной реальности, а в условно-знаковом способе передачи информации о данных непосредственного чувственного наблюдения. Согласно этой концепции, понятия, формулируемые на теоретическом уровне знания (понятия атома, электрона и т. д.), относятся не к реальному объекту, а к схеме предсказания будущих эмпирических наблюдений.

Сходная точка зрения развивается и так называемым операционализмом — идеалистическим философско-методологическим направлением, разработанным американским физиком-экспериментатором П. Бриджменом. Согласно операционализму, содержание теоретического понятия тождественно множеству операций измерения. При этом П. Бриджмен подчеркивает, что различным множествам такого рода операций соответствуют различные понятия. С точки зрения операционализма бессмысленно говорить в науке об объективной реальности, существующей незави-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 130—131.

симо от операций экспериментатора. Развитие научного познания показало полную несостоятельность субъективно-идеалистического эмпиризма. Потерпела крушение попытка логических позитивистов отождествить содержание теоретического знания с регистрацией чувственных данных (так называемые принципы «верификации» и «редукционизма»). Современная наука вопреки операционалистским рецептам признала огромное значение таких теоретических понятий, которые позволяют переходить от одного множества операций измерения к другому множеству и которые отражают объективную реальность, существующую независимо от сознания и операций субъекта.

В связи с этим направления субъективно-идеалистического эмпиризма — логический позитивизм и операционализм — почти полностью утратили свое былое влияние. Зарубежные ученые, находившиеся раньше под влиянием философии неопозитивизма, в настоящее время ищут методологию, которая правильно объясняла бы реальный процесс познания, предполагающий, с одной стороны, существование независимой от человека объективной реальности, а с другой — активность субъекта в процессе получения истинного знания.

Такую методологию дает диалектический материализм. В марксистской философии подчеркивается, что объект идеально воспроизводится, воссоздается субъектом посредством ряда логических операций (отнюдь не сводимых к операциям измерения), и в этом смысле помимо, вне операций субъекта нельзя объект познать адекватным образом. Однако использование операций не означает творения, «построения» объекта, как считают некоторые идеалисты, в частности кантианцы,— содержание познавательных операций черпается не из глубин субъекта, а определяется объектом. Вырабатываемое субъектом знание постоянно соотносится с объектом, проверяется через материальную практическую деятельность (в том числе опыт, эксперимент). Движение познания от исходных чувственных данных к идеальному воссозданию объекта в виде системы понятий, от эмпирического уровня знания к теоретическому уровню не означает «отхода» от объекта, а выступает как движение по «слоям» самого объекта, от поверхностных к более глубоким.

Процесс познания с самых начальных этапов «нацелен» на объект. Уже в ощущении, указывает В. И. Ленин, субъекту дан не он сам, а противостоящая ему объективная реальность. Вместе с тем движение знания в глубь

объекта может быть истолковано как движение от субъективной идеи к объективной истине [1].

Под субъективным знанием В. И. Ленин понимает в данном случае не «чистое самосознание», оторванное от реального мира, и не плод капризной фантазии субъекта, которая проецируется на реальный мир. Связывая движение от субъективного к объективному с диалектическим процессом перехода познания к абсолютной истине, В. И. Ленин считает субъективной идеей такое знание, содержание которого определено объектом, но в котором объективные отношения между элементами содержания не выявлены полно, не проверены практикой. Все более многостороннее познание отношений объекта — бесконечный процесс, характеризующийся повышением объективности знания.

В процессе познания обнаруживаются субъективные моменты в тех представлениях, которые до определенного времени могли приниматься в качестве абсолютно адекватных объекту (и содержание которых могло отождествляться с содержанием самого объекта). Реакция метафизического мышления на такого рода явления нередко выражается в догматическом отождествлении нового понимания с сущностью объекта самого по себе и в низведении старого, менее точного представления об объекте на положение чистой субъективности. Например, когда в XVII в. наука обнаружила, что описание движения и взаимодействия тел в рамках понятий классической механики более точно характеризует объективную реальность, чем некоторые обыденные чувственные представления, в философии сложилась точка зрения, согласно которой форма, движение, структура (т. е. качества, изучаемые механикой того времени) присущи самому объекту, а теплота, запах, цвет и другие чувственные качества чисто субъективны. Попытки метафизического материализма решить сформулированную таким образом проблему соотношения «первичных» и «вторичных» качеств оставались бесплодными.

В квантовой механике в XX в. было показано, что описание изучаемых этой наукой процессов при помощи понятий классической физики не раскрывает специфику ее объекта, в частности не позволяет отделить изучаемый объект от прибора, посредством которого он исследуется. Данный факт был истолкован идеалистически настроенными физиками и философами так, что якобы квантовомеханическое описание имеет чисто субъективную природу.

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 183.

Подобное истолкование исходит из двух ошибочных предпосылок: во-первых, оно неправомерно отождествляет прибор с познающим субъектом, в то время как он является физическим телом и результаты его взаимодействия с другими телами носят объективный характер, во-вторых, это истолкование недооценивает того, что изучение квантовой механикой процессов на более глубоком теоретическом уровне, при помощи волновой функции, дает возможность выделить объект из его окружения и описать изменения его состояния. Разумеется, описание квантовомеханических процессов при помощи классических понятий менее точно, чем их описание на более глубоком познавательном уровне. Но в данном случае речь идет не о порождении субъектом познаваемого содержания, а об относительных, диалектических характеристиках знания, которые все более глубоко отражают объект.

В этой связи следует заметить, что справедливо подчеркиваемое в нашей философской, методологической литературе последнего времени различение «теоретических» и «эмпирических» объектов, т. е. объектов, с которыми познание имеет дело на теоретическом и эмпирическом уровнях исследования, конечно, не означает, что эти объекты принадлежат к совершенно разного рода реальностям. И на эмпирическом и на теоретическом уровнях познание исследует одну и ту же реальность, но глубина проникновения в нее, степень исследования структурных отношений объектов разные. Можно говорить и о том, что на различных уровнях познания используются разные логические орудия переработки материала. Но во всех случаях за различиями нельзя упускать из виду единства этих уровней, ибо сущность не лежит по ту сторону явления, а представляет собой необходимую взаимосвязь элементов самого явления, поскольку природа любой вещи выражается в ее взаимодействии с другими вещами.

2. Принцип объективности рассмотрения и активная роль субъекта в познании

Объект выступает перед познающим субъектом теми или иными своими сторонами, аспектами, под тем или иным «углом зрения». Однако перед научным познанием стоит задача воспроизведения свойств объекта «самого по себе», а не в его отношении к той или иной «точке зрения» субъекта. «*Объективность* рассмотрения» В. И. Ленин выделяет в качестве первого, исходного элемента на-

учной диалектики, поясняя свою мысль словами: «...не примеры, не отступления, а вещь сама в себе» [1].

В этой связи представляет интерес философский анализ роли так называемых «понятий сохранения» в теоретическом естествознании. Дело в том, что в методологии современной науки все более подчеркивается логическая функция инвариантных (т. е. устойчивых, относительно независимых) характеристик и «понятий сохранения» в качестве критерия распознавания объективного знания (знания, которому соответствуют реально существующие объекты), в отличие, с одной стороны, от субъективных иллюзий и заблуждений, а с другой — от таких логических построений, которые не носят содержательного характера, а представляют собой формы записи, условные сокращения и т. д.

Известный немецкий физик М. Борн, решительно выступая против субъективно-идеалистической философии неопозитивизма и операционализма, подчеркивая, что наука должна воспроизводить объективную реальность, существующую независимо от сознания, считает, что ключом к понятию реальности не только в физике, но и в любой сфере познания является понятие инварианта группы преобразований. «...Инварианты суть понятия, о которых естествознание говорит так же, как на обыкновенном языке говорят о «вещах», и которым оно присваивает названия так же, как если бы это были обычные вещи» [2]. Большинство измерений в физике, считает М. Борн, относится не к самим объектам, а к их проекциям на другие объекты. «Проекция... определяется относительно системы отсчета... В общем случае существует много эквивалентных систем отсчета. Во всякой физической теории дается правило, которое связывает друг с другом проекции одного и того же объекта на различные системы отсчета» [3].

Следует, однако, заметить, что попытка отождествить построение объективного знания с выявлением инвариантных характеристик объекта наталкивается на серьезные философские затруднения, и в рассуждениях М. Борна о «критерии реальности» характер этих затруднений становится очевидным. Создается впечатление, что, несмотря на намерение М. Борна противостоять субъективизму, произведенное им отождествление совокупности инвариантов с воспроизводимой в знании реальностью заставляет его рас-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 202.
[2] *Борн М.* Физика в жизни моего поколения. М., 1963, с. 283.
[3] Там же, с. 275.

сматривать «проекции» в качестве чего-то нереального, существующего лишь в сознании физика, взятого вместе с его измерительными приспособлениями. Но дело в том, что приборы являются вполне реальными физическими телами. Результаты их взаимодействия с другими телами (так же как и вообще свойства, возникающие в процессе взаимоотношения вещей), т. е. «проекции», должны существовать объективно-реально. К тому же устойчивость, постоянство не является абсолютной характеристикой того или иного свойства самого по себе, а определяется лишь в конкретной системе отношений; то, что инвариантно в одной системе, не обязательно должно быть таковым в другой. Поэтому вполне справедливо указывалось на логическую уязвимость «критерия реальности», предложенного М. Борном: в физическую картину мира входят как инвариантные, так и неинвариантные величины. И те и другие имеют реальный смысл и выражают определенные стороны объекта.

Отмеченные трудности преодолеваются, если устранить метафизическое противопоставление инвариантного, сохраняющегося, и неинвариантного, меняющегося. Сохраняющиеся характеристики выявляются лишь через изменчивые и существуют не рядом с ними, а выступают как связь разнообразных изменчивых аспектов предмета, как система различных способов его взаимодействия с другими предметами. Вместе с тем развитое теоретическое познание характеризуется поисками таких способов перехода от одной системы к другой, которые давали бы возможность формулировать всеобщие законы. Обнаружение какой-либо новой системы, в которой законы и отношения, до сих пор считавшиеся всеобщими, инвариантными, не действуют, становится стимулом для поиска новых сохраняющихся или закономерным образом изменяющихся характеристик и т. д. Следует подчеркнуть, что весь этот процесс осуществляется на основе *предметно-практического взаимодействия субъекта с объектом.*

Таким образом, развитие познания характеризуется тенденцией осмыслить реальный объект в его единстве, как некоторое целое, связать все познанные «фрагменты» действительности (разные системы отношений) в единую объективную систему, выступающую разнообразными сторонами перед познающим субъектом. Осуществление указанной тенденции предполагает изучение форм взаимодействия каждого предмета с другими предметами (последние выступают в данном случае как «условия познания» пер-

вого предмета), в том числе и с самим познающим субъектом. Поэтому необходимым условием объективности знания становится осмысление роли субъекта в производстве знания, в частности роли измерительных операций, используемых субъектом приборов, его системы отсчета, способов кодирования знания в той или иной системе знаков и отличения кода от содержания знания и т. д.

Вообще, чем глубже постигается объект, чем более объективный характер носит знание, тем выше и степень самосознания, т. е. осознания субъектом своего места в объективной структуре реальности.

В этой связи обратим внимание на известный ленинский пример со стаканом в качестве вещи, обладающей множеством разнообразных сторон[1]. Согласно мысли В. И. Ленина, субъект не только открывает те или иные стороны объекта в практике оперирования с ним, но и относит все эти стороны к одному и тому же объекту (стакану), осознавая их внутреннюю связь друг с другом в единой структуре (хотя предмет для питья отличается от предмета для ловли бабочек, они выражают различные стороны, «проекции» одного и того же объекта — стакана).

Мышление эклектика не способно проанализировать характер связи различных аспектов объекта друг с другом и с той системой отношений, в которые он включен. Диалектическое, научное мышление осознает возможность его различных форм выявления, «ракурсов» в зависимости от той или иной системы отношений. При этом, чем в большей мере в знании фиксируется не только существующая форма объекта, но и его возможные «проекции» в других ситуациях, тем полнее, объективнее знание. В науке увязывание различных «проекций» объекта в единую структуру осуществляется, как правило, путем выявления внутреннего механизма (сущности), взаимодействие которого с внешними условиями выражается в виде той или иной «проекции».

В непосредственной связи с обсуждаемым вопросом находится выяснение роли в построении научной теории так называемого принципа «простоты», логический смысл которого исследуется в современной философской литературе. Дело в том, что тот или иной набор эмпирических фактов, как правило, вовсе не определяет однозначно теоретическую гипотезу, которую можно сформулировать для

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 289—290.

их объяснения. Из возможных гипотез выбирается та, которая соответствует некоторым сложившимся в науке критериям, получившим название критериев «простоты».

Интерпретацию принципа «простоты» с субъективно-идеалистических позиций пытался дать Э. Мах. Смысл требования «простоты», согласно Э. Маху, якобы состоит в том, что «простота» экономит усилия ученого, дает ему возможность путем замещения множества данных одной формулой справиться более легко с эмпирическими ситуациями. Субъективистский философский характер махистского принципа «экономии мышления» В. И. Ленин подверг резкой критике. «...Принцип экономии мышления,— писал он,— если его действительно положить *«в основу* теории познания», не может вести *ни к чему* иному, кроме субъективного идеализма» [1].

Махистское истолкование принципа «простоты» как «экономии мышления» не может ответить на основной вопрос, стоящий при логическом анализе: почему различные математические функции, которые, с точки зрения Э. Маха, можно в одинаковой степени рассматривать как «простые» и «экономящие» усилия, в действительной практике научного исследования не считаются таковыми?

В ходе анализа принципа «простоты» в современной логической литературе все в большей степени выясняется, что действительным содержанием этого принципа является систематизирующая сила знания, способность выявить необходимые внутренние связи предметной области. Та теория «проще», которая более систематична, которая вскрывает большее количество связей между различными сферами действительности. Систематизирующая сила теории зависит от «силы обобщения», т. е. от степени выявления устойчивых характеристик объекта.

Другими словами, под «простотой» в практике научного исследования, в сущности, имеется в виду понимание познаваемого объекта из самого себя, из его внутренних, необходимых связей, а не с точки зрения субъективного удобства, легкости усвоения и т. д. Сказанное не исключает, что исследования наиболее экономных способов кодирования информации имеют большое значение, особенно в связи с развитием кибернетики. Однако экономность в данном случае относится не к содержанию информации, а к знаковым способам ее выражения.

Размышление над природой познающего субъекта на-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 175—176.

талкивается на особого рода трудность: субъект всегда сознает себя как нечто отличное от познаваемого объекта. Если субъект переживает себя как нечто «внутреннее», то в силу этого познавательная деятельность, а следовательно, и знание как выражение этой деятельности относятся к «внутренней» сфере субъекта.

Начиная с XVIII в. в западноевропейской философии под влиянием взглядов Р. Декарта и Дж. Локка сложилась концепция, согласно которой познание субъектом самого себя — это познание особого «внутреннего мира», принципиально отличного от «внешнего мира» — мира реальных предметов. Согласно этой теории, в осознании субъектом самого себя субъект и объект полностью совпадают, сливаются. Такого рода знание является якобы непосредственным и наиболее достоверным. Психология с этой точки зрения отличается от всех других наук тем, что она познает «внутренний мир» субъекта, применяя для этого своеобразный метод — интроспекцию. Описывая данные «внутреннего мира» в чистом виде, психолог должен совершенно отвлекаться от содержания сознания, поскольку оно всегда говорит о внешнем объекте. Однако, как уже отмечалось, попытки последовательного проведения в жизнь такой позиции в рамках интроспективной психологии не дали сколько-нибудь убедительных результатов вследствие несостоятельности самой теоретической платформы. Дело в том, что осознание субъектом собственных переживаний всегда предполагает их отнесение к реальному источнику, к объекту, т. е. либо к предметам, окружающим человека, либо к самому человеку.

Разочарование в практических результатах интроспективной психологии и критика ее теоретических основ привели в XX в. к широкому распространению в буржуазной науке так называемого бихевиоризма. Бихевиористская психология предлагает отказаться от субъективистского метода изучения «внутреннего мира» субъекта и утверждает, что познающего человека надо рассматривать как своеобразное физическое тело: исследование познания следует свести к описанию эмпирической зависимости, существующей между появлением тех или иных предметов в окружающей человека среде и внешними его реакциями. В действительности бихевиоризм стоит не ближе к разрешению вопроса о природе познавательной деятельности, чем интроспективная психология. Отождествляя внешнюю, физическую форму реакций индивида на его окружение с содержанием познавательного отношения,

бихевиористы не замечают того, что одна и та же внешняя реакция может выражать различное содержание.

Заметим, что, хотя интроспекционизм и бихевиоризм — это психологические направления, их теоретические основы носят философский характер. Позиция, соответствующая интроспекционизму, выступает как «психологизм» в теории познания. Что касается бихевиоризма в психологии, то он смыкается с «методологическим бихевиоризмом» современных логических позитивистов.

Научный анализ познавательной деятельности предполагает признание ее содержательного характера, понимание обусловленности этого содержания объектом и необходимости отличать его от внешней формы воплощения (физиологические реакции индивида, его движения и т. д.).

Развитое знание предполагает умение субъекта рассматривать себя в качестве объекта, т. е. умение объяснить ту или иную субъективную «точку зрения» посредством определенной «проекции» объекта на субъект; причем это объяснение дается в рамках объективной системы отношений реальности как единого системного целого.

Материалистическая диалектика исходит из того, что отношение субъекта к самому себе является продуктом активной предметной деятельности субъекта с объектом. Как подчеркивает В. И. Ленин, решение теоретико-познавательной проблемы субъекта и объекта предполагает анализ реальной жизнедеятельности конкретного субъекта, т. е. общественного человека, в объективной обстановке.

Человек сознает себя как субъект лишь постольку, поскольку он может выйти за собственные пределы и осознать свое место в практической общественной деятельности. Поэтому в действительности не существует той проблемы, которая на протяжении столетий «мучает» буржуазную философскую индивидуалистическую мысль: как субъект может выйти из своей замкнутости в сфере индивидуального сознания и проникнуть в «чужое» сознание? На самом деле субъекту и не нужно «выходить» за пределы своего Я, ибо он с самого начала как бы находится «вне» этого Я и имеет смысл лишь как часть и форма существования общественного субъекта. Если индивид делает себя объектом самопознания, оценивает и контролирует собственные действия, то он при этом как бы становится на точку зрения другого человека, выступающего в качестве представителя общества [1].

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 62.

Осознание общественным субъектом самого себя, осознание категорий познания, логических законов и т. д. возможно лишь в формах практически-познавательной деятельности людей. Система отношений между людьми и составляет реальность общественного познающего субъекта. При этом индивид либо познает другого индивида (последний в этом случае выступает как объект), либо исследует объективированные, закрепленные во внешней предметной форме результаты познания (язык — звуковой и письменный, зафиксированное в книгах содержание научного знания, применяемые в познании приборы и т. д.). Созданные обществом предметы «искусственной среды» можно в определенном аспекте рассматривать как «неорганическое тело» познающего субъекта.

3. Диалектика цели, средства и результата; отношение целесообразности

Итак, современное научное познание со все большей очевидностью подтверждает плодотворность диалектико-материалистического понимания взаимоотношений субъекта и объекта в процессе познания и несостоятельность его идеалистического и метафизического толкования. Научный анализ диалектики субъекта и объекта имеет важное значение и для общественных наук, исследующих познание как социальный процесс.

Самосознание субъекта является продуктом его активной общественно-практической деятельности и взаимодействия субъектов друг с другом. Оно зависит от глубины постижения объекта, предполагает выяснение субъектом своего места в объективной структуре реальности, в процессе преобразования мира. Субъект в марксистско-ленинском понимании — это *не только познающее существо, но прежде всего преобразующий природу и социальный мир общественный человек*. Познание может быть верно понято лишь в том случае, если оно рассматривается в его генетической и функциональной зависимости от предметно-практической деятельности. Вовсе не познание выражает исходный пункт и существо отношения субъекта к объекту, а материальная практика, творческое изменение действительности. «...Мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» [1].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 195.

Взаимодействие субъекта и объекта в структуре человеческой практики характеризуется диалектикой *цели, средства и результата деятельности.* Цель — это намеченный сознанием, идеально предвосхищенный результат деятельности, «идеальный, внутренне побуждающий мотив производства...» [1]. Человек не просто изменяет форму того, что дано природой, но в том, что дано природой, он «осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» [2].

В этом высказывании К. Маркса отражены многие интересующие нас в связи с проблемой цели и целеполагания моменты. Маркс связывает целеполагание с актом сознания: «...свободная сознательная деятельность как раз и составляет родовой характер человека» [3]. Цель выступает, далее, как конечный результат процесса, существующий уже в его начале в представлении человека, т. е. идеально. Наконец, важно подчеркнуть, что, согласно Марксу, сознательная цель, идеальное как закон определяет способ и характер действий человека, имеющих предметное, материальное значение.

В этой связи возникает ряд вопросов, требующих специального рассмотрения. Отметим прежде всего, что в противовес телеологии, идеалистически отрывающей цель от материальных процессов, в диалектико-материалистическом ее понимании сама цель предстает как единство субъективного и объективного, реализующееся в человеческой деятельности. Объективное значение цели определяется ее содержанием — отраженными в ней материальными условиями: общественными и природными закономерностями. «...Цели человека порождены объективным миром и предполагают его,— находят его как данное, наличное,— писал В. И. Ленин.— Но *кажется* человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы («свобода»)» [4]. Истинная свобода состоит, однако, не в независимости целей человека от мира объективного, а в осознании законов этого мира и подчинении им практической деятельности. «Законы внешнего мира, природы...— отмечал В. И. Ленин,— суть основы *целесообразной* деятельности человека» [5].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 28.
[2] Там же, т. 23, с. 189.
[3] Там же, т. 42, с. 93.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 171.
[5] Там же, с. 169.

Подчеркивание активности целесообразной деятельности человека и вместе с тем ее объективной обусловленности качественно отличает диалектико-материалистическую концепцию от вульгарно-материалистических и идеалистических, телеологических взглядов. Если вульгарный материализм вообще сводит на нет роль сознательной, целесообразной деятельности человека, то в рамках идеалистических, телеологических взглядов развитие общества, например, представляется лишь как необходимый процесс осуществления идеальных побуждений людей, как результат функционирования мистического, таинственного провидения.

Согласно же диалектико-материалистической концепции, как уже отмечалось, сознательная цель воплощает в себе единство субъективного (по форме) и объективного (по содержанию). И вместе с тем цель как нечто идеальное определяет, по К. Марксу, способ и характер действий человека, направленных на изменение материального. Чем обеспечивается возможность воздействия идеального на материальное? Для ответа на этот вопрос недостаточно анализа одного лишь содержания сознательной цели. Необходимо рассмотрение форм практической реализации этого содержания в процессе человеческой деятельности. Ведь именно в практике, где человек использует разнообразные средства воздействия на объект, и достигается *единство идеального и материального, субъективного и объективного.* Это единство, запечатленное в результате целесообразной деятельности, означает завершение перехода от идеального (цели) через деятельность субъекта к материальному.

Важно подчеркнуть в этой связи два момента. Во-первых, как содержание цели, являясь результатом познания и предшествующей практической деятельности, определяется объективными условиями (в том числе и возможностями самого познания), так и реализация ее осуществляется исторически детерминированными средствами. Результат целесообразной деятельности зависит также от многих объективно случайных факторов, которые придают всему процессу отнюдь не однозначный, но статистический, вероятностный характер. Во-вторых, переход от цели к результату не является непосредственным. Собственно говоря, не сами сознательные, идеальные цели как таковые приводят к тому или иному объективному результату, а процесс осуществления их с помощью определенных материальных средств.

Средства достижения цели — это объективные предметы или действия, включенные в структуру целеполагающей деятельности и обеспечивающие получение определенного результата. Важно подчеркнуть, что средством те или иные предметы являются не сами по себе, а лишь в результате вовлеченности в систему деятельности. Превращаясь в средства, предметы не теряют вместе с тем своей принадлежности к миру объектов, существующих независимо от человеческого сознания и включенных в закономерные причинные связи реальной действительности. Именно через средство устанавливается связь идеальной цели с объективно реальным миром. Диалектика взаимоотношения цели и средства выражается в том, что цель не только определяет тот или иной предмет как соответствующее ей средство, но и сама выступает как нечто содержательное, конкретное лишь в связи с отношением к средству.

Взаимоотношения целей и средств носят характер двусторонней детерминации. С одной стороны, в зависимости от поставленной цели осуществляется выбор средств для ее достижения. С другой стороны, та совокупность средств, которой общество располагает на данной стадии своего развития, в общем виде предопределяет и спектр целей и задач, достижение которых возможно и реально. «...Человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» [1]. Таким образом, характер и масштабы человеческой деятельности, ее цели и задачи в решающей степени зависят от тех средств, которые созданы в ходе исторического развития человечества.

Неправильный выбор средства предопределяет невозможность достижения цели. Идеальное полагание будущей деятельности вне выбора определенного средства означает, что мы имеем дело не с конкретной целью, а лишь с абстрактным, туманным стремлением. Вместе с тем именно от характера используемых средств во многом зависит результат деятельности. Цель как идеальное предвосхищение будущего предполагает отражение определенных объективных зависимостей, которые воплощены в средствах. В то же время любое отражение является

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 7.

адекватным лишь в некоторых пределах. Поэтому действительные связи, в которые включен реальный объект, используемый как средство, всегда богаче, многостороннее и сложнее его идеального образа, существующего в сознании субъекта в момент постановки цели. Вследствие этого результат практической деятельности никогда не может абсолютно совпадать с полагаемой целью. Однако границы и мера этого несовпадения существенно различны в зависимости от конкретных социально-исторических условий, в которых протекает деятельность, от того, в какой мере преследуемые человеком цели опираются на научное познание закономерностей природы и общества.

До тех пор пока законы общественного развития остаются непознанными, результаты человеческой деятельности нередко являются противоположными тем целям, которые люди перед собой ставят. «Желаемое совершается лишь в редких случаях,— пишет Ф. Энгельс,— по большей же части цели, поставленные людьми перед собой, приходят во взаимные столкновения и противоречия или оказываются недостижимыми частью по самому своему существу, частью по недостатку средств для их осуществления. Столкновения бесчисленных отдельных стремлений и отдельных действий приводят в области истории к состоянию, совершенно аналогичному тому, которое господствует в лишенной сознания природе. Действия имеют известную желаемую цель; но результаты, на деле вытекающие из этих действий, вовсе нежелательны. А если вначале они, по-видимому, и соответствуют желаемой цели, то в конце концов они ведут совсем не к тем последствиям, которые были желательны» [1].

Лишь овладение объективными законами общественного развития дает возможность покончить со стихийностью исторического процесса и снять тяготевшее над человечеством трагическое несоответствие целей и результатов. Строительство коммунизма как такой цели, которая выработана на основе научного проникновения в механизм социальной жизни, предполагает превращение социальной практики в подлинно свободную деятельность, знаменует начало сознательного творчества людьми форм собственной коллективой жизни.

Таким образом, диалектика цели, средства и результата проявляется через взаимодействие субъекта и объекта, единство предметно-практической и теоретической

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 306.

деятельности. Диалектика показывает механизм взаимодействия цели и материального процесса, вследствие чего становится ясной ложность телеологического мифа о кажущемся «нарушении» в этом механизме принципов материалистически интепретируемого детерминизма и противопоставления идеалистически трактуемой целевой причинности материальным причинным отношениям.

Целесообразность выступает как отношение, особый вид связи в рамках диалектико-материалистического детерминизма — связь начального и конечного состояния системы, которая «удваивается» путем наложения на объективные процессы их идеальной модели, гносеологического образа. Соответственно отношение целесообразности является своеобразной формой связи объектов, выражаемых через их связи с субъектом, либо просто формой связи субъекта с объектом. Это может быть «связь состояний», при которой наблюдается соответствие структуры объектов их гносеологическому образу, и тогда отношение целесообразности приобретает ярко выраженный аксиологический, оценочный характер. Понятие целесообразности в буквальном значении этого термина как раз и выражает такое аксиологическое отношение. Это может быть, однако, действием или взаимодействием, и тогда отношение целесообразности характеризуется как целеустремленность, как особая форма причинности, реализующаяся через отношение цели, средства и результата. Здесь наблюдается обратная циклическая зависимость между причиной и действием, и цель становится причиной движения средства через действие субъекта, человека. В таком действии *объединяется идеальное и материальное, начальное и конечное.*

В этой связи возникает вопрос фундаментальной важности: возможно ли выносить отношение целесообразности за сферу, связанную с деятельностью человека, возможно ли рассматривать его и в качестве объективного факта природы? Ведь, как писал Ф. Энгельс, «в природе... действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, во взаимодействии которых и проявляются общие законы. Здесь нигде нет сознательной, желаемой цели...» [1]. Разумеется, в том конкретном значении, которое имеет отношение целесообразности в человеческой деятельности, именно рамками последней и ограничена его применимость. Диалектико-материалистическая фи-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 305.

лософия, опирающаяся на естествознание, отрицает существование в природе «разумных целей», постулируемых телеологией. Однако и человек в своей деятельности не создает предметы природы как таковые. «Человек в процессе производства может действовать лишь так, как действует сама природа, т. е. может изменять лишь формы веществ. Более того. В самом этом труде формирования он постоянно опирается на содействие сил природы» [1],— отмечает К. Маркс. Как мы видели, отношение целесообразности получает, так сказать, «свидетельство своей аутентичности» через отношение к субъекту, цели которого, предвосхищающие конечный результат, служат тем основанием, в соответствии с которым осуществляется движение средств. Это движение вместе с тем в определенном отношении имеет строго объективную природу, не зависящую от субъекта.

Для научного понимания этих процессов многое дала в последние годы кибернетика. Представляя их в терминах информации и обратной связи, кибернетика фиксирует, что в функционировании и развитии саморегулирующихся, самоуправляющихся систем проявляется особый тип связи, характеризующейся, в частности, цикличностью. С информационной точки зрения циклическая связь, осуществляющаяся в форме взаимодействия разнонаправленных процессов, может быть обозначена как прямая или обратная. В ней наблюдаются процессы своеобразной предетерминации, запечатленной в программе в виде кодовой модели последующих действий и создающей статистически реализующуюся направленность этих действий. Сам механизм подобных связей представляется в виде их «удвоения», наложения на объективный материальный процесс, либо его идеальной схемы, гносеологического образа — «цели», либо материальной программы, кодовой модели, которая, как известно, может и не иметь образного выражения.

Соответственно взаимодействия, наблюдаемые между различными состояниями саморегулирующейся системы и выражаемые в форме причинности, могут быть охарактеризованы понятиями циклической связи причины и следствия (прямой и обратной), одним из видов которой и является так называемая целевая причинность. Ее наличие тем самым не отрицается, но указываются границы

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 51—52.

ее применимости, которые могут расширяться лишь условно.

Другое дело эвристическое, можно даже сказать метафорическое использование понятий цели и целесообразности в исследовании процессов, которые могут быть обозначены как целесообразные в буквальном смысле этого слова или даже условно, чтобы выразить их объективную направленность. И здесь уже условность понятия целесообразности, подчеркивающего в данном случае внутренне согласованное, упорядоченное, гармоническое течение процессов, допускается сознательно в качестве определенного приема исследования. При этом применение понятия целесообразности фактически является следствием того, что новое содержание развивается в старой семантической форме (как это имеет место, например, в случае органической целесообразности). Речь идет о так называемом *целевом подходе*. Здесь происходит обращение научного исследования к конечной стадии, результату процесса как его «цели», отправляясь от которой аналитически устанавливаются причины по их следствию.

Гегель писал, что «для понимания низших ступеней необходимо знакомство с высшим организмом, ибо он является масштабом и первообразом для менее развитых; так как в нем все дошло до своей развитой деятельности, то ясно, что лишь из него можно познать неразвитое» [1]. Развитая форма может быть условно обозначена как «цель», и тогда анализ примет все характеристики целевого подхода. Цель выступает в данном случае как нечто условное, эвристическое, поскольку при решении определенного класса познавательных задач иногда безразлично, может ли быть рассматриваемый процесс целесообразным в непосредственном и строгом смысле этого слова или нет.

Обращение к конечной стадии процесса как его «цели» определяется тем, что последняя выступает здесь в качестве регулятивного принципа, возможности которого были исследованы еще Кантом. При таком подходе понятие цели может отражать реальное явление (как это имеет место в случае анализа форм человеческой деятельности) и обозначать его адекватно; оно может представлять направленные (фиксирующие зависимость между начальной и конечной стадией) процессы в форме материальной или идеальной модели, в форме теоретических построений, целевой гипотезы и т. п.

---

[1] *Гегель.* Энциклопедия философских наук. М., 1975, т. 2, с. 545.

Таким образом, целевой подход может использоваться не только в исследовании «эквифинальных» систем (т. е. систем, которые в своем развитии достигают одного и того же результата при разных начальных условиях), но и циклических и направленных взаимодействий, процессов поступательного, прогрессивного развития. Целевой подход может использоваться также и в ситуациях, когда конечный результат того или иного процесса не может быть установлен эмпирически. Он конструируется здесь идеально, гипотетически. В данном случае целевой подход, отвечающий на вопрос «для чего», отграничивается от обычного каузального, отвечающего на вопрос «почему». Но это не противопоставление цели и причины, а лишь констатация того, что обращение к цели еще не дает объяснения, ибо она сама еще должна быть объяснена.

Такова в кратких чертах диалектика объекта и субъекта, образующая основу научного познания и целенаправленного практического действия. Рассмотрим теперь более конкретно диалектику самого познавательного процесса, закономерности его логического и исторического развития, взаимодействие различных уровней и ступеней.

Глава 4

ДИАЛЕКТИКА ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

При рассмотрении познания решающее значение имеет идея тождества диалектики, логики и теории познания, сформулированная В. И. Лениным. Этот тезис подчеркивает особенность материалистической диалектики как принципиально нового типа философского знания, в котором неразрывно связано исследование объективных законов развития и процессов отражения объективной действительности в познании.

1. Единство диалектики, логики и теории познания

Положение В. И. Ленина о единстве, совпадении диалектики, логики и теории познания — это не просто одно из высказываний, а мысль, к которой Ленин постоянно возвращался. Особенно ясно, определенно данное положение было сформулировано в «Философских тетрадях». «В «Капитале»,— писал он,— применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед» [1].

Об этом классическом положении немало написано в философской литературе. Но все же есть смысл еще раз подчеркнуть его значение, ибо до сих пор дают о себе знать рецидивы то односторонне-гносеологической, то односторонне-онтологической интерпретации теории материалистической диалектики. Между тем, как показывает В. И. Ленин (в соответствии с духом произведений К. Маркса и Ф. Энгельса), теорию познания марксизма следует понимать не на кантианский манер, не как учение о чисто субъективных априорных познавательных способностях субъекта, а прежде всего как теорию отра-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

жения объективной действительности в понятиях и суждениях общественного человека.

Свойства отражения определяются прежде всего свойствами отражаемого объекта. Поэтому невозможно правильно понять особенности познавательного процесса без знания принципиальных характеристик самой действительности. В то же время марксизму чуждо признание так называемой «чистой онтологии», ибо философское осмысление объективной действительности может быть научным лишь тогда, когда оно сопровождается анализом субъективной стороны познавательного процесса. Знание объективных закономерностей бытия не столько дается в непосредственном чувственном опыте, сколько вырабатывается в результате сложного движения научной мысли. Это знание достигается благодаря использованию целого ряда абстракций, применению определенных познавательных процедур. Выделение действительно объективного содержания в этом знании предполагает анализ, критическую оценку приемов, т. е. исследование самого познавательного процесса. Таким образом, философское осмысление объективной действительности невозможно без исследования проблем теории познания.

Понимание природы человеческого познания как *активного, целенаправленного процесса отражения действительности* органически связано у В. И. Ленина с тезисом об объективном характере материалистической диалектики. В. И. Ленин доказал, что вне признания отражательного характера познавательной деятельности человека как социально-исторического и творческого существа невозможна материалистическая диалектика. Отказ от этого фундаментального положения марксизма ведет к подмене диалектики идеализмом и метафизикой.

Известно, например, что спекуляции махистов строились в значительной мере именно на отрицании того, что научные теории отражают существующую независимо от сознания людей реальность. В. И. Ленин показал научную несостоятельность этих спекуляций и их «теоретического фундамента». Огромное методологическое значение имели определение понятия материи как объективной реальности, данной нам в ощущениях, четкое разграничение содержания философской категории материи и конкретных естественнонаучных представлений о ее структуре и свойствах.

Современные философские ревизионисты пытаются на новой основе возродить «аргументацию» махистов. Они

стремятся отождествить ленинскую теорию отражения с теорией отражения домарксовского материализма, изобразить ее как концепцию эмпиризма, несовместимую с диалектикой. С этой целью в ход пускается утверждение о мнимом противоречии, имеющемся якобы между трактовками В. И. Лениным теории отражения в «Материализме и эмпириокритицизме» и «Философских тетрадях». Нетрудно показать, однако, ложность подобных утверждений. Не отрицая развития, эволюции взглядов В. И. Ленина, изменения решаемых им задач на разных этапах, мы видим их общую диалектическую направленность, их единство и в «Материализме и эмпириокритицизме» и в «Философских тетрадях», и в философском завещании В. И. Ленина — статье «О значении воинствующего материализма».

Диалектическое понимание познания как отражения В. И. Ленин обосновывал в тесной связи с представлением об активном, творческом характере процесса постижения закономерностей природы, объективной истины, который и сам по себе протекает диалектически. «В теории познания, как и во всех других областях науки,— отмечал В. И. Ленин,— следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным» [1].

Путь к объективной истине в науке отнюдь не является прямолинейным. Истина — некоторое интегральное целое, слагаемое из элементов, обладающих относительной ценностью, ограниченных определенными рамками и уровнем развития науки. «...Все приобретаемые нами знания,— говорил Ф. Энгельс,— по необходимости ограничены и обусловлены теми обстоятельствами, при которых мы их приобретаем» [2]. Это значит, что мы можем познавать только при данных нашей эпохой условиях и лишь настолько, насколько эти условия позволяют.

Истина как процесс, в котором абсолютизация отдельных этапов, выход за пределы применимости отдельных научных положений приводит к превращению истины в свою противоположность,— вот основное, главное, что утверждает диалектика применительно к познанию как противоречивому по своей сущности явлению «рационализа-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 102.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 302.

ции» объективных законов природы. Она ориентирует не только на то, что возможно постижение истины, но и на то, что эта возможность не реализуется автоматически, без усилий, превышающих уже воплощенные в знания возможности человеческого разума. Как отмечал В. И. Ленин, «человек не может охватить = отразить = отобразить природы *всей,* полностью, ее «непосредственной цельности», он может лишь *вечно* приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира...» [1].

Диалектика не дает абсолютного знания и не признает неизменных, окостеневших истин в последней инстанции. Она критична по самому существу своему, непрерывно развивается, будит мысль и не дает успокоиться, находится в вечном движении в неизведанное. Это — главное в диалектике, и в этом — основа ее возрастающей необходимости для конкретного научного познания закономерностей природы, общества и человеческого мышления.

Таким образом, *неразрывное единство онтологических и теоретико-познавательных аспектов* — характерная черта материалистической диалектики. Всеобщие законы развития действительности, изучаемые в диалектике, формулируются вовсе не в результате раздельного изучения разных сфер природы и общества и последующего сравнения их с точки зрения степени общности действующих в них закономерностей. Объективная действительность всегда изучается в материалистической диалектике в неразрывной связи с исследованием методов ее познания, а познание исследуется как отражение объективной реальности.

2. Общий диалектический ход процесса познания. Живое созерцание и абстрактное мышление. Диалектика явления и сущности

При всем различии существовавших в домарксистской философии подходов к решению вопросов теории познания общепринятым в ней было мнение о том, что специфически философская задача в исследовании процесса познания состоит в нахождении путей обоснования знания, т. е. в нахождении таких критериев, которые позволяют точно и строго отделить, отграничить знание от незнания (или от «мнения»), знание достоверное от знания недостоверного, определить степень достоверности и обос-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 164.

нованности знания и т. д. Так, считалось, что фундаментом всей системы знания являются элементы, достоверность и истинность которых самоочевидны. К этим элементам так или иначе якобы может быть сведено все знание в целом.

Сторонники эмпиризма в качестве таких элементов выделяют ощущение. Из простого взаимодействия ощущений якобы можно понять образование знания, подобно тому как из взаимодействия атомов можно понять образование всех природных тел. В свою очередь рационалисты пытались уподобить истины, лежащие в основе всякого знания и якобы обосновывающие сами себя, «ясным и отчетливым» математическим аксиомам.

Другая характерная черта теоретико-познавательных построений домарксистской философии — ориентация на анализ познавательных процессов отдельного Я, индивидуального субъекта (гносеологическая «робинзонада»). В метафизическом материализме этот индивидуальный субъект мыслится как природное существо, с природой данными познавательными способностями, существо, включенное в цепь естественных взаимодействий (общество при этом тоже понимается лишь как часть природы). Для идеализма в основе познающего субъекта лежит чисто духовная субстанция, но субстанция, данная в качестве некой законченной, замкнутой в себе «идеальной вещи».

Подобное понимание существа проблем теории познания в общем и целом характеризует и современную буржуазную философию. Достаточно сказать, что поиски неких незыблемых, абсолютно достоверных элементов знания, на роль которых претендовали одно время так называемые протокольные высказывания, фиксирующие эмпирическое положение дел, лежат в основе всей неопозитивистской программы эмпирического обоснования науки. Эти поиски также во многом повлияли на характер разрабатывавшихся в рамках философии логического эмпиризма систем индуктивной логики. До сих пор в западной философии (особенно представителями «лингвистического анализа» и феноменологии) предпринимаются попытки выявить специфические характеристики знания на пути анализа индивидуальных познавательных процессов (начиная от исследования индивидуальных «чувственных данных» и кончая обсуждением логического характера индивидуального самосознания).

Марксистско-ленинская философия в противовес различным буржуазным гносеологическим доктринам подчер-

кивает, что научное теоретико-познавательное исследование предполагает диалектический и социально-исторический подход к знанию. Как указывал В. И. Ленин, материалистическая диалектика «включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от *не*знания к познанию» [1].

Это означает, что теоретико-познавательное исследование должно иметь дело не просто с мышлением отдельных единичных людей, а прежде всего с историческим развитием коллективных форм познавательной деятельности, воплотившихся в языке, в научных и философских системах и т. д. Конечно, познание не существует вне познавательной деятельности отдельных индивидов. Но последние могут познавать лишь постольку, поскольку овладевают коллективно выработанной, объективированной системой знаний, передаваемых от одного поколения к другому и развивающихся по особым, специфическим законам.

Между развитием индивидуального познания и развитием коллективных форм знания существует определенное соответствие. Ф. Энгельс отмечал, что «развитие какого-нибудь понятия или отношения понятий... в истории мышления так относится к развитию его в голове отдельного диалектика, как развитие какого-нибудь организма в палеонтологии — к развитию его в эмбриологии... Что это так, было открыто по отношению к понятиям впервые Гегелем» [2]. Таким образом, онтогенез и филогенез знания в общем и целом совпадают.

Важно, однако, подчеркнуть, что в основе этого совпадения лежат законы социально-исторического развития коллективных форм знания. Дело в том, что на факт определенного соответствия между филогенезом и онтогенезом знания обращают ныне внимание многие специалисты, анализирующие познавательный процесс (как философы, так и психологи, лингвисты и др.). Однако не всегда этот важный факт получает правильную интерпретацию. Например, известный швейцарский психолог Ж. Пиаже считает, что в основе как индивидуального развития познания, так и исторического изменения коллективных форм знания якобы лежат специфические биологически-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 55.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 537.

врожденные структуры, управляющие развитием интеллектуальных операций. Формы коллективного знания, согласно Ж. Пиаже, производны от этих индивидуальных структур.

Диалектический материализм дает принципиально иную интерпретацию соответствия онтогенеза и филогенеза знания, подчеркивая, что в основе индивидуального развития познания лежит *усвоение и присвоение коллективно выработанных форм предметно-практической и познавательной деятельности.* Такие формы деятельности имеют сложное внутреннее строение, характеризуются связями взаимной зависимости, и последовательность усвоения этих форм определяется прежде всего данными зависимостями. Конечно, каждый индивидуальный процесс развития познания имеет свои неповторимые особенности. Ни один акт познания не сводится к простому воспроизведению общих норм и форм знания на том или ином конкретном материале, а всегда в большей или меньшей мере предполагает процесс творчества. Вообще познавательный процесс сложен и многогранен и поэтому более или менее полно может быть исследован лишь в результате объединения усилий целого ряда наук. Однако философский, теоретико-познавательный анализ выявляет прежде всего всеобщие формы познания, т. е. те формы, которые и дают основания рассматривать какие-либо продукты человеческой деятельности в качестве «знаний».

Диалектический материализм подчеркивает, что эти всеобщие формы познания не вырабатываются каждый раз заново индивидом и не прирождены ему, а являются продуктом коллективной исторически развивающейся деятельности. При изучении процесса индивидуального познания гносеология выделяет в нем именно те моменты, в которых этот процесс приобщен к всемирно-историческому движению познания. Поэтому теория познания (и в этом, в частности, одно из ее отличий от психологии познания) особое внимание уделяет изучению исторического развития коллективных форм познавательной деятельности, воплотившихся в объективированных системах знания. По существу, марксистско-ленинская теория познания и является не чем иным, как исследованием диалектики развития знания, т. е. выявлением тех всеобщих форм познавательного процесса, которые являются условием адекватного воспроизведения структуры самой объективной реальности. Таким образом, ленинское положение о совпадении в марксистской философии диалектики,

логики и теории познания и в этом пункте дает ключ к решению.

Диалектический материализм, как и любая другая материалистическая концепция, признает, что познание начинается с воздействия объективно-реальных предметов на органы чувств познающего человека, т. е. с возникновения *ощущений,* которые несут первичную информацию о внешнем мире. Однако уже в понимании этого исходного пункта познания марксистская философия радикально отличается от предшествующего материализма, который был не только метафизическим, но и созерцательным. Дело в том, что само воздействие внешних предметов на органы чувств происходит в процессе активной практической, предметно-преобразовательной деятельности человека. Отражение внешнего мира осуществляется в ходе его изменения. При этом сами формы практической деятельности и ее средства, орудия являются продуктом коллективного творчества и передаются из поколения в поколение. Индивид с самого начала включается в систему коллективных форм практики, и развитие его познания определяется этим принципиальным фактом. Поэтому даже восприятие того или иного предмета не просто результат запечатления извне идущей информации, а следствие сложной активной познавательной деятельности, выделяющей в объективном предмете те стороны, которые оказались существенно важными для практики социального коллектива. Индивид как бы смотрит на мир «глазами общества».

Именно этот активный характер специфически человеческого восприятия, включенность его в социальную практику, необходимость диалектической переработки и организации в целостную систему восприятия отдельных ощущений имел в виду В. И. Ленин, когда выделял в качестве одной из начальных стадий познания не пассивное созерцание, а «живое созерцание» [1].

Восприятие, живое созерцание — это, таким образом, творческая познавательная деятельность, направленная на решение определенных задач и осуществляющаяся в соответствии с социально выработанными нормами и эталонами. Современная психология восприятия и когнитивная психология все в большей мере приходят к признанию этого важного обстоятельства.

Вместе с тем в ходе познания возникают и такие зада-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 152.

чи, которые не могут быть решены на уровне живого созерцания. Выход за пределы последнего осуществляется в результате возникновения разнообразных *знаковых систем,* начиная с обычного естественного языка и кончая искусственной символикой, использующейся в научно-теоретическом познании (сюда же относится и язык чертежей, графиков, схем, моделей и т. д.). Функция знаков как искусственных, порожденных человеком объектов особого рода состоит в том, чтобы служить средством воспроизведения в знании свойств и структур объективно-реального мира. Появление знаковых систем создает возможность для возникновения *абстрактного мышления* — такого рода познавательной деятельности, которая может осуществляться и в том случае, когда познаваемый предмет не включен в поле восприятия, т. е. не дан в чувственном опыте (знаковые системы как раз и играют роль своеобразного «заместителя» отсутствующего предмета) [1].

Как показано в современной психологии, именно своеобразная «интериоризация» знаковых систем (в частности, переход от речевого общения к «внутренней речи» отдельного индивида) создает возможность осуществления мыслительного процесса «в уме», т. е. не только без опоры на объект, данный в чувственном опыте, но и без использования таких знаковых систем, которые даны индивиду внешним образом: в форме живой речи, в виде тех или иных текстов, моделей, схем и т. д. Усваивая выработанные обществом знаковые системы, которые служат средством объективации исторически развивающихся систем знания, индивид присваивает также определенные способы и нормы мыслительной деятельности.

В связи со сказанным необходимо отметить два обстоятельства.

---

[1] Признание важной роли знаковых систем в процессе познания не имеет ничего общего с «теорией иероглифов», согласно которой ощущения являются лишь условными знаками (символами, иероглифами) вещей, а не отражением их объективных свойств. Диалектический материализм исходит из того, что определяющей характеристикой всякого познания является именно *отражение.* Знаковые системы функционируют в познании как формы выражения результатов данного процесса. Конечно, предметная форма знака сама по себе не является отражением свойств того предмета, к которому относится знак. Однако содержание знаков и их систем (их смысл, значение) является именно такого рода отражением. Правильное понимание роли и способов функционирования знаковых систем в познании может быть достигнуто, следовательно, лишь на основе ленинской теории отражения.

Во-первых, переход от одной ступени познания к другой, переход от живого созерцания к абстрактному мышлению означает возникновение качественно нового уровня познания. Одна ступень в ходе движения познания вырастает из другой. Однако специфические особенности абстрактного мышления невыводимы из характеристик живого созерцания, восприятия. Вместе с тем более высокая ступень познавательного процесса, возникнув, оказывает влияние на нижележащую ступень и в известной степени перестраивает последнюю. Восприятие, функционирующее в условиях абстрактного мышления, коренным образом отличается от того восприятия, которое предшествовало возникновению развитого мышления. Следует вместе с тем заметить, что внутри выделенных крупных ступеней познавательного процесса — живое созерцание, абстрактное мышление — можно вычленить еще целый ряд более мелких уровней, отношение между которыми характеризуется аналогичными диалектическими взаимопереходами.

Во-вторых, переход к абстрактному мышлению означает определенный отход от непосредственного контакта с познаваемым предметом. Абстрактное мышление открывает перед познанием неизмеримые возможности и вместе с тем в гораздо большей мере, чем живое созерцание, способно быть источником заблуждений. Поэтому результаты, добытые на пути абстрактного мышления, необходимо должны быть сопоставлены с реальным объектом. Это сопоставление достигается в конечном счете в ходе материальной практической деятельности.

Таким образом, как писал В. И. Ленин, «от живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины,* познания объективной реальности» [1].

Сказанное не следует понимать так, что практика появляется только в конце определенного цикла познавательного процесса (а в нашей литературе приведенная формула В. И. Ленина иной раз истолковывалась подобным образом). Как уже говорилось, для диалектического материализма характерно понимание познания как *с самого начала включенного в практическую деятельность.* Невозможно, например, понять особенности живого созерцания вне анализа его функционирования в системе материальной деятельности. Сами интеллектуальные, мыслительные операции, как показывает современная генетическая

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 152—153.

психология, являются продуктом сложных преобразований и развития предметных, практических действий. Эталоны и нормы мышления, регулятивные принципы, используемые при построении систем научно-теоретического знания, разумеется, обладают определенной относительной самостоятельностью и служат для оценки продуктов познания еще до того, как практика произнесет свое окончательное суждение. Не следует лишь забывать, что сами эти нормы и эталоны в конечном счете порождены и закреплены социальной практикой в процессе ее исторического развития. Следовательно, практика в той или иной форме присутствует на всех ступенях и стадиях познавательного процесса. Это, однако, не исключает необходимости на определенном этапе непосредственного подключения результатов познания к практической деятельности с целью окончательного выяснения их соответствия объективной реальности.

Движение познания от живого созерцания к абстрактному мышлению — это вместе с тем движение от знания *явления* объекта к исследованию его *сущности.*

Под сущностью материалистическая диалектика понимает единство внутренних, необходимых сторон, зависимостей в том или ином объекте (вещи, системе, относительно самостоятельной области объективной реальности). Явление — это внешняя форма обнаружения сущности, то, каким образом выступает сущность данного объекта «на поверхности», т. е. в результате взаимодействия данного объекта с другими объектами, в условиях существования его в системе множества внешних связей.

Уже на уровне живого созерцания, в рамках обыденного, донаучного понимания действительности познание отделяет существенные характеристики объектов от несущественных. Собственно говоря, если бы такого отделения не происходило, было бы невозможно и само познание, ибо знание любого объекта, предмета, существующего независимо от познания,— это знание определенных объективных зависимостей, отложившихся и в опыте. В любом элементарном восприятии целостного объекта дано знание таких существенных связей опыта и самой объективной действительности.

В то же время знание этих существенных зависимостей еще не есть знание сущности объектов, ибо те необходимые связи, с которыми имеет дело обычный опыт, даны субъекту более или менее непосредственно, характеризуют лишь внешнюю сторону объектов.

Раскрытие сущности — основная задача научно-теоретического мышления. Теоретическое познание предполагает принятие ряда таких допущений и предположений (обычно называемых идеализациями), которые не соответствуют, а иной раз прямо противоречат тому, что может быть непосредственно наблюдаемо.

Так, абстракция актуальной бесконечности, широко используемая в классической математике, основана на допущении возможности пересчитать весь ряд натуральных чисел, что явно неосуществимо опытным путем. Так же фактически неосуществимо предположение Евклида, что любой отрезок прямой, как бы ни был он мал или велик, можно с помощью циркуля и линейки разделить пополам. В классической физике исходят из того, что мы можем измерить скорость в каждой точке пути, т. е. мгновенную скорость.

Формулируемые в рамках научной теории законы, выражающие сущность познаваемых явлений, тоже относятся к некоторым идеальным случаям. Поэтому их использование для описания актуального опыта и для предсказания будущих эмпирических явлений возможно лишь на основе учета целого ряда дополнительных факторов, от которых отвлекается теория, выявляя закон на уровне сущности. Поскольку же все эти факторы теоретически учесть невозможно, между предсказываемым данной теорией течением эмпирических событий и тем, что мы непосредственно наблюдаем в опыте, на уровне явления, всегда будет существовать некоторый «зазор», хотя развитие науки делает этот «зазор» все меньше. Обращая внимание на роль идеализирующих, выявляющих сущностные зависимости предположений при осуществленной К. Марксом разработке политической экономии, В. И. Ленин отмечал: «Конкретно невозможна» не только представленная Марксом реализация, но и представленная им поземельная рента, и представленная им средняя прибыль, и равенство заработной платы стоимости рабочей силы, и многое другое. Но невозможность осуществления в *чистом* виде вовсе не есть возражение» [1].

Идеализация выражается не только в принятии ряда допущений при формулировании теоретических законов, но и в процессе конструирования так называемых идеализированных объектов. Примером такого идеализированного объекта может быть материальная точка, понятие ко-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 25.

торой широко использовалось в классической механике. Предполагается, что это такой предмет, который существует во времени и пространстве, обладает массой (как и все реальные тела) и вместе с тем лишен размера, т. е., по существу, совпадает в этом отношении с математической точкой. Другим примером идеализированного объекта является несжимаемая жидкость, изучаемая в гидродинамике. Ясно, что между идеализированными объектами и объектами, с которыми мы имеем дело в конкретных ситуациях, нет прямого соответствия; что идеализированные объекты — это некоторые конструкции теоретического мышления (иногда их называют «внутритеоретическими», отличая тем самым от «внетеоретических» объектов, существующих независимо от теории).

Конструирование идеализированных предметов является способом формулирования идеализирующих предположений, т. е. методом выявления в чистом виде сущностных зависимостей, изучаемых в теоретических законах. Так, если реальное тело движется под влиянием силы, приложенной к центру его тяжести, то движение этого центра не зависит ни от геометрической формы тела, ни от распределения массы в теле, а лишь от общего количества массы. Центр тяжести движется так, как если бы вся масса была сосредоточена в нем, т. е. подобно идеализированному объекту «материальная точка». Выявляя с помощью идеализированного предмета существенные зависимости подобного движения тел, мы получаем ключ к раскрытию всей сложной системы зависимостей, проявляющихся в многообразных случаях реальных механических движений.

При выявлении сущностных зависимостей научная теория может вводить представления о таких объектах, которые не совпадают с объектами, фиксируемыми в обычном, донаучном опыте, или даже ненаблюдаемы (актуально или принципиально) и которые вместе с тем являются не идеализированными, а реально существующими объектами. Это молекулы, атомы, электроны, позитроны, виртуальные частицы, процессы в четырехмерном пространственно-временно́м континууме, поле, кварки и т. д.

Следует обратить внимание, что степень проникновения в сущностные зависимости той или иной системы объектов относительна и определяется этапом развития научного знания. То, что на одном этапе рассматривалось как «конечная сущность» и выступало в качестве принципа объяснения многообразных явлений, на другом само ока-

зывалось производным от сущности более глубокого порядка и находило объяснение в контексте более обширной и глубокой теоретической системы.

Сама сущность выступает, таким образом, некоторым многоуровневым образованием, выражающим сложное иерархическое строение действительности, сложную систему опосредствования зависимостей разного рода, лежащих на разных уровнях. Важно подчеркнуть, что признание сущностей (и соответствующих им форм проявления) разного уровня, разного порядка вовсе не ведет к субъективно-релятивистскому истолкованию сущности. Как сущность, так и явление выражают реальное строение самой объективной действительности, которое и отражается в многоуровневости познания. Например, зависимости, формулирующиеся в классической механике и выражающие сущность многих явлений обычного человеческого опыта, сами получают объяснение в рамках квантовой механики и специальной теории относительности, проникающих в более глубокие сущностные связи действительности. «Мысль человека,— подчеркивает В. И. Ленин,— бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. *без конца*» [1].

Сложные формы взаимодействия сущности и явления получили глубокое освещение в теоретическом исследовании капиталистической системы экономических отношений, предпринятом К. Марксом.

Известно, что буржуазные политэкономы, взяв некоторые важные теоретические положения I тома «Капитала» и непосредственно сопоставив их с формулировками из III тома, стали говорить о якобы существующих у К. Маркса противоречиях. В I томе утверждается, что прибавочная стоимость есть исключительный продукт той части капитала, которая затрачена на заработную плату, т. е. его переменной части. В III же томе, там, где речь идет о складывающейся на поверхности видимости, о сфере явления говорится: «Как бы то ни было, в итоге оказывается, что прибавочная стоимость возникает одновременно из всех частей вложенного капитала» [2].

Дело в том, что внешние формы проявления законов капитализма не только затемняют, но и мистифицируют

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 227.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. I, с. 43.

их сущность. Но сама эта мистификация не просто плод субъективных иллюзий, а картина, с необходимостью возникающая у всякого, кто вовлечен в капиталистические отношения, ибо эта картина — результат положения дел, как оно проявляется на поверхности капиталистического общества. В частности, для капиталиста издержки производства товара неизбежно представляются действительной стоимостью самого товара; в этом находит свое выражение специфически капиталистический характер производства, при котором «издержки производства в капиталистическом хозяйстве приобретают ложную видимость категории, относящейся к самому производству стоимости» [1]. Для характеристики подобного рода отношений между сущностью и формами ее проявления К. Маркс ввел специальное понятие «превращенная форма», которым широко пользуются исследователи-марксисты. Превращенной формой, например, прибавочной стоимости выступает прибыль.

Таким образом, тезис о том, что прибавочная стоимость ведет свое происхождение одновременно из всех частей приложенного капитала, выражает не действительное состояние, а эмпирическую видимость. В свою очередь, эта видимость не плод субъективных индивидуальных заблуждений, а необходимая форма внешнего, превратного проявления сущностных экономических процессов капиталистического общества. Если буржуазная вульгарная политэкономия ограничивалась лишь воспроизведением подобных эмпирических видимостей, то марксистский, подлинно научный анализ не только вскрывает сущность процесса капиталистического производства, но и показывает те социальные механизмы, под действием которых эта сущность проявляется в превратных формах. Иначе говоря, теоретический анализ сущности позволяет не только объяснить тот круг явлений, который обусловлен действием данной сущности, но и понять сами формы проявления этой сущности как ее необходимые следствия.

Понятие превращенной формы плодотворно при анализе многих других особенностей развития капиталистического общества, например при анализе диалектики сущности и форм проявления государственной власти в системе государственно-монополистического капитализма. Марксистско-ленинская наука убедительно доказала, что современное буржуазное государство по своей социально-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. I, с. 33.

классовой сущности представляет в конечном счете диктатуру монополистического капитала. Она осуществляется не только путем открыто террористических методов, свойственных фашистским режимам. Во многих случаях политическая система империалистических государств функционирует в демократических формах, затемняющих и мистифицирующих ее классовую природу. Тем самым внешний облик явлений порождает ложные представления о способности буржуазной системы выражать волю и интересы всех слоев, «большинства» и т. д. Причем именно эти превращенные формы действительных отношений — в силу того, что они лежат на поверхности,— представляются обыденному буржуазному сознанию «очевидными», практически «достоверными». Исследование того, каким образом возникают и развиваются подобные «самоочевидные» и вместе с тем совершенно ложные представления о соотношении демократии, свободы и диктатуры при капитализме, опирается на диалектико-материалистическое учение о диалектическом взаимоотношении сущности и форм ее проявления, в частности превращенных форм.

3. Диалектика объективной, относительной и абсолютной истины

Цель познания — истина, т. е. *адекватное воспроизведение существующего в самой объективной действительности.* В противоположность тем философским направлениям, которые пытаются представить истину в качестве некой чисто субъективной конструкции (понимается ли она как соответствие одних мыслей другим, или же как некая практически удобная фикция, или же как особый социально обусловленный способ «организации» человеческого опыта), диалектический материализм подчеркивает объективный характер истины. *Объективная истина,* писал В. И. Ленин, это такое содержание человеческих представлений, «которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества...» [1].

Признание объективности истины, согласно В. И. Ленину,— это та грань, которая отделяет диалектический материализм от релятивизма. Эта грань определяется тем, что «релятивизм, как основа теории познания, есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание какой бы то ни было объективной, независимо от челове-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 123.

чества существующей, мерки или модели, к которой приближается наше относительное познание» [1]. Конечно, диалектика содержит в себе момент релятивизма, но абсолютизировать этот момент — значит в корне расходиться с материалистической теорией познания. Как подчеркивает Ленин, «материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине» [2]. Это положение принципиально важно как в методологическом, так и в мировоззренческом плане, оно служит надежным ориентиром не только познавательной, но и практической деятельности. Напротив, релятивистское отрицание объективности истины неизбежно ведет либо к беспринципному плюрализму, либо к столь же беспринципной эклектике при решении кардинальных вопросов теории и практики.

Революционный дух диалектики не имеет ничего общего с упрямым повторением раз навсегда заученных формул, вне связи с развитием познания и практики, с объективной диалектикой общественно-исторического движения. Признавая историческую условность и историческую ограниченность наших знаний, материалистическая диалектика в то же время подчеркивает заложенный в них импульс дальнейшего развития, углубления, расширения и уточнения знаний. Различение относительной и абсолютной истины, отмечает В. И. Ленин, «как раз настолько «неопределенно», чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закостенелое...» [3].

Человечество не может сразу, во всем объеме и во всей полноте познать мир объективной действительности. Поэтому «истина есть процесс» [4]. Мир бесконечно многообразен. Бесконечен и процесс его познания, неразрывно связанный с развитием его практического освоения человеком.

Задача исчерпывающего постижения мира решается через накопление таких знаний, которые содержат в себе элементы объективной истины, хотя и ограниченные исторически данной ступенью человеческого познания.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 139.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 138.
[4] Там же, т. 29, с. 183.

«...Люди,— отмечает Ф. Энгельс,— стоят перед противоречием: с одной стороны, перед ними задача — познать исчерпывающим образом систему мира в ее совокупной связи, а с другой стороны, их собственная природа, как и природа мировой системы, не позволяет им когда-либо полностью разрешить эту задачу». Но это же противоречие как раз и является «главным рычагом всего умственного прогресса и разрешается каждодневно и постоянно в бесконечном прогрессивном развитии человечества — совершенно так, как, например, известные математические задачи находят свое решение в бесконечном ряде или непрерывной дроби» [1].

Ф. Энгельс подчеркивает диалектический характер взаимоотношения истины и заблуждения: «Истина и заблуждение, подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области... Если мы попытаемся применять эту противоположность вне пределов указанной области как абсолютную, то мы уже совсем потерпим фиаско: оба полюса противоположности превратятся каждый в свою противоположность, т. е. истина станет заблуждением, заблуждение — истиной» [2]. Это, конечно, не значит, что любое заблуждение может превратиться в истину, но это значит, что человеческое познание на каждой стадии своего исторического развития содержит в себе наряду с моментами истины также и моменты заблуждения, выявление и преодоление которых выступает мощным стимулом познавательной деятельности. Вместе с тем Ф. Энгельс имеет здесь в виду и *конкретность истины.* Поясняя процитированные слова, он говорит о том, что, например, закон Р. Бойля об обратной пропорциональности объема и давления газа при постоянной температуре справедлив лишь при определенных условиях; если же эти условия не соблюдаются, то и закон не выполняется. Более того, исследование тех конкретных условий, в пределах которых закон Р. Бойля справедлив, является самостоятельной и важной задачей науки. В ходе этих исследований, как отмечает Ф. Энгельс, истинностное содержание данного закона становится все более ограниченным, но одновременно и все более конкретным. За пределами установленных границ применение данного закона ведет к заблуждению.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 36.
[2] Там же, с. 92.

Процитированное высказывание Ф. Энгельса содержит в себе и первый набросок того важнейшего принципа марксистской диалектической теории познания, который развит В. И. Лениным в его работе «Материализм и эмпириокритицизм» как учение о диалектике относительной и абсолютной истины.

Истина относительна, поскольку на каждом этапе развития познания отражение объективной действительности совершается в определенных условиях, отношениях, аспектах, с определенной степенью приближенности, а не абсолютно, полностью.

Вместе с тем из признания объективного характера истины вытекает и признание существования *абсолютной истины,* т. е. такого рода знания, которое совершенно точно отражает свой объект («нельзя отрицать абсолютной истины, не отрицая существования объективной истины» [1]). Абсолютной истиной может быть названо и адекватное знание отдельных сторон действительности, и содержание относительных истин, которое характеризуется отмеченной адекватностью. Абсолютной истиной является и такое знание о действительности, которое может быть достигнуто лишь в бесконечном процессе развития человеческого познания.

«...Человеческое мышление,— отмечает В. И. Ленин,— по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания» [2].

В современных условиях развитое В. И. Лениным учение о диалектике объективной, относительной и абсолютной истины приобретает особо актуальное значение. Принципиальные идеи В. И. Ленина по этому вопросу играют важную роль при решении целого круга проблем, которые касаются не только специалистов по философии, но и интенсивно обсуждаются в специально-научной литературе. Важно отметить, что проблема истины ныне в большей мере, чем когда бы то ни было, обнаруживает свой глубокий мировоззренческий характер и выявляет самую непосредственную связь с тем или иным решением усиленно

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 124.
[2] Там же, с. 137.

обсуждаемых вопросов о месте познания вообще, научно-теоретического познания в особенности в системе культуры, о характере и перспективах развития науки и научно-технической революции.

В. И. Ленин разрабатывал диалектико-материалистическую теорию истины в неразрывной связи с критикой русского и зарубежного махизма. Последний отрицал объективно-реальный смысл теоретических конструкций, считая их всего лишь удобным способом описания чувственных данных («элементов мира», по махистской терминологии). Принципиально той же теоретико-познавательной позиции — с некоторыми модификациями — придерживался и пришедший на смену махизму логический позитивизм, доминировавший в западной философии науки до последнего времени. С подобной точки зрения в общем-то бессмысленно говорить об истинности (или ложности) теоретических конструкций и о наличии реальных объектов, соответствующих теоретическим терминам.

Нужно, однако, заметить, что все же и махисты, и логические позитивисты подчеркивали необходимость соответствия теоретических конструкций «эмпирической действительности», хотя последняя понималась ими в субъективно-идеалистическом духе. Пришедшие же им на смену различные постпозитивистские школы в философии науки, справедливо критикуя логический позитивизм за узкий эмпиризм, отмечая существование в развитой науке факта «теоретической нагруженности» эмпирических понятий, в то же время отличаются значительным усилением теоретико-познавательного релятивизма. Подчеркивая наличие «разрывов» в развитии теоретического знания, отмечая важную роль научных революций в истории естествознания, такие представители современной постпозитивистской «философии науки», как Т. Кун и П. Фейерабенд, считают вообще бессмысленной проблему объективной истины применительно к научному знанию и отрицают существование теоретической преемственности в науке.

В этих кругах весьма модны идеи о зависимости того или иного понимания истинности научных утверждений от характера принятой научной «парадигмы» или даже от более широкой культурно-исторической ситуации, во всяком случае не от объективно-реального положения дел. Между тем такого рода релятивистские идеи оказывают воздействие на сознание широкого круга специалистов в частных науках.

В этих условиях обращение к идеям «Материализма и

эмпириокритицизма» помогает поставить вопрос о сложной диалектике абсолютного и относительного моментов истины в единственно правильной плоскости и дает теоретические средства для выявления несостоятельности философского релятивизма.

Ленинское понимание истины как процесса включает признание и преемственности в развитии знания, и наличия революционных перестроек в ходе этого процесса. Оно не имеет ничего общего с плоско-кумулятивистской концепцией. В процессе развития научного познания может обнаруживаться неправомерность ряда допущений, из которых исходит та или иная принятая до сих пор теория (например, допущения о бесконечности скорости света, о тождестве инерциальной и тяготеющей масс, из которых исходила классическая механика). В процессе научной революции такие исходные допущения пересматриваются, и в связи с этим радикально изменяются представления о месте добытого до сих пор знания в более широкой системе знания. Выявление в теории новых параметров и формулировка новых законов позволяют объяснить также и сферу действия допущений и исходных идеализаций первоначальной теории.

Каждая система знания, проверенная социальной практикой, доказавшая свою объективную значимость, отражает определенное объективно-реальное положение дел, хотя это отражение всегда приблизительно, имеет свои границы. Сказанное относится как к научно-теоретическому знанию, так и к разным формам обыденного познания.

В свете понимания истины как диалектического процесса отражения остановимся на некоторых положениях влиятельного ныне в англо-американской философии так называемого «научного реализма» (У. Селларс и другие).

Сторонники этого направления исходят из здравой (и по сути дела, материалистической) идеи о том, что учение современной теоретической науки — и прежде всего физики — о строении материи, о наличии реальных материальных частиц (молекул, атомов, электронов и т. д.) соответствует реальному положению дел. Однако они ставят вопрос: каков онтологический статус объектов обычного восприятия? Ведь те предметы обыденного опыта, которые мы считаем существующими объективно (столы, деревья, горы и даже научные приборы), «с точки зрения современной физики» как будто бы представляют собой лишь особые сочетания некоторых материальных ча-

стиц (атомов и т. д.). Значит, заключают сторонники «научного реализма», предметы обычного опыта на самом деле не существуют, они являются субъективными феноменами в кантовском смысле. За ними скрывается «подлинный мир», который, в отличие от непознаваемой кантовской «вещи в себе», вполне познаваем средствами современной науки.

В действительности же следует говорить не только о многоуровневости процесса отражения (углубляющегося от явления к сущности, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д.), но и о соответствующей ему многоуровневости самой объективной реальности. Стол и совокупность атомов, из которых он состоит, существуют объективно, но, так сказать, на разных уровнях реальности. Между ними имеются определенные — и не всегда простые — отношения. Отсюда вытекает и возможность многоуровневости знания, в частности эмпирического знания, которое, например, в форме научного наблюдения позволяет фиксировать не только объекты донаучного обыденного опыта, но и те объекты, которые могут быть выявлены только научным мышлением.

4. Основные закономерности развития научного познания. Переход от конкретного к абстрактному. Восхождение от абстрактного к конкретному как способ построения теоретических систем

Выше мы уже писали, что абстрактное мышление как специфически человеческая форма отражения действительности возникает и развивается в тесной связи с развитием общественно-производственной практики человека. Абстрактное мышление обеспечивает возможность построения свойственного человеку идеального плана деятельности. Поэтому вопрос об истинности мышления, о соответствии мышления и его результатов действительности в конечном счете может рассматриваться только в контексте оценки мысленных образов в их функции идеальных планов деятельности, на основе которых осуществляется практическое преобразование действительности — природной или социальной. К. Маркс, как известно, подчеркивал в своих «Тезисах о Фейербахе»: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью,— вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о

действительности или недействительности мышления, изолированного от практики, есть чисто *схоластический* вопрос» [1]. Мышление, таким образом, не есть некая субстанция, которая должна быть каким-то образом связана с противостоящим ей бытием,— проблема, которая всегда была камнем преткновения для домарксистской гносеологии. Понять мышление можно только как *результат и условие развития практической деятельности человека,* как особую деятельность по формированию идеальных планов практического преобразования действительности.

Возникнув на определенной стадии развития, абстрактное мышление в специфических условиях разделения умственного и физического труда становится предметом деятельности особого вида духовного производства — теоретического сознания. Формируется наука как специфическая деятельность по развитию и совершенствованию абстракций, выработке научных понятий, созданию научно-теоретической картины мира. Разумеется, возникновение науки как специфического вида духовного производства не означает отрыва мышления от общественно-производственной практики, однако связь абстрактного, научного мышления с практикой становится опосредствованной. В различных социально-исторических условиях взаимосвязь теории и практики приобретает различный характер.

Если в донаучном, обыденном сознании производство абстракций вплетено «в ткань реальной жизни», не выделяется в качестве специальной деятельности, то в науке развитие и совершенствование абстракций превращается в специальную целенаправленную деятельность, регулируемую особыми нормами и правилами. Наука выступает как специализированная деятельность по производству понятий. Поэтому ей изначально присущ момент рефлексии, т. е. сознательного контроля над процессом своей деятельности.

Развитие научно-теоретического мышления начинается с выработки некоторой исходной сетки абстракций, позволяющих классифицировать, обобщать многообразие явлений реального мира, устанавливать некоторые соотношения между ними и пр. На этой ранней стадии научного познания преобладают *эмпирические методы исследования,* различные методы классификации, индукция, анализ явлений. Можно сказать, что научное мышление создает себе здесь как бы некоторые опорные пункты для даль-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 261.

нейшего освоения многообразия подлежащих теоретическому исследованию явлений. По существу, этот этап научного познания имеет в виду К. Маркс, когда он анализирует историю политической экономии и характеризует ее методологию: «...экономисты XVII столетия всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т. д., но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные всеобщие отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т. д.» [1]. Маркс говорит, что это — движение мысли «от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям...». Он указывает, что подобное «восхождение» от конкретного, данного в представлении, к абстрактным определениям является лишь начальным этапом научного мышления. Тем не менее это его необходимый этап, этап выработки исходной сетки научных абстракций, которые становятся отправным пунктом дальнейшего движения мысли к *более сложным понятийно-теоретическим построениям системного характера:* «Как только эти отдельные моменты были более или менее зафиксированы и абстрагированы, стали возникать экономические системы...» [2]

История политэкономии, о которой писал К. Маркс, очевидно, не исключение. Мы сталкиваемся здесь с проявлением общей закономерности научного познания, которое начинает, как уже отмечалось выше, с формирования некоторой сетки абстракций, классификаций, анализа и т. д. и переходит затем к развитию все более сложных понятийных конструкций, в конечном счете к созданию сложных, развитых теоретических систем. Движущим стимулом этого процесса является несоответствие между неполнотой, бедностью, узостью исходной абстракции и конкретностью того реального мира, который пытается освоить, охватить, отразить научное мышление с ее помощью. Это несоответствие выражается в постоянно возникающих противоречиях между гипотезами, классификациями, законами, концепциями, теориями и т. д. и не укладывающимися в их схему фактами, обнаруживающимися в результате наблюдения и эксперимента. Эти противоречия заставляют уточнять, расширять и пересматривать, совершенствовать наши теоретические построения, обогащать их мысленное содержание, делать их более полными, глубокими.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 37.
[2] Там же.

В такой способности к постоянному развитию, совершенствованию и заключается достоинство научного мышления как способа отражения существенных, глубинных связей объективного мира, которое, по выражению К. Маркса, может «видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению...» [1]. В. И. Ленин, как известно, подчеркивал, что «мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное...— от* истины, а подходит к ней» и что «*все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*» [2]. Эта способность к более глубокому, верному и полному отражению в мышлении по сравнению с чувственным представлением реализуется и обеспечивается через диалектику научного мышления как процесса развития используемых им средств отражения действительности. Этот процесс развития характеризуется в диалектической традиции исследования мышления как *движение от абстрактного к конкретному*.

Применение категорий абстрактного и конкретного в мышлении, различение уровней конкретности научно-теоретического знания для характеристики степени развитости его концептуального аппарата является одним из важнейших вкладов диалектической методологии в исследование мышления, в изучение познавательного процесса в науке. Для этой методологии, впервые получившей свое развернутое выражение в логической системе Гегеля, различение категорий абстрактного и конкретного характеризует не отличие абстрактного как мышления от конкретного как реальной действительности, а *степень развитости самого мышления, уровни и типы теоретической мысли*. Диалектическая методология в противовес узкому эмпирико-сенсуалистическому представлению о мышлении как деятельности, в процессе которой выделяются общие признаки отдельных «конкретных» предметов и образуются все более бедные по содержанию, но широкие по объему охвата единичных ситуаций абстрактные понятия, выдвигает концепцию активной творческой деятельности по формированию и развитию специфически мысленного содержания. В ходе такой деятельности не просто фиксируются и выделяются общие моменты эмпирически данного содержания, а развивается целостная и в то же

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. I, с. 343.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 152.

время внутренне дифференцированная картина сущности предмета, которая не дана непосредственно эмпирически, а должна быть развита, открыта, разработана теоретическим мышлением.

Трактовка мышления лишь как сопоставления единичных предметов и выделения в них сходных признаков неизбежно сводила понятие к общему представлению. Характеризуя эту точку зрения, Гегель писал: «Когда говорят о понятии, то обычно перед нашим умственным взором возникает лишь абстрактная всеобщность, и обычно поэтому понятие определяют как общее представление. Говорят, согласно этому, о понятии цвета, растения, животного и т. д. и считают, что эти понятия возникли благодаря тому, что опускается все особенное, отличающее друг от друга различные цвета, растения, животные и т. д., и сохраняется то, что у них есть общего» [1]. Однако в конкретном мышлении всеобщее, выступающее здесь уже не как абстрактно-всеобщее, а как конкретно-всеобщее, по выражению Гегеля, «проникает собой и заключает в себе все особенное» [2]. В. И. Ленин в «Философских тетрадях» специально выделяет это положение Гегеля, отмечая: «...ср. «Капитал». «Прекрасная формула: «Не только абстрактно всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного» [3]. В понятии конкретно-всеобщего отмечается способность конкретного мышления воспроизводить своими собственными теоретическими средствами «единство многообразия» реальности, выступающей в форме особенного и единичного.

Это преодоление диалектической традицией эмпирико-сенсуалистического представления о мышлении лишь как об обобщении эмпирически данного, это подчеркивание того, что специфика теоретического мышления состоит как раз в способности формирования мысленного содержания, находится в полном соответствии с основной тенденцией последующего развития научной методологической мысли, решительно отвергающей эмпирико-сенсуалистические установки в трактовке научного знания.

Впервые концепция конкретного мышления была развита в диалектической традиции Гегелем на идеалистической основе.

---

[1] *Гегель.* Энциклопедия философских наук. М., 1974, т. 1, с. 345—346.

[2] Там же, с. 361.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 90.

Конечно, было бы неправомерно чрезмерное сближение идеи «конкретного понятия», как она развита Гегелем, с современными научными представлениями о теоретических идеализированных объектах и пр. Слишком различен стиль самого методологического сознания. Однако, на наш взгляд, бесспорно и то, что такие далекие от гегелевского стиля мышления концептуальные образования конкретной науки, как теоретические идеализированные модели, структурно-функциональные и структурно-системные представления и пр., все-таки обладают тем признаком конкретности понятия в смысле «единства многообразия», внутренней дифференцированности в рамках целостного мысленного образа предмета, который был выделен Гегелем.

Его учение о конкретности понятия органически связано с пониманием мышления как спонтанной способности развития духа. Оно не заимствует свои результаты из внешнего источника, из «опыта», из «созерцания», а развивает свое собственное идеальное содержание. Это имманентное мышлению идеальное содержание возникает тогда, когда мышление делает своим предметом имеющиеся абстракции, наличные «определения мысли» и, критически осмысляя их, преодолевает их односторонность, «конечность», неполноту, вырабатывая то, что Гегель называет «конкретным понятием», выступающим как «единство различенных определений».

В отличие от Канта, для которого активность мышления, его конструктивный характер сводятся к наложению готовых априорных форм рассудка на чувственно данный материал познания, Гегель впервые в истории науки о мышлении представил активность мышления как развитие понятия, развертывание его содержания, его конкретизацию. Внутренним стимулом этого процесса для Гегеля выступает диалектика познания, заключающаяся в обнаружении односторонности и абстрактности найденных определений мысли. Преодоление односторонности приводит к построению более содержательного понятия, в свою очередь чреватого новыми противоречиями и т. д. Диалектика выявления и конструктивного преодоления противоречий мышления и составляет внутреннюю основу конкретизации, развития мысли. Конкретность понятия, по Гегелю, есть, таким образом, синоним развитости, содержательности, внутренней дифференцированности мысленного содержания. Сама эта конкретизация, внутренняя дифференцированность содержания представляет собой

результат развития, стимулом которого являются внутренние противоречия самой мысли [1].

При этом конкретизация понятия предполагает единство аналитического и синтетического моментов познания. Аналитический момент присутствует в конкретизации постольку, поскольку она представляет собой развитие исходной основы. Но это именно развитие, а не просто выявление уже заложенного в этой основе содержания, и постольку аналитический момент органически сочетается здесь с синтетическим моментом. Аналитический момент проявляется также и в том, что по мере развертывания, обогащения понятия его содержание становится все более внутренне дифференцированным. Именно это *единство анализа и синтеза* рассматривается В. И. Лениным как один из основных элементов диалектики.

К. Маркс опирается на гегелевскую традицию различения абстрактного и конкретного в развитии знания, творчески перерабатывая ее на основе материалистической диалектики, применяя эти понятия в конкретно-научном познании, например в политэкономии, истории, а не только в сфере философии и логики. Для К. Маркса они выступают как конструктивные средства его реального научного мышления. Он использует понятия абстрактного и конкретного для характеристики направленности научного исследования — от выделения исходной сетки абстракций к построению теоретических систем. При построении этих систем исследователь восходит «от простейшего — труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость и т. д.— к государству, международному обмену и мировому рынку. Последний метод есть, очевидно, правильный в научном отношении. Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления» [2]. Таким образом, по Марксу, правилен при построении теоретической системы именно метод восхождения от абстрактного к конкретному, метод воссоздания конкретной реальной целостности предмета путем синтеза его определений.

К. Маркс специально подчеркивает противоположность

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 37.
[2] Там же.

своей материалистической интерпретации этого метода гегелевскому идеалистическому пониманию его. «Гегель... впал в иллюзию, понимая реальное как результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь тот способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного» [1]. «Синтез определений» в процессе восхождения от абстрактного, о котором пишет Маркс, нельзя сводить просто к соединению данных мышлению определений, а следует понимать в более широком и глубоком смысле. Как об этом свидетельствует опыт осуществления восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале», такой синтез определений есть не что иное, как развертывание теоретической системы, процесс развития и конкретизации теоретического содержания, построение внутренне дифференцированной и в то же время *целостной* «конкретной» картины экономических отношений, конструктивная, синтетическая деятельность теоретического мышления. Маркс подчеркивает, опять-таки в противовес Гегелю, что «конкретная целостность, в качестве мысленной целостности, мысленной конкретности... ни в коем случае не продукт понятия, порождающего само себя и размышляющего вне созерцания и представления, а переработка созерцания и представления в понятия» [2].

Такая переработка не суммирование, компановка, соединение элементов эмпирически данного. «Переработка созерцания и представления в понятия» при развитии теоретического знания в процессе восхождения от абстрактного к конкретному означает изменение, развитие, конкретизацию аппарата научных абстракций под воздействием созерцаний и представлений, такое совершенствование понятийного аппарата, которое позволяет ассимилировать соответствующие эмпирические данные в рамках научно-теоретической картины мира. Такая «переработка» имеет своим результатом конкретизацию теоретического знания, в мысленном содержании которого в снятом, преобразованном, переработанном виде и усваивается содержание созерцания и представлений. Ее не следует никоим образом понимать и в духе кантианского априо-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 37—38.
[2] Там же, с. 38.

ризма как привнесение некоего схематизирующего начала из мышления в эмпирический материал.

Итак, понятие восхождения от абстрактного к конкретному используется К. Марксом для характеристики общей направленности процесса развития научно-теоретического познания на определенном его этапе, а именно когда проделана уже значительная работа по анализу объекта, выделены некоторые отнравные абстракции, характеризующие отдельпые стороны, моменты изучаемого объекта и встает задача воспроизведения в научно-теоретической мысли синтетической, целостной, внутренне дифференцированной и вместе с тем единой картины объекта. Осуществление восхождения от абстрактного к конкретному предполагает, таким образом, определенный уровень развития научного познания, на основе которого оно только и возможно. По существу, восхождение от абстрактного к конкретному возможно только на теоретической стадии науки, которой предшествует длительный этап формирования исходных абстракций, первичных концептуальных моделей действительпости, типологий и т. д.

Необходимо при этом достаточно четко представлять роль предшествующего собственно восхождению от абстрактного к конкретному этапа формирования и развития исходных абстракций науки, первоначального понятийного каркаса. Гегель, безусловно, недооценивал активный творческий характер научно-познавательной деятельности на этом этапе, этапе движения от живого созерцания к абстрактному мышлению. Она отнюдь не сводится к фиксации непосредственно данных эмпирических признаков и к выделению их в виде абстрактных рассудочных определений. Дело обстоит гораздо сложнее. Построение исходных понятийных «сеток» науки, позволяющих классифицировать явления, устанавливать эмпирические зависимости и т. д., также предполагает активную работу теоретического мышления. Это наглядно можно проследить на методологической проблематике дисциплин социально-гуманитарного профиля — социологии, социальной психологии, общей психологии и т. д.

Восхождение от конкретного к абстрактному, т. е. построение исходной сетки понятий в этих научных дисциплинах, связано не просто с выделением очевидных признаков изучаемых объектов, а с критико-рефлексивным анализом того содержания, тех семантических ресурсов, которые поневоле заимствуются наукой на первоначаль-

ной ее стадии из обыденного сознания. Заимствованные из обыденного сознания термины, от которых отправляется первичный концептуальный анализ в науке, всегда имеют двойственную семантическую нагрузку: с одной стороны, экстенсивную, связанную с возможностью применения этого термина к реальным ситуациям, с другой — интенсивную, связанную с выражением абстрактного идеального содержания, воплощаемого в этом термине. В обыденном сознании оба эти семантических «параметра» даны в нерасчлененном единстве. Исходная же критико-рефлексивная установка научного сознания по отношению к используемым концептуальным средствам, предполагающая «исследование природы самих понятий» (Ф. Энгельс), направлена прежде всего на расчленение обеих этих семантических функций. Собственно научное понятие предполагает выделение некоторых эмпирических «индикаторов» и смыслового «ядра». Такое выделение эмпирических индикаторов позволяет отличить экстенсивный аспект исходной семантики термина от его смыслового содержания и в свою очередь сделать последнее предметом специального исследования. Степень разработанности, развитости этого смыслового содержания может быть весьма различной, варьируясь от еще нечеткого представления, которое подвергнуто теоретической рефлексии лишь в той мере, в какой по отношению к нему выделены некоторые эмпирические индикаторы, до теоретического, четко сформулированного понятия. Как бы то ни было, однако развитие концептуальных средств науки в ходе восхождения от конкретного к абстрактному составляет основное содержание этого процесса, его определяющую тенденцию.

Важный этап этого процесса — возникновение и развитие таких познавательных форм, как первичные объяснительные схемы и типологии, которые сейчас весьма распространены в социально-гуманитарных науках. Первичные объяснительные схемы предполагают введение некоторого изолированного фактора, служащего основанием для объяснения известной группы фактов. Таково, например, объяснение в этнографии нижнего предела количества рабочей силы в доклассовой общине при помощи введения понятия «максимальной хозяйственной функции», т. е. функции, требующей одновременного участия и объединения усилий всех членов общины. Говоря о типологиях, следует подчеркнуть, что их было бы неправильно отождествлять с эмпирическими классификациями.

Классический пример научной типологии — критерии соотнесения людей по классовой принадлежности на основе признаков класса, четкая формулировка которых в марксистской социологии, как известно, дана В. И. Лениным. В отличие от эмпирической классификации, где устойчивость свойств типа определяется путем многократного перебора, в типологии такого рода критерии выявляются логическим анализом.

Формирование исходного концептуального аппарата науки является условием и предпосылкой дальнейшего его развития и совершенствования уже в процессе восхождения от абстрактного к конкретному, т. е. в процессе воспроизведения того или иного фрагмента реальности как сложного, целостного образования посредством построения теоретических систем. Восхождение от абстрактного к конкретному представляет собой общую закономерность развития теоретического знания в тех науках, которые имеют своей задачей воспроизведение предмета как конкретной целостности, хотя, разумеется, в различных науках процесс восхождения реализуется в различных формах. Однако, несмотря на эти различия, можно выделить некоторые общие определяющие черты процесса восхождения, а именно наличие отправной теоретической конструкции («клеточки»), в которой выражается связь исходных абстракций и на основе которой разворачивается все дальнейшее исследование, сам процесс развертывания теоретической системы.

Исходную теоретическую конструкцию в «Капитале» К. Маркс дает в своей концепции единства и различия абстрактного и конкретного труда, стоимости и потребительной стоимости, исходных противоречий товарного отношения и пр. И эта синтетическая теоретическая конструкция выступает уже как основание и условие для воспроизведения реальной конкретности капиталистического общества. Важно подчеркнуть, что эта конструкция не просто набор абстракций, выработанных на предыдущих этапах исследования, относящихся к процессу восхождения от конкретного к абстрактному. Это не концептуальная сетка, дающая возможность различать и классифицировать предметы, а именно отправная теоретическая схема и связь абстракций, задающая некоторый исходный идеализированный объект, исходную теоретическую модель реальности. Идеализированные объекты и в том виде, в каком они существуют в естествознании, также играют роль исходного основания процесса восхождения от абст-

рактного к конкретному в этих науках. Их построение является показателем превращения данной отрасли знания в теоретическую дисциплину.

Каковы отправные средства и предпосылки формирования исходного теоретического объекта науки? В качестве таких предпосылок очень часто выступают идеализированные объекты других, более развитых наук. Например, идеализированные объекты гидродинамики использовались при формировании теоретического объекта электродинамики Максвелла, механические модели соударяющихся шаров — при формировании идеализированного объекта молекулярно-кинетической теории и т. д. Но следует подчеркнуть, что применение имеющихся теоретических конструкций в построении новых идеализированных объектов вовсе не носит характер автоматического переноса. Оно предполагает осмысление условий использования отправных моделей в новой ситуации и обоснование такого использования.

Исходные теоретические конструкции, составляющие основание для дальнейшего процесса восхождения от абстрактного к конкретному, задают определенные теоретические модели реальности. Интенсивный процесс создания и развития таких моделей происходит сейчас в лингвистике, семиотике, культурологии, где применяются, в частности, методы структурного исследования. Заметим кстати, что, по нашему мнению, популярность в современной науке системно-структурного подхода во многом объясняется надеждой с его помощью построить исходную теоретическую модель. Особенно это верно в отношении развивающихся научных дисциплин, перед которыми остро стоит проблема формирования своих собственных теоретических идеализированных схем.

Исходная модель, служащая основанием процесса восхождения от абстрактного к конкретному, может выступать в разных формах, содержать или не содержать математическое описание, предполагать или не предполагать тот или иной момент наглядности. Но главный, определяющий признак ее заключается в том, что она представляет собой некоторую четко фиксированную связь элементов, предполагает определенную структуру, отражающую внутренние, существенные отношения реальности. Такая структурная связь элементов, «единство многообразия», говоря языком диалектики, и составляет исходное концептуальное содержание теории, отличающее ее от концептуальных схем эмпирической стадии науки, где

понятийное содержание еще не развернуто, не дифференцировано.

Развертывание теоретической системы на основе исходной модели, т. е. собственно восхождение от абстрактного к конкретному, носит содержательно-конструктивный характер. Оно имеет определенное сходство с дедуктивно-аксиоматическим развертыванием теории, поскольку им обоим свойственно движение на основе некоторого исходного концептуального базиса. Дедуктивно-аксиоматический идеал построения теории предполагает, однако, по существу, экспликацию уже заложенного неявно в аксиомах содержания, т. е. аналитический процесс, тогда как восхождение от абстрактного к конкретному обязательно включает обогащение содержания, его конкретизацию, развитие, т. е. выступает как сложный, диалектически противоречивый аналитико-синтетический процесс. Можно указать на некоторые основные типы направленности этой конкретизации, развития исходного содержания (отнюдь не претендуя при этом на исчерпывающий характер подобной типологии).

Простейшим вариантом будет тот, в котором расширение и обогащение теоретического содержания происходит за счет распространения теории на более сложные случаи. Теория, естественно, при этом конкретизируется и развивается, но ее развитие не приводит к появлению новых теоретических моделей, частных теорий и пр. Такова была, например, конкретизация механики небесных тел, когда И. Ньютон от разработки теории для планетарной системы с фиксированным центром и одной движущейся вокруг него точкой (планетой) перешел к созданию глобальной научной системы, учитывающей не только гелиоцентрические или межпланетарные силы, но и массы небесных тел и пр. Более сложные варианты развития теоретической системы связаны с построением на основе общей модели новых, более конкретных теоретических конструкций, служащих основанием для развертывания отдельных относительно независимых теорий. Последние составляют комплекс теоретической системы, единство которой определяется исходной моделью.

Таким образом, развертывание сложных, внутренне дифференцированных теоретических систем в процессе восхождения от абстрактного к конкретному, как правило, предполагает, что новые слои и ярусы подобного рода систем сами представляют собой отдельные теории со своими исходными конструкциями, которые разрабатываются на

основе конкретизации отправных теоретических принципов системы. Классическим примером такой многоуровневой, многоярусной системы является политическая экономия капитализма, созданная К. Марксом. В ней на основе теории прибавочной стоимости развертываются такие частные теории, как теория заработной платы, прибыли, ренты и т. д.

Следует, наконец, указать и на такую ситуацию, когда под давлением новых фактов происходит перестройка исходной теоретической конструкции. В результате возникают более общие, более развитые и в этом смысле более конкретные системы, с точки зрения которых прежнюю теоретическую модель можно рассматривать как предельный случай. Конкретизация здесь направлена, так сказать, внутрь исходной теоретической системы. Характерным примером такого процесса является формирование в начале XX в. неклассических физических теорий — теории относительности и квантовой механики.

Во всех этих рассмотренных вариантах процесс конкретизации теоретического знания предполагает введение новых содержательных допущений, посылок, промежуточных объяснительных звеньев и пр. Такие положения не содержатся неявно в исходной конструкции (подобно заключению силлогизма в его посылках), а представляют собой ее расширение, дополнение и пр. Однако они генетически связаны с исходной теоретической основой и выступают как способ включения в теоретическую систему нового конкретного содержания. Зачастую они представляют собой средства разрешения антиномий — проблем, возникающих в процессе развертывания теории, а также противоречий между теорией и эмпирическими данными. Детальное исследование реальных механизмов и приемов восхождения от абстрактного к конкретному предполагает, таким образом, анализ многообразия форм и содержательно-конструктивных процессов научного мышления.

5. Категории диалектики и общенаучные понятия

Современное научное познание характеризуется рядом специфических особенностей. Оно переживает бурные, диалектически противоречивые процессы дифференциации, возникновения новых научных дисциплин, а также процессы интеграции, создания таких научных направлений, в рамках которых сотрудничают специалисты смежных, а порой и достаточно далеко отстоящих друг от друга

областей знания. В результате этого возникают новые типы и формы взаимосвязей внутри науки, обогащается и усложняется ее понятийный аппарат. Все большую роль, в частности, начинает играть тот слой научного знания, который в философско-методологической литературе принято именовать *общенаучными концепциями и понятиями*. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о том, как конкретно осуществляется в сфере познания взаимодействие между категориями материалистической диалектики, общенаучными понятиями и концепциями.

К числу общенаучных понятий можно отнести, например, такие, как информация, управление, система, структура, элемент, организация, модель, функция, обратная связь и т. д. В качестве примеров общенаучных концепций можно назвать семиотику, системный подход, теорию информации, кибернетику (если иметь в виду не прикладную, а теоретическую кибернетику, выступающую в виде совокупности принципов, которые описывают процессы управления и организации в объектах самой различной природы). Понятия и концепции такого рода, как правило, не привязаны жестко к какому-либо предметному содержанию и обладают способностью относительно свободно «мигрировать» из одной области знания в другую. Будучи наложенными на некоторое предметное содержание, они задают те исходные представления, те содержательные предпосылки, на которые опирается в дальнейшем исследование данного объекта.

Как известно, научно-теоретические знания, при всей их абстрактности, отнюдь не отделены непроходимым барьером от знаний практических, вырабатываемых и используемых в рамках повседневного опыта. В содержательном плане эта связь во многом осуществляется посредством именно тех исходных представлений, на которые опирается научное исследование данного объекта. И в этом отношении роль общенаучных понятий и концепций особенно интересна. Появление и широкое распространение в современной науке [1] такого слоя знания свидетельст-

[1] Вообще говоря, возникновение общенаучных понятий и концепций совпадает по времени с зарождением современной науки. Один из ее основоположников, Галилей, говорил, что книга Природы написана языком математики. И действительно, применение математических методов в изучении природы явилось краеугольным камнем в становлении естествознания. Но математика ведь и занимается построением таких методов и языков, которые применимы при решении множества познавательных задач, возникаю-

вует о том, что исходные представления или предпосылки конкретно-научного исследования во все большей мере задаются самой существующей системой научного знания, а доля того, что привносит в них повседневный, нетеоретизированный и несистематизированный опыт, соответственно уменьшается. С другой стороны, общенаучные понятия и концепции, поскольку они участвуют не только в процессах получения нового знания, но и в процессах его практического применения, сами, в свою очередь, становятся одним из факторов организации практической деятельности и повседневного опыта. Следовательно, они способствуют все более глубокому внедрению научного знания в жизнь человека и общества.

Теоретико-методологический статус общенаучных понятий и концепций определяется прежде всего тем, что посредством их обеспечивается тесная связь материалистической диалектики, ее категориального аппарата с современным специально-научным знанием, для которого характерны очень разнообразные функции и сложные структурные взаимозависимости. Слой общенаучных понятий, который из всего состава современного специально-научного знания наиболее близко примыкает к философскому знанию, выступает в роли своеобразного проводника, с одной стороны, обеспечивающего плодотворное воздействие материалистической диалектики на конкретные науки и, с другой стороны, позволяющего углублять и обогащать содержание законов и категорий марксистско-ленинской философии в соответствии с прогрессом научного познания.

В этом процессе взаимодействия материалистической диалектики с конкретными науками общенаучные понятия выступают как особого рода познавательные конструкции, синтезирующие в себе различные аспекты содержания целого ряда философских категорий.

Рассмотрим, к примеру, такую группу связанных между собой понятий, как система, структура и элемент. Для того чтобы раскрыть их содержание, приходится оперировать не только такими категориями, как целое и часть, близость которых к упомянутым понятиям очевидна. Помимо этого, в понятиях системы, структуры и элемента вы-

---

щих в различных областях знания,— именно поэтому многие математические понятия являются общенаучными. Вместе с тем, однако, для современного этапа развития науки характерно то, что подобного рода обобщенные методы, языки и модели создает не только математика, но и многие другие научные дисциплины.

ражаются также определенные представления о взаимосвязи необходимости и случайности, возможности и действительности, количества и качества, формы и содержания, характерной для сложных объектов самой различной природы. Так, объединение элементов в рамках целостной системы приводит к тому, что из множества возможных для каждого отдельно взятого элемента состояний реализуются лишь те, которые обеспечивают функционирование системы в целом; в то же время само такое объединение имеет не только количественную, но и качественную сторону: оно ведет к тому, что на уровне целого возникают качественно новые закономерности, отсутствующие на уровне элементов, и т. п.

Таким образом, общенаучные понятия открывают новые возможности для все более глубокого проникновения диалектико-материалистической методологии в плоть и кровь специально-научного исследования. Вместе с тем они обеспечивают более эффективное воздействие материалистической диалектики на процесс познания в частных науках, на постановку и изучение широкого круга проблем, возникающих в самых различных, подчас очень удаленных друг от друга областях науки.

Общенаучные понятия и концепции выступают также в качестве форм выражения знания, позволяющих переносить те или иные научные представления не только из одной научной дисциплины в другую, но и из сферы науки в сферу практической деятельности. В этой связи достаточно отметить тот факт, что знания такого рода и построенные на их основе исходные представления особенно интенсивно используются в прикладных науках или в проблемно-ориентированных исследованиях, когда для решения некоторой практической проблемы приходится интегрировать знания из различных отраслей науки. Здесь, таким образом, общенаучные понятия и концепции выступают в роли одного из факторов, способствующих проникновению философской культуры, в основе которой лежит мировоззрение и методология диалектического материализма, не только в научное познание, но и в социальную практику.

Выделение в современной науке специфического слоя общенаучных понятий и концепций тесно связано с наблюдаемым сегодня процессом увеличения в практике научного исследования удельного веса и значимости методологических моментов. В марксистской философской литературе уже неоднократно обращалось внимание на то,

что сами методологические знания сегодня стали дифференцированными, многоуровневыми. При этом материалистическая диалектика, обладающая своими собственными теоретическим аппаратом и содержанием, отнюдь не совпадающими с аппаратом и содержанием какой-либо специальной науки и даже всей их совокупности, выполняет методологические функции по отношению к специальнонаучному знанию в целом. Наиболее отчетливо и непосредственно эта функция реализуется именно на уровне общенаучных понятий и концепций. В свою очередь, последние служат ориентиром, в значительной мере определяющим направление движения теоретической мысли в специальных науках.

Необходимо подчеркнуть, что понятия и концепции, становящиеся впоследствии общенаучными, первоначально, как правило, возникают и применяются в рамках какой-либо частной сферы познания. Общенаучными же (т. е. относящимися сразу к целому ряду научных дисциплин; заметим кстати, что термин «общенаучный» в данном контексте отнюдь не означает отнесенности ко всем наукам без исключения, имеется в виду лишь более или менее широкая сфера применимости, не ограничиваемая дисциплинарными рамками) они становятся лишь в результате специального методологического анализа, который как бы «отщепляет» соответствующие средства познания от той конкретной ситуации, в которой они впервые были использованы, и критически исследует сферу их применимости. В ходе анализа выявляются как типы научных задач, при решении которых данные средства познания дают необходимый эффект, так и ограничения, неизбежно присущие этим средствам. Совершенно очевидно, что проведение такого методологического анализа невозможно без обращения к теоретическому аппарату диалектического материализма как общефилософской методологии.

Этот методологический анализ не просто достаточное, но существенно необходимое условие для расширения сферы применимости общенаучных понятий и концепций, для их наложения на новое предметное содержание. В противном случае их широкое использование чревато своеобразным редукционизмом. Подобные формы редукционизма, как, например, кибернетический редукционизм, одно время распространенный в биологии, психологии и социальных науках, связаны с некритическим отношением к возможностям тех или иных методов исследования, с их абсолютизацией, ведущей в конечном счете к устранению спе-

цифических теоретических проблем и самого предметного содержания некоторой конкретной области знания.

Вопрос о соотношении категорий материалистической диалектики и общенаучных понятий имеет и еще один весьма важный аспект. Дело в том, что неопозитивистски настроенные ученые нередко пытаются трактовать какую-либо группу общенаучных понятий и концепций как «новую философию», стоящую над материализмом и идеализмом и единственно соответствующую духу современной науки. Такие попытки предпринимались, в частности, на почве кибернетики, на почве общей теории систем, а в социальном познании — на почве структурно-функционального анализа и структурализма. Как показывает история развития за последние 15—20 лет общенаучных понятий и концепций, их абсолютизация всякий раз очень скоро выявляла свою несостоятельность, а философские проблемы, которые объявлялись якобы устаревшими, вновь и вновь обнаруживали свою актуальность для научного познания.

Вместе с тем чревато серьезными опасностями и игнорирование той специфической роли, которую играют в научном познании общенаучные понятия и концепции. Мы уже отмечали факт внутренней сложности и структурной дифференцированности современного научного знания; следствием этого факта является, в частности, то, что связь между самыми нижними уровнями знания, относящимися непосредственно к эмпирическим данным, с одной стороны, и аппаратом философских законов и категорий — с другой, далеко не всегда бывает прямой и очевидной, напротив, чаще она опосредствуется целым рядом промежуточных уровней знания. Поэтому попытки сразу, так сказать «в упор», выразить специально-научное содержание на языке философских категорий бывают, как правило, неконструктивными, худосочными, иллюстративными в худшем смысле этого слова. Мировоззренческая и методологическая функции материалистической диалектики выявляются и реализуются не в процессе такого «накладывания», сводящегося лишь к переименованию терминов, а в ходе анализа и исследования, фиксирующего сложный, противоречивый характер движения познания на разных его уровнях. Общенаучные понятия и концепции наиболее близки к уровню философской методологии, и именно посредством их в значительной мере осуществляется воздействие материалистической диалектики на специально-научное познание, именно в их преломлении те или иные стороны, элементы ее теоретического содержания стано-

вятся неотъемлемой частью соответствующих специально-научных теорий.

Игнорирование специфики общенаучных понятий выражается и в том, что некоторые из них подчас чересчур поспешно зачисляются в ранг философских категорий, что, по мнению некоторых авторов, и представляет собой развитие категориального аппарата диалектики. Такая точка зрения, однако, вызывает целый ряд возражений, даже если отвлечься от того, что развитие категориального аппарата, по существу, мыслится здесь чисто экстенсивно, лишь как механическое добавление к нему новых категорий.

Дело в том, что между категориями материалистической диалектики и общенаучными понятиями существуют важные различия как содержательного, так и функционального порядка. Прежде всего философские категории в снятом виде содержат исторический опыт научного познания и социальной практики, причем опыт философски отрефлектированный, переработанный. Результаты же специально-научного познания становятся элементами содержания категорий не во всей их совокупности и не автоматически, а лишь в той мере, в какой они философски переосмысливаются.

Что же касается общенаучных понятий, то в их содержании находят свое отражение результаты познания в самых различных областях современной науки (именно поэтому, кстати, они и являются благодатным полем для философского анализа научного познания). Конечно, при ретроспективном рассмотрении того или иного общенаучного понятия выявляется его достаточно длительная предыстория, в которой, однако, оно выступает не как философская категория и даже не как общенаучное понятие, а как одно из множества понятий обыденного языка либо как понятие какой-либо частной науки.

Таким образом, с известной долей условности можно говорить о том, что если философские категории обеспечивают преемственность в развитии научного знания, то общенаучные понятия, напротив, фиксируют отдельные, относительно обособленные друг от друга этапы его развития, переходы между которыми подчас носят характер научных революций. Понятно, конечно, что с развитием научного познания происходит и развитие философских категорий, выявление в их содержании все новых, более глубоких моментов. Однако развитие категорий не может однозначно зависеть от развития той или иной частной

науки и даже группы наук, ибо в противном случае философия была бы обречена плестись в хвосте у них и никоим образом не могла бы выступать в своем продуктивном, творческом качестве — в качестве всеобщей методологии.

Сказанное об отличиях между философскими категориями и общенаучными понятиями не следует понимать в том смысле, что ни одно из общенаучных понятий не может достичь статуса философской категории. Возможность этого отнюдь не исключена. Но дело в том, что данный вопрос решается не путем произвольных деклараций, а в процессе развития диалектико-материалистической философии, специально-научного знания и социальной практики, в ходе философского осмысления результатов и тенденций этого развития.

Наибольшее значение в теоретическом и методологическом отношении имеет не экстенсивный, а интенсивный путь развития категориального аппарата диалектики. Этот путь опять-таки связан с философским осмыслением научного познания и общественно-исторической практики. Такое осмысление показывает, что на разных этапах развития познания и практики различным оказывается не только содержание категорий, но и их взаимосвязи, взаимоотношения.

Если говорить, к примеру, о категориях необходимости и случайности, то в современной трактовке как их самих, так и их взаимозависимости нельзя не учитывать данных современной физики (квантовая механика, статистические теории), биологии (современный эволюционизм, популяционная генетика и др.), того богатого материала, который предоставляет социальное развитие, демонстрирующее в настоящее время колоссальное многообразие форм единого по своей сути процесса перехода от капитализма (или даже от докапиталистических общественных структур) к социализму.

Все это позволяет значительно углубить понимание сложных диалектических взаимосвязей случайности и необходимости и вместе с тем увеличивает эвристический потенциал этих категорий материалистической диалектики. Но, подчеркнем еще раз, такое углубление и развитие категориального аппарата диалектики не происходит и не может происходить путем простой ассимиляции материала конкретных наук и социальной практики — здесь требуется особый процесс философской интерпретации, философского осмысления подобного материала, причем само это осмысление должно опираться на существующий кате-

гориальный аппарат материалистической диалектики. Таково необходимое условие развития самого этого аппарата.

6. Диалектика и специальные науки о познании

Как мы видели, всеобщие законы и категории развития, формулируемые материалистической диалектикой, выражают зависимости объективной реальности и одновременно выполняют методологическую роль, служат нормативами познавательной деятельности. Вместе с тем материалистическая диалектика выступает в качестве теоретической основы всех специальных научных дисциплин, изучающих вопросы строения, развития и функционирования научного знания: науковедения, истории науки, исследований по методологии и логике научного познания, психологии научного мышления, семиотики — в той мере, в какой она касается анализа знаково-символических средств науки,— математической логики в ее приложении к некоторым методологическим проблемам науки и пр. Для того чтобы успешно выполнять свою функцию философского учения о познании, логики, теории и общей методологии познания в условиях развития современной науки, материалистическая диалектика должна опираться на результаты, достигнутые специальными науками, анализировать и философски обобщать их данные.

Характеризуя роль диалектики как *теоретической и методологической основы* различных форм специально-научного исследования познания, следует подчеркнуть, что развитие различных методов частных наук, специальных науковедческих и методологических дисциплин никоим образом не может как-то умалить значение философского учения о познании. Конечно, развитие соответствующих специальных дисциплин позволяет изучить ряд сторон познания более конкретно, детально, чем это делалось до сих пор. Но такое конкретное изучение не только не отменяет необходимости философского анализа познания с позиций материалистической диалектики, но, наоборот, стимулирует этот анализ, ставя перед ним новые вопросы или выявляя новые аспекты в традиционных, классических проблемах.

Например, развитие семиотических исследований остро поставило вопрос о роли знаково-символических средств в процессе познания, об отношении знака и образа и т. д. Прогресс современной формальной логики делает акту-

альной старую проблему об отношении фомального и содержательного в научном познании, выявляя в ней новые аспекты.

Как известно, формальная логика, долгое время развивавшаяся преимущественно в направлении математических приложений, стала активно вторгаться в совершенно новые для нее области исследования. Идеи и методы современной формальной логики были интенсивно использованы при обсуждении многих методологических проблем. Влияние современной формальной логики связано, в частности, с расширением арсенала методологических приемов (формализация, аксиоматизация, интерпретация и т. д.), с более углубленным анализом логических особенностей многих традиционно используемых методов познания (определений, объяснений и предсказаний, различных видов абстракций), с существенным расширением дедуктивных и индуктивных схем вывода и т. д.

Возросшая познавательная ценность формальной логики заставляет, при сохранении принципиальной марксистской позиции в отношении последней (понимание ее внутренней ограниченности, признание качественных различий между диалектической и формальной логиками и т. д.), уточнить те оценки возможностей формальной логики, которые вытекали из недостаточного уровня ее развития в определенную историческую эпоху (например, мнение об элементарном, «школьном» характере формальной логики, представление о том, что эта логика оперирует лишь двумя полярными оценками «да» и «нет») и т. д. Неосторожное механическое употребление таких оценок в новых исторических условиях может привести к определенным негативным последствиям, затруднить выработку правильной марксистской позиции по отношению не только к формальной логике, но и ко всем другим нефилософским приемам и методам анализа различных сторон мыслительной деятельности.

Ряд серьезных философских проблем отношения человека и машины, предела автоматизации интеллектуальных и вообще психических функций, отношения творческих и нормативно-алгоритмических методов деятельности человека выдвинула, как известно, кибернетика.

Изучение истории науки, проблемы так называемых научных революций делает чрезвычайно актуальными вопросы о противоречиях научного познания как движущей силы развития науки, о диалектике преемственности и новаторства в научном мышлении, о соотношении внеш-

них и внутренних факторов развития науки и пр. Осмысление всех этих вопросов с теоретических и методологических позиций диалектики стимулируется развитием главным образом специальных, конкретных науковедческих, методологических, историко-научных исследований.

В попытке умалить значение материалистической диалектики как учения о познании в связи с развитием специально-научных исследований проявляется, по существу, позитивистская тенденция. Философия вообще и философское учение о познании в частности, вопреки мнению позитивистов, не представляют собой некую форму знания, которая по мере развития точных специальных наук делается якобы излишней. Никакое развитие частных научных исследований в принципе не может устранить философскую проблематику, более того, оно с необходимостью актуализирует эту проблематику на новом уровне. На определенных этапах углубления в свой предмет изучение различных сторон научного познания в науковедении, методологии, логике и истории науки, психологии научного мышления и т. д. необходимо выдвигает проблемы философского характера — проблемы исследования природы научного познания в системе культуры и более широко — социально-исторической деятельности человека в целом, вопросы об отношении научного знания к действительности, о критериях его истинности, о диалектике субъекта и объекта в научном познании и пр. Иначе говоря, на какой-то стадии своего развития специально-научная рефлексия над научным познанием, его процессами и формами перерастает в высшую форму обобщения, в философскую диалектическую рефлексию.

В процессе такого перерастания, естественно, возникают известные трудности. Специально-научные исследования познания, как правило, имеют свои специфические задачи, свой угол зрения, свои особые приемы. Материалистическая диалектика выделяет конкретные точки соприкосновения философской и специально-научной проблематики, те пункты, в которых осмысление, теоретический анализ внутренних проблем данного исследования с необходимостью предполагает обращение к философии.

Таким образом, развитие специально-научных форм исследования науки отнюдь не заслоняет и не устраняет философской рефлексии над наукой, которую призвана осуществлять материалистическая диалектика. Более того, это развитие во многом определяет то, какие именно проблемы выдвигаются на передний план философского ана-

лиза научного познания и в какой конкретной форме они выступают.

Специфика материалистической диалектики как философской теории познания выражена в известной формуле В. И. Ленина: «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира» [1]. Итог, сумма, вывод, обобщение всего познавательного опыта человечества, осознания человеком оснований, средств и функций своей познавательной деятельности во всем объеме исторического опыта ее развития, диалектики субъекта и объекта. Теоретической основой этого обобщения может быть только материалистическое понимание истории. Таковы, по В. И. Ленину, исходные предпосылки философского подхода к познанию, учета его специфики.

Следует подчеркнуть, что понимание материалистической диалектики в ее функции философского учения о познании как «итога, суммы, вывода истории познания мира» с самого начала исключает трактовку ею познания в рамках какой-либо закрытой частной «модели», ограниченную в силу принципов ее построения какими-либо частными сторонами познавательного процесса. Методологическая роль диалектики по отношению к таким частным «замкнутым» моделям познания, в том числе научного познания, заключается в демонстрации преходящего, относительного, ограниченного, «конечного», как сказал бы Гегель, характера этих моделей путем обращения к богатству исторического опыта познания и выведенным на основе его изучения закономерностям. В своих глубинных теоретических основаниях философский подход к познанию заключается в том, что познание и его свойства рассматриваются не, так сказать, изнутри, а как *элемент человеческой жизнедеятельности в целом.* Именно при таком подходе проблематика анализа познания выступает как *собственно философская,* а не специально-научная рефлексия над познанием. И эта философская рефлексия над познанием представляет собой органический момент философско-мировоззренческого анализа, ибо только при таком подходе к познанию оно рассматривается с точки зрения коренных проблем отношения бытия и сознания, решения основного вопроса философии.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 84.

Глава 5

ИСТОРИЗМ КАК ПРИНЦИП ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ МИРА

Диалектика познавательного процесса, его закономерности, эвристическая роль категорий в их соотношении с общенаучными понятиями и т. п. — темы, освещающие в интегральном и вместе с тем конкретизированном виде основные вопросы развития познания. К числу таких тем, несомненно, в первую очередь относится и принцип историзма, являющийся неотъемлемой характеристикой диалектического мировоззрения.

1. Принцип историзма и диалектика исторического и логического

Существо диалектико-материалистического принципа историзма заключается в понимании объективной действительности как развивающегося целого, как сложной системы объектов, явлений и процессов, возникших в определенных условиях под влиянием определенных факторов и причин, претерпевающих изменения, в ходе которых реализуются различные тенденции их роста и развития и открываются различные перспективы их будущих состояний. В познании объективного мира, подчеркивал В. И. Ленин, нужно «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [1]. «Весь дух марксизма,— отмечал он,— вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» [2].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.
[2] Там же, т. 49, с. 329.

Вне широкой исторической перспективы, вне всего контекста, связывающего факты современности с фактами более отдаленными, сама эта современность не может быть правильно понята и оценена. Останутся нераскрытыми глубинные механизмы, образовавшиеся когда-то давно, но действующие сегодня и определяющие будущее. Так, невозможно проанализировать познавательную ситуацию, возникшую в современной квантовой механике, философскую проблематику, обсуждаемую в связи с развитием этой науки, без проникновения в ее исторические истоки, без исследования ее отношения к предшествовавшей ей классической механике. Нельзя оценить перспективы и даже выявить логическую структуру той или иной научной теории без знания ее генезиса и истории становления. Невозможно понять структуру и законы живой природы вне исследования ее генезиса. Нельзя, как на это указывал В. И. Ленин, понять современное государство и другие социальные структуры без анализа их происхождения, их развития.

Диалектико-материалистический историзм не сводится, однако, к констатации того, что *каждое явление имеет свое прошлое,* которое необходимо знать, чтобы понять как следует современное состояние этого явления. Согласно принципу историзма, современность также развивается и в этом изменении и развитии противоборствуют различные тенденции и возникают возможности их реализации, т. е. *в настоящем формируется будущее.* Осуществление принципа историзма на деле означает, что необходимо постоянно учитывать тенденции развития, наличие зародышей будущего в нынешнем состоянии объекта, понимать ограниченность и неполноту подхода к анализу явлений только с точки зрения их «ставшего» состояния. Марксистско-ленинскому историзму глубоко чужды всякие проявления фатализма, телеологизма, попытки представить историю как некий изначально заданный процесс, ведущий к определенному фиксированному статичному состоянию. История всегда динамична, насыщена борьбой различных тенденций и линий движения, через которые прокладывают себе дорогу и в которых реализуются основные объективные закономерности развития. Коренной особенностью марксистско-ленинского понимания историзма является признание закона единства и борьбы противоположностей, *внутренних противоречий* в качестве движущих сил исторического процесса.

Теоретическая мысль должна исходить из объективно-

го характера историчности реальной действительности и стремиться отразить эту историчность по возможности в ее полноте, конкретности, неповторимости. Именно поэтому принцип историзма по отношению к теоретическому познанию заключается в подчеркивании *историчности самого объекта исследования*. По существу, это имели в виду К. Маркс и Ф. Энгельс, когда они указывали: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны: до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обусловливают друг друга» [1]. Итак, *история природы и общества в их единстве и взаимодействии* — вот, так сказать, предельный объект научно-теоретического мышления. Отношение *исторического* (т. е. объективного развития природы и общества) и *логического* (т. е. теоретической мысли, направленной на отражение этого процесса) представляет собой конкретизацию общего принципа объективности истины в духе принципа историзма. Диалектика логического и исторического в этом смысле представляет собой диалектику отражения объективного мира в теоретическом сознании, рассматриваемую с точки зрения историчности объективного мира, и в этой диалектике действуют общие закономерности процесса познания.

В. И. Ленин, как известно, говоря о «Капитале» К. Маркса, указывал, с одной стороны, на то, что историческое общественное бытие никогда не может быть схвачено теоретической мыслью во всех своих деталях, а с другой — на то, что теоретическая мысль открывает законы развития, определяющие многообразие исторических изменений: «Сумму всех этих изменений во всех их разветвлениях не могли бы охватить в капиталистическом мировом хозяйстве и 70 Марксов. Самое большее, что открыты *законы* этих изменений, показана в главном и в основном *объективная* логика этих изменений и их исторического развития...» [2]

Диалектико-материалистический принцип историзма как методологический принцип познания направлен, в частности, против попыток использовать ссылки на конкретность исторического процесса в качестве оснований для идиографизма, для ограничения исторического познания

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений, с. 19.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 345.

задачами описания индивидуальных исторических явлений, для отрицания возможностей теоретических обобщений в истории, выявления законов развития. Такие попытки были характерны в свое время для неокантианства, для философии жизни, а в современной буржуазной философии они возрождаются прежде всего под знаменем герменевтики. С точки зрения материалистической диалектики в историческом познании, так же как и в научном познании вообще, действует своя диалектика эмпирического и теоретического исследования, также вырабатываются теоретические обобщения, требующие своего эмпирического обоснования, и пр.

Историческое познание, подчиняясь общим закономерностям научного мышления вообще, в то же время имеет, конечно, свою специфику. Эта специфика связана в первую очередь с взаимодействием логического и исторического методов исследования в познании развивающихся объектов. Проблему единства и различия исторического и логического методов исследования надо четко отличать от отношения исторического и логического в общегносеологическом смысле как отношения исторического бытия к теоретическому его отражению.

Понятия логического и исторического методов исследования были введены в марксистскую методологию Ф. Энгельсом при характеристике им метода исследования К. Маркса. Отмечая, что «критику политической экономии, даже согласно выработанному методу (т. е. диалектическому методу.— *Авт.*), можно было проводить двояким образом: исторически или логически», Ф. Энгельс показывает, что ввиду определенных трудностей, с которыми сталкивается историческая форма, «единственно подходящим был логический метод исследования. Но этот метод в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей. С чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы» [1].

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 497.

Ф. Энгельс, таким образом, характеризует и логический, и исторический методы как формы проявления диалектического метода, показывает их внутреннее единство и различие. Внутреннее единство логического метода К. Маркса с историческим методом (если угодно, историчность логического метода) заключается в том, что он направлен на воспроизведение в теоретической мысли сложного развивающегося целостного объекта, органической системы. Понять связи, элементы, структуры такой системы просто невозможно без учета генетических процессов, процессов возникновения ее связей, элементов, структур в контексте целого. Ее функционирование с необходимостью предполагает процессы изменения, возникновения нового, развития. Органическая система, с которой имеет дело логический метод К. Маркса, не просто сложное, внутренне дифференцированное целое, а именно исторически возникший и развивающийся организм. Органичность, целостность этой системы предполагает воспроизведение оснований и условий ее существования в единстве процессов ее функционирования, изменения и развития. Все элементы, связи, структуры такой системы представляют собой, во-первых, исторически сложившиеся образования, во-вторых, такие образования, которые и могут существовать в качестве относительно устойчивых, воспроизводящихся лишь на основе движения, изменения, развития. Такая принципиальная историчность объекта предопределяет, естественно, и направленность логики исследования.

Принципиальная историчность логического метода К. Маркса, как он был воплощен в «Капитале», отличается от таких вариантов структурно-функционального и системно-структурного исследований, которые не делают предметом специального теоретического анализа процессы возникновения и развития. В то же время надо иметь в виду, что логический метод К. Маркса направлен на отражение в мысли сложившегося целого, воспроизводящего в историческом процессе свои исходные условия и основания. Его историчность есть в первую очередь историчность воспроизведения, функционирования, а не хронология возникновения, формирования. Именно поэтому К. Маркс решительно подчеркивает, что последовательность рассмотрения сторон исследуемого им объекта — современного ему капиталистического общества — определяется их взаимоотношением в рамках сложившейся и воспроизводящей себя системы. «...Было бы неосуществимым и оши-

бочным трактовать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития» [1]. Так, необходимо, показывает К. Маркс, начинать рассмотрение с капитала, а не с земельной ренты, хотя последняя «связана с землей, этим источником всякого производства и всякого существования, и с земледелием, этой самой первой формой производства...», поскольку «капитал — это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества» [2].

Таким образом, сама по себе временна́я последовательность исторических явлений не может быть еще достаточным ориентиром для теоретического анализа их взаимоотношений в сложившейся и воспроизводящейся системе. Причина подобного несовпадения исторического и логического заключается в том, что явления, исторически предшествовавшие возникновению целостной системы, в которую они втягиваются в качестве элементов, по существу, принадлежат к другим историческим «контекстам», чем «контекст» возникшего позже организма. Торговый капитал, существующий, скажем, в азиатских деспотиях или при феодализме,— это не торговый капитал буржуазного общества. И его временно́е предшествование промышленному капиталу есть феномен не истории собственно капитализма, а «истории вообще» [3]. Историческим, которое

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 44.

[2] Там же, с. 43, 44.

[3] Подчеркивая, что последовательность рассмотрения категорий должна определяться их местом в структуре сложившегося буржуазного общества, К. Маркс в то же время отмечает, что иногда временна́я последовательность в истории может соответствовать последовательности логического рассмотрения: «Деньги могут существовать и исторически существовали раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д. С этой стороны можно, стало быть, сказать, что более простая категория может выражать собой господствующие отношения менее развитого целого или подчиненные отношения более развитого целого, т. е. отношения, которые исторически уже существовали раньше, чем целое развилось в ту сторону, которая выражена в более конкретной категории. В этом смысле ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 39).

находится в реальном соответствии с логическим сложившегося капитализма, является, скажем, процесс возникновения земельной ренты как результата ассимиляции капитализмом остатков феодального строя или процесс превращения торгового капитала в элемент капитализма. А это историческое, эти генетические процессы так или иначе учитываются при построении теории капитализма.

Вообще временна́я последовательность, выступающая как проявление генетических связей формирования, используется для решения теоретических задач. Вспомним анализ процесса «первоначального накопления» капитала, являющийся необходимым моментом теоретического исследования К. Маркса.

Для того чтобы объяснить возникновение капитала, К. Маркс должен был обратиться к рассмотрению реального исторического процесса, который создал условия генезиса капитализма: появление капитала, с одной стороны, и свободной рабочей силы — с другой. Таким образом, обращение к истории и историческому методу выступает в качестве обязательной предпосылки логического метода, но оно должно предполагать четкое уяснение того, историю чего мы собираемся исследовать. Взаимодействие логического и исторического исследования при построении теории сложного развивающегося органического целого носит, так сказать, челночный характер: для того чтобы исследовать генезис явления, необходимо иметь некоторое представление о сущности явления. Это в значительной мере гипотетическое, достаточно абстрактное представление выступает в качестве теоретической предпосылки генетического анализа. Проделанный анализ обогащает наши знания о сущности предмета и показывает недостаточность или неполноту теоретической предпосылки, которая уточняется, исправляется и пр. Уточненная предпосылка, в свою очередь, выступает как основа генетического анализа и т. д.

Представление о развитом состоянии предмета выступает как основание историко-генетического исследования. Его разработка, с одной стороны, выдвигает определенные запросы перед историческим исследованием (каковы исторические условия и механизмы возникновения данного явления?), с другой стороны, дает руководящие ориентиры для генетического анализа, для прослеживания различных связей и зависимостей в многообразии исторического материала. Развитое целое дает возможность глубже и полнее понять в истории то, что дано в ней в неразвитом виде,

в виде зародыша, в виде «намека». В то же время надо учитывать, что проекция развитого состояния на историю, на прошлое «вычерпывает» в них лишь то, что связано с развитыми конкретностями, выступающими в виде некоего эталона, дает возможность лучше и полнее понять потенции, зародыши, тенденции именно этих конкретностей. Какие-то другие тенденции и возможности такой подход не только не схватывает, но и при его неправомерной абсолютизации может затушевать, заслонить.

Иначе говоря, в методологическом плане развитое состояние — ключ к пониманию прошлого лишь в той мере, в которой прошлое выступает как генетическая предпосылка или условие появления данного развитого состояния. Но ведь в прошлом всегда существуют различные тенденции развития. Понять это многообразие форм развития можно только в том случае, если с должным вниманием отнестись к самостоятельности их существования и не стремиться модернизировать историю, подгоняя ее под какое-то представление о ее результате.

К. Маркс, показав значение исследования буржуазного общества для понимания предшествующих социальных структур, в то же время подверг резкой критике апологетические попытки классической политэкономии представить буржуазную экономику и буржуазное общество как некий естественный венец развития, эталон оценки всего исторического прошлого [1]. В отличие от взглядов буржуазных политэкономов, К. Маркс подчеркивает исторически преходящий характер капиталистических производственных отношений, которые дают ключ к пониманию прежних добуржуазных отношений лишь в той мере, в какой последние выступают в качестве генетических условий, строительного материала буржуазного общества, и, что самое главное, само это буржуазное общество является историческим этапом на пути создания бесклассового общества, общества без эксплуатации и угнетения. Развитие противоречий капитализма объективно подготавливает социалистическую революцию, осуществление которой и последующее построение социализма и коммунизма выступают в конечном счете основными ориентирами всемирно-исторического процесса. Принцип историзма, включающий анализ возникающего будущего и преемственности, связи с прошлым, сохраняет свое эвристическое значение и в исследовании развития социалистического общества, фор-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 23; там же, т. 23, с. 91.

мирования зрелого социализма и его перерастания в коммунизм.

Этот принцип применим всюду, где осуществляется развитие, переход объекта исследования из одного качественного состояния в другое. Огромную роль он играет не только в общественных науках, но и в естествознании, в особенности в таких его областях, как геология и биология. Например, само возникновение геологии как науки во многом было связано с тем, что исторический взгляд на строение Земли не только был провозглашен, но и стал методологической основой исследования геологических структур.

Историзм буквально пронизывает и науку о живом. В своем конкретном применении в биологии принцип историзма был обоснован Ч. Дарвином. Историзм Ч. Дарвина в корне перестраивал основу специальных биологических дисциплин и одновременно сам обогащался новыми результатами, добытыми этими дисциплинами с его помощью. В итоге историзм утратил многие черты, связанные со спецификой именно дарвиновской его трактовки. Современные формы исторического исследования стали значительно богаче, они дают возможность глубже проникать в тайны живой природы.

Принцип историзма помогает установить конкретные исторические состояния изучаемого объекта, исходный пункт и результат, движущие силы, самый механизм и условия процесса развития. Сравнение во времени, иначе говоря, сравнительное исследование предшествующих и последующих стадий развития объекта позволяет получить наглядную картину сложной цепи причин, закономерностей природы, общества и познания. Рассмотрение генезиса и истории изучаемого явления оказывается, следовательно, специфическим научным средством, с помощью которого достигается причинное объяснение этого явления. В решении столь разнообразных и сложных задач принцип историзма проявляет свое многогранное содержание, выступающее в форме определенных методологических требований к научному познанию, определенных способов исторического исследования.

2. Материалистическая диалектика как учение об историческом развитии познания

Принцип историзма, исторического подхода к познанию пронизывает все учение материалистической диалек-

тики о познавательном процессе. Мы уже отмечали мысль В. И. Ленина о том, что изучение истории познания выступает необходимым условием дальнейшего развития теории диалектики. Это общая установка марксистской гносеологии. Ф. Энгельс писал: «Теоретическое мышление каждой эпохи, а значит и нашей эпохи, это — исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления» [1].

Историзм материалистической диалектики и гносеологии предполагает, что вырабатываемое ею теоретическое представление о познании является *обобщением опыта развития познания, как он дан в истории культуры.* Это исходное принципиальное положение следует понимать не только в том смысле, что философско-гносеологические и методологические принципы диалектики опираются на обобщение исторического опыта мышления. Существо диалектико-материалистического историзма, в частности в понимании познания, нельзя сводить к тому, что история выступает как средство и условие постижения современности, как некоторая важная, но, так сказать, внешняя предпосылка разработки теории предмета.

Диалектико-материалистический историзм исходит, как уже указывалось выше, прежде всего из того, что теория предмета представляет собой отображение, образ исторически развивающегося целого. Изображение познания в современной точке его развития, являясь, по словам В. И. Ленина, «итогом, суммой, выводом истории познания мира», должно быть не некой закрытой системой, а моделью исторически развивающегося целого, должно схватывать развитие, его движущие силы, различные тенденции и т. д. Это процесс, в конечном счете стимулируемый и обусловливаемый постоянным развитием общественно-исторического опыта познания и заключающийся в обобщении опыта решения возникавших перед познанием задач, выявлении закономерностей таких решений, ритмов развития познавательных возможностей человечества.

Как уже подчеркивалось при общей характеристике диалектики исторического и логического, современность есть история, осуществляемая на глазах данного поколе-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 366—367.

ния. Принцип историзма утверждает, что мы не можем понять современного состояния познания, не рассматривая его как определенный этап исторического развития, как воспроизводство проблемных ситуаций истории познания. И опыт истории в этом смысле, аккумулированный и обобщенный в соответствующих теоретических понятиях и принципах диалектики (закономерности движения познания от явления к сущности, диалектика относительной и абсолютной истины, принципы восхождения от конкретно-чувственного к рационально-абстрактному и от рационально-абстрактного к рационально-конкретному, понимание воспроизводства и разрешения внутренних диалектических противоречий познания как движущих сил его развития и т. д.), является предпосылкой современного научного исследования.

Но современность с точки зрения принципа историзма не только новый этап развития, этап, в условиях которого воспроизводятся всеобщие закономерности развития познания, но и итог предыдущего развития. Учет генетических зависимостей современной стадии развития познания от предыдущих, вообще учет качественного своеобразия отдельных исторических стадий познания и их преемственности в общем процессе исторического развития является, безусловно, необходимым моментом диалектико-материалистического принципа историзма в его применении к мышлению. Эти генетические зависимости, диалектику преемственности и новизны следует иметь в виду и при выявлении возможностей познавательной деятельности на данном историческом этапе, поскольку они в известной степени ограничены ее зависимостью от прежнего опыта. В этих условиях очень важно понять специфику исторических этапов развития познания, объективного содержания встающих на той или иной стадии задач, преодолеть неосознанную инерцию старых методов и стилей мышления, иллюзии их «естественности» путем уяснения их исторической обусловленности и ограниченности.

Мы не можем полностью понять специфику современных проблем, не проследив влияния на их возникновение факторов, связанных с предыдущей историей познания, не проделав сопоставления с генетически предшествующими этапами. Те или иные особенности современного состояния познания, его структуры, функционирования могут быть адекватно поняты только в их отнесенности к целостности познавательного исторического процесса, только при их рассмотрении в перспективе его истории в целом. Имен-

но в этом случае можно выявить исходную проблемную ситуацию, способы ее решения и динамику этих способов, т. е. все те факторы исторического развития, которые предопределили данное положение дел.

Скажем, нельзя четко представить себе особенности развития теоретического аппарата науки в современном математизированном естествознании без уяснения его исторической перспективы: вследствие возникновения идеализированных теоретических конструкций и математических формализмов появляется возможность движения в теоретическом слое понятий независимо от эмпирического исследования (до известной стадии). «Отлет» теоретического исследования от эмпирии в развитом математическом естествознании воспринимается в данном случае не как аномалия, но как естественный результат развития, порождающий определенные методологические проблемы.

Говоря об истории познания, не следует противопоставлять историю науки истории философии (как это делают, например, позитивисты). По В. И. Ленину, история философии — одна из тех областей знания, «из коих должна сложиться теория познания и диалектика». Текст «Философских тетрадей» являет собой классический пример использования анализа истории философии для творческого обогащения марксистской теории диалектики. В то же время история философии важна не только как одна из областей истории познания вообще и не только как результат ее постоянного взаимодействия с естествознанием и общественными науками. История философии занимает особое место в истории познания потому, что она позволяет глубже понять исходные основы марксистского учения, а следовательно, и его сущность. Немецкая классическая философия, особенно философия Гегеля,— высшая точка в развитии домарксистской философии, непосредственный теоретический источник материалистической диалектики.

Вне критической переработки марксистской философией гегелевского наследия, анализа всемирного историко-философского процесса невозможно понять и саму специфику марксистской философии, природу материалистической диалектики, ее место в развитии мировой философской мысли. Как писал В. И. Ленин, «история философии и история социальной науки показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Марк-

са состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила» [1].

Иногда полагают, что дальнейшее обогащение материалистической диалектики может происходить только путем конкретизации и детализации ее общих положений на основе некоторых современных фактов. Развитие философии марксизма в этом случае мыслится как прогрессирующая специализация, дробление кардинальных, узловых тем на более частные вопросы и задачи. Анализ реальной исторической практики, развития философии марксизма-ленинизма опровергает подобное представление.

Осмысление социального и научного прогресса, поставленных жизнью проблем всегда приводит как к конкретизации и детализации общих философских положений диалектики, так и к их обогащению и творческому переосмыслению. Само продвижение вперед марксистско-ленинской философии в связи с социальным и научно-техническим прогрессом, расширение ее проблематики, приумножение арсенала понятий обусловливают необходимость все более углубленного понимания ее исходных теоретических основ, заложенных в произведениях классиков марксизма-ленинизма, выявления в них новых сторон, новых граней, таких методологических положений, которые дают ключ к решению современных проблем. Так, интерес к проблемам диалектики, стимулируемый прогрессом науки, побудил советских исследователей в последние годы заново проанализировать ряд положений «Философских тетрадей», что в существенной степени обогатило теорию диалектики, наше понимание принципов единства логического и исторического, единства диалектики, логики и теории познания, анализа и синтеза, взаимоотношения теории и истории диалектики, ее законов и категорий и т. д.

Не случайно сегодня жаркие идеологические дискуссии, идущие на мировой арене между марксистами и их противниками и связанные с пониманием самой природы материалистической диалектики и перспектив ее развития, касаются именно оценки классического наследия Маркса, Энгельса, Ленина, отношения марксизма к гегелевской философии. Сам факт развития марксистско-ленинской философии буржуазные и ревизионистские теоретики пытаются использовать в своих интересах, давая ложную, извращенную интерпретацию классическим текстам основоположников диалектического материализма. В этих усло-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 40.

виях особенно важной становится задача подлинно научного анализа марксистской философии, материалистической диалектики, и как преемницы всего лучшего в истории философской мысли, и как революционного переворота в миропонимании всего человечества.

Таким образом, теоретическое изучение наследия классиков марксизма-ленинизма и их предшественников, творческое осмысление истории философии с точки зрения современных проблем науки и практики, повышения действенности идеологической борьбы — это отнюдь не уход от современности в область историографии, а один из способов плодотворного развития марксистской теории диалектики.

3. Принцип историзма и развитие науки

Разработка диалектико-материалистического принципа историзма в применении к научному познанию имеет самое актуальное значение в наше время, когда с особой остротой ощущаются принципиальные сдвиги в развитии науки, когда со всей силой ставится вопрос о движущих силах и причинах научных революций, когда ясно осознается исторически преходящий характер различных стилей научного мышления и когда, самое главное, процесс изменения и развития науки перестает быть стихийным процессом. Он постепенно превращается в сознательно управляемую деятельность, осуществляемую в соответствии с заданными целями. Практическое решение этой задачи, объективно порождаемой самим ходом развития науки, в полной мере возможно только в условиях социалистического общества.

Основные черты марксистско-ленинской концепции науки и ее развития можно было бы суммировать следующим образом.

Во-первых, она анализирует весь комплекс социальных факторов и отношений, определяющих движущие силы и закономерности развития науки. Такой комплексный подход исключает эклектическую теорию равнодействия многих факторов, признавая решающую роль общественно-производственной деятельности в развитии всех сторон социальной жизни людей, в том числе и в развитии науки. В процессе такой деятельности по освоению природы создавались необходимые стимулы и предпосылки, возникла сама наука как социальный феномен. На этой же основе

в конечном счете вырабатывались характерные для данной эпохи мировоззрение и стиль мышления, соответствующая структура науки, ее главная проблематика и методы решения теоретических задач.

Во-вторых, в марксистско-ленинской концепции науки большое значение придается проблемам внутренней логики развития познания, вопросам относительной самостоятельности развития форм духовной деятельности человека. В процессе научного познания возникают многочисленные внутренние противоречия в самой науке, например противоречия между сложившимися теориями и экспериментальными данными, между новыми и старыми концепциями и идеями. Изучение такого рода внутренних противоречий в науке имеет большое значение для понимания путей и законов развития научного знания, в том числе истоков *научных революций.*

В-третьих, раскрывая объективную логику движения научного познания, марксистско-ленинская концепция науки выявляет диалектическую связь непрерывности и прерывности, преемственности и революционных преобразований в научном прогрессе.

Проблема научных революций, ныне привлекающая к себе столь большое внимание, не является неожиданной и новой для марксистской философии. В. И. Ленин еще в начале XX в. исследовал основные черты революции в естествознании того времени. Одним из кардинальных результатов осмысления революции в естествознании явился вывод о том, что прогресс научного знания подчинен общим диалектическим закономерностям, которые в развитии науки приобретают специфическую форму. Научные революции происходят закономерно и подготавливаются предшествующим процессом эволюционного, постепенного развития знания. Сколь бы долго ни продолжались эволюционные преобразования научных знаний, они с неизбежностью сменяются крутой революционной ломкой устоявшихся взглядов и традиций, за которой вновь следует эволюционное развитие, подготавливающее почву для новой революции. Анализ истории науки показывает, что современное ее состояние — это результат целой цепи научных революций, происшедших с момента зарождения естествознания.

Научные революции — вехи на пути научного прогресса. В периоды научных революций особенно ярко проявляются творческие стороны человеческого мышления, формируются наиболее фундаментальные теоретические обоб-

щения, меняется сам способ научного объяснения и ви́дения мира. «Послереволюционное» развитие науки так или иначе питается соками предшествовавшей научной революции.

Научно-техническая революция оживила и обострила интерес к классическим проблемам философского осмысления науки и практики. Одновременно она породила и продолжает порождать новые философские проблемы научно-технического прогресса.

Прежде всего научно-техническая революция значительно расширила общеисторический контекст, в котором формируется философская проблематика науки, техники, производства и вырабатывается интерпретация взаимосвязи человека, общества и природы. Научно-техническая революция, интегрируя различные начала, аспекты и факторы исторического процесса, стала своеобразным полем пересечения и активного взаимодействия философского, естественнонаучного, социального и гуманитарного знания.

Главная особенность марксистско-ленинской интерпретации научно-технической революции состоит в признании закономерности, согласно которой революции в материальном и духовном производстве тесно связаны с социальными революциями. К. Маркс и Ф. Энгельс, анализируя промышленную революцию XVIII—XIX вв., показали ее связи с социальными революциями, серия которых завершила становление капиталистического способа производства. Диалектика современной эпохи проявилась в том, что социалистическая революция предшествовала в ряде стран научно-технической революции, обеспечив тем самым необходимые социальные условия ее осуществления. В свою очередь, научно-техническая революция служит здесь средством развития и умножения достижений социальной революции. В других же странах она предваряет социальную революцию, подготавливая ее материальные предпосылки и углубляя основное противоречие капитализма. Различие в порядке следования научно-технической и социальной революций представляет собой одно из конкретных проявлений основного противоречия нашей эпохи, свидетельство многообразия современного исторического процесса. Однако и в том и в другом варианте общественного развития научно-техническая революция выступает как органическая составная часть создания материальных предпосылок коммунистического общества. Революция в производительных силах готовит новую материально-техническую базу, адекватную коммунистическому спосо-

бу производства. В этом проявляется единство исторического процесса в наше время. Марксистско-ленинская трактовка этого единства получила конкретное выражение в известной формуле об органическом соединении достижений научно-технической революции с преимуществами социализма.

Научные революции немыслимы без подготовительной работы, приходящейся на эволюционные стадии в развитии знания. Сколь бы ни было спокойным эволюционное развитие знания, оно сопряжено с открытием явлений, при объяснении которых с точки зрения господствующих теоретических концепций возникают серьезные затруднения. Открытие таких явлений сопровождается проникновением в науку идей и методов «соседних» областей исследования, стимулирует поиск новых экспериментальных приемов. Существующие теоретические представления при этом пополняются концепциями, которые впоследствии могут прийти с ними в противоречие. Революционные идеи зарождаются в различных областях естествознания. Но они так или иначе обусловлены познавательной ситуацией, складывающейся во всех науках о природе. Научная революция является средством разрешения противоречий внутри естествознания; она связана с борьбой научных школ, с изменением междисциплинарных границ, с перестройками в организации науки. Анализ природы научных революций обнаруживает тот факт, что наука представляет собой целостное образование, различные составляющие которого взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Конкретный апализ методологической и историко-научной проблематики требует уточнения и конкретизации аппарата понятий, концептуальных средств, составляющих теоретическое содержание принципа историзма. Заметим прежде всего, что отнюдь не всякое представление о генетическом характере познания можно рассматривать как признание его историчности. Так, эмпирико-индуктивистская концепция, безусловно, претендовала на разработку некоторой схемы «порождения» знания, «порождающего механизма» — «индуктивной машины», функционирующей по типу методов научной индукции. Эта «индуктивная машина» должна была перерабатывать эмпирическую информацию, поступающую к ней на «вход», в научные законы и концепции на ее «выходе». В действительности, однако, эмпирико-индуктивистская концепция оказалась не в состоянии объяснить процесс выработки теоретических обобщений, гипотез, законов, развитых теорий.

Историчность, генетичность процесса формирования теоретических законов, обобщений, концепций и пр. не сводится только к тому, что этот процесс осуществляется во времени. В основе «порождающего механизма», составляющего внутреннее содержание данного процесса, лежит историческая обусловленность тех средств и предпосылок научного мышления, которые дают возможность строить новое теоретическое знание.

Вопрос об обусловленности теоретического мышления некоторой системой исходных предпосылок, средств, установок был зафиксирован впервые в философии Кантом. «Порождающий», генетический механизм, по Канту, заключался в применении априорных исходных предпосылок к чувственно данному материалу познания, как организация и структурирование этого материала в тех формах, которые призваны были задать внутренний скелет, каркас возникающего знания, определяющий его всеобщность и необходимость. Но, согласно Канту, эти априорные структуры внеисторичны, образуют некие абсолютные нормы теоретического мышления, в чем и состояла коренная несостоятельность кантовского априоризма. По существу, априорные структуры Канта не что иное, как абсолютизированные исходные принципы и предпосылки современного ему ньютонианского естествознания и евклидовой геометрии, как мы теперь хорошо понимаем, исторически обусловленные принципы определенного стиля мышления.

В диалектической логике Гегеля категориальные структуры мышления, рассматривавшиеся Кантом в качестве априорных предпосылок формирования нового знания, сами становятся предметом исследования в их развитии, взаимопереходах и пр. Громадное историческое чутье, присущее Гегелю как философу, достаточно ярко проявилось и в рассмотрении развития логических форм познания как исторического процесса в «Феноменологии духа» и в «Науке логики». В то же время следует иметь в виду, что в своей «Науке логики», давая картину переходов одних категорий в другие, Гегель, по существу, воспроизводит не закономерное историческое развитие мышления вообще, а излагает определенную схему развертывания той категориальной системы, которая, как ему представляется, однозначно определяет основания теоретического мышления. Это фактически закрытая система. Ей присущ, безусловно, определенный телеологизм, поскольку все развертывание понятий предопределено задачей логически субординировать имеющуюся в представлении мыслителя заданную

категориальную сетку. Здесь, как и вообще в философии Гегеля, «дело логики» подменяет «логику дела», т. е. предмет развития — не познание как таковое, как оно осуществляется не только в философии, но и в специальных науках, а категориальная структура мышления, осознанная (и канонизированная!) в соответствующей философской системе.

Для К. Маркса, в отличие от Гегеля, предметом изучения выступает реальный процесс общественно-исторического развития, и логика «Капитала» — это методология конкретного творческого мышления, решающего задачи исследования реального объекта. Маркс в «Капитале» не субординирует вычлененные уже теоретическим мышлением категории, а воспроизводит реальный объект, используя сложившиеся категории и вырабатывая новые.

Процессы изменения и развития научного знания привлекают к себе в настоящее время самое пристальное внимание. В частности, в западной методологической литературе после длительного господства неопозитивизма с его принципиальным антиисторизмом большое влияние приобрели направления, подчеркивающие значение историзма для понимания методологических проблем и резко критикующие неопозитивистскую концепцию методологии науки. Эти новые направления, по существу, развиваются на стыке философии науки, науковедения и истории науки. От собственно историко-научных исследований они отличаются претензиями на достаточно широкие обобщения и в известной мере на нормативизм.

Историзм материалистической диалектики как философского учения о познании предполагает последовательное проведение принципа социально-исторической обусловленности всего человеческого познания, включая и научное, конкретный учет внутренних и внешних факторов развития научного знания, что в каждом отдельном случае представляет специальную проблему.

Безусловно, существует определенная имманентная логика развития научного знания. Как уже указывалось выше, внутренней закономерностью развития научного знания являются процессы *теоретизации науки,* все большего развития и специализации ее концептуального аппарата, движение от явления к сущности, от изучения отдельных свойств и отношений к изучению связей, а затем и систем объектов. Специфическую закономерность развития теоретического знания представляет собой восхождение от простейшего к сложному, от абстрактного к конкретному. Об-

щим механизмом развития научного знания выступает метод гипотезы в различных его видах, в том числе и математической гипотезы. Как известно, на роль гипотезы как формы развития научного мышления прозорливо указывал еще Ф. Энгельс. Следует подчеркнуть, что гипотеза не просто какая-то частная форма научного мышления, существующая наряду с другими его формами (объяснение, предвидение, идеализация, моделирование и пр.). Гипотеза скорее представляет собой необходимый момент любого творческого акта в науке, связанного с решением определенной познавательной задачи и направленного на совершенствование и развитие научного знания. Все приемы и операции мышления, поскольку они направлены на решение некоторой задачи, всегда содержат в себе момент гипотетичности своего результата.

Творческие задачи научного мышления потому и являются творческими, что имеющиеся данные никогда не могут полностью предопределить результат, хотя, разумеется, они соответствующим образом намечают направление поиска. Применение какой-либо модели в качестве средства познания данного объекта всегда включает момент известного риска, связанный с правомерностью перенесения знания о модели на моделируемый объект и пр. Решая творческую задачу, мы всегда, так сказать, достраиваем заданную ситуацию, восполняем ее, и этот конструктивный акт творчества неминуемо содержит момент известной гипотетичности принятого решения.

Внутренняя логика изменения и развития знания задает определенные объективные ориентиры познавательных процессов, обусловливает их основные тенденции. Однако реализация этих тенденций осуществляется не неким безликим «абсолютным духом», а реальными людьми, обладающими или необладающими какими-то конкретными возможностями, средствами и т. д. Действительные социально-культурные исторические условия, в которых существуют и действуют субъекты познавательной деятельности, формы их кооперации, социально обусловливаемые типы ориентаций и способностей — все это является реальными факторами, определяющими тенденции изменения и развития научного знания.

Глава 6

ПРОБЛЕМА СИСТЕМНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ И ДИАЛЕКТИКА

Принцип историзма как один из характерных для диалектики познавательного процесса тесно сопряжен с принципом системности, который в современных условиях приобрел исключительно большое значение, а потому его необходимо рассмотреть специально.

1. Принцип системности в материалистической диалектике

В теоретическом арсенале материалистической диалектики принцип всестороннего, комплексного, системного исследования изучаемого объекта занимает особое место. От абстрактных, односторонних знаний об объекте — ко все более конкретному, многоаспектному, глубокому и полному знанию о нем — такова, согласно диалектико-материалистической философии, общая направленность теоретического познания. «Отдельное бытие (предмет, явление etc.),— писал В. И. Ленин в «Философских тетрадях»,— есть (лишь) **одна сторона** идеи (истины). Для истины нужны еще другие стороны **действительности**, которые тоже лишь кажутся самостоятельными и отдельными... *Лишь в их совокупности*... и в их *отношении*... реализуется истина» [1]. Резюмируя таким образом отрывок из «Науки логики» Гегеля, В. И. Ленин показывает, что многогранность, комплексность, системность истинного знания об исследуемом объекте есть необходимое следствие и отражение системных взаимоотношений, присущих самой объективной действительности.

Идея системного строения, т. е. *внутренней упорядоченности, организованности мира,* стара по крайней мере так же, как и сама философия. Более того, само понятие

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 178.

космоса, столь ярко и красочно выражавшее эту идею в древнегреческой философии, пришло в нее из мифологии. Однако древнегреческие мыслители, всесторонне разработавшие это понятие на стихийно-диалектической основе, не смогли по вполне понятным причинам дать ему рациональное естественнонаучное толкование.

Идеалистическая диалектическая философия, хотя и внесшая, особенно в лице Лейбница, Шеллинга и Гегеля, несомненный вклад в развитие идей системности и целостности, в своем понимании этих идей апеллировала к иррациональным (или сверхрациональным), мистическим сущностям и факторам. Разумеется, естественнонаучное познание не могло принять таких представлений; вместе с тем метафизический материализм по большей части попросту игнорировал эту проблему. В результате, сталкиваясь с ней в своей реальной практике, естествознание было с неизбежностью обречено либо на механистическое решение, либо на агностицизм, что, в свою очередь, давало почву идеалистическим спекуляциям.

Последовательно научное истолкование системной организованности должно быть не просто материалистическим, но диалектико-материалистическим. Возможность такого истолкования была эмпирически, в ходе исследования конкретных научных и практических проблем продемонстрирована К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным. И первым научным исследованием, в котором в максимальной степени был реализован диалектический принцип системности, явился «Капитал» К. Маркса. В «Капитале», как и в других произведениях основоположников марксизма, нашли теоретическое воплощение многие особенности системного исследования. То же самое можно сказать и о творчестве В. И. Ленина, в частности о его работах по анализу развития капитализма в России, по изучению империализма, наконец, о последних статьях, посвященных проблемам социалистической организации народного хозяйства и жизни общества в целом.

Что касается содержания диалектико-материалистического принципа системности, то здесь надо отметить прежде всего следующее. С точки зрения домарксового обществознания ход исследования сложного социального объекта мог быть направлен лишь от частей к целому. Понимание целого, следовательно, мыслилось как простое суммирование знаний о его частях; соответственно допустимым считался только один тип детерминации — детерминация целого частями. Так, при изучении закономерно-

стей существования и развития общества в качестве исходного основания выступали знания об отдельных индивидах, об их неизменной природе. Подобный элементаризм представлялся не только единственно возможным, но и совершенно естественным направлением исследования. Иными словами, вопрос о возможности другого пути просто не возникал. К тому же этот подход был освящен авторитетом тогдашнего естествознания, в частности классической механики, которая задавала критерии научности для всех других отраслей знания и с точки зрения которой научное познание может идти лишь от частей к целому, но не наоборот.

К. Маркс, отказавшись от этой механистической и элементаристской предпосылки, предложил иной путь исследования и обосновал его необходимость, выдвинув тезис о сущности человека как о совокупности всех общественных отношений. По К. Марксу, таким образом, детерминация может иметь и в данном случае действительно имеет прямо противоположную направленность — нельзя познать часть, не опираясь при этом на некоторые знания о целом. Целое — в данном случае общество, взятое на определенном этапе его исторического развития,— оказывается не просто механическим объединением индивидов, но организованной, упорядоченной системой, в рамках которой формируются способности и потребности индивида и которая предопределяет спектр возможностей, открытых перед индивидом в его деятельности, а вместе с тем и спектр задач и целей этой деятельности. Разумеется, здесь не может быть и речи о жесткой, однозначной детерминации, о фатальной предзаданности. В отличие от вульгарного социологизма, стремящегося объяснить непосредственным воздействием социальных структур и институтов чуть ли не каждый шаг любого исторического персонажа, чуть ли не каждый изгиб мысли ученого или художника, марксизм утверждает тезис об активной и в ходе исторического процесса становящейся все более существенной роли самой личности.

При таком подходе становится более насыщенным, более «многомерным» понимание самого индивида, более широким и сложным оказывается тот круг связей, которые затрагивает его деятельность, и круг ее объективных последствий. Иными словами, получают рациональное ис толкование собственно социальные и исторические характеристики и возможности человеческой деятельности, поскольку социальные структуры и институты теперь

выступают не как нечто внеположенное по отношению к ней, а как ее собственные основания и результаты.

Поскольку поставлена под сомнение естественность и обязательность движения в исследовании исключительно от частей к целому, поскольку признается допустимым и даже необходимым движение от целого к частям, постольку возникает вопрос о способах расчленения целого, о том, что такое расчленение не может быть понято вне зависимости от каких-либо теоретических представлений о нем исследователя. Иначе говоря, сама познавательная процедура расчленения изучаемого сложного объекта должна получить специальное методологическое обоснование. И действительно, после такого обоснования марксизм вместо представления об обществе как о бесструктурном целом, составленном из отдельных индивидов (частей), вводит представление о конкретном «социальном организме» и задает теоретически содержательные расчленения этого системно-организованного объекта. Для каждого такого целого — общественно-экономической формации — характерен свой специфический способ производства, представляющий диалектическое единство производительных сил и производственных отношений; в свою очередь, последние составляют экономический базис общества, которому соответствует определенная надстройка, включающая идеологические, политические, правовые и другие социальные институты. В каждой из этих подсистем общественного целого также вычленяются ее структурные составляющие, которые теперь выглядят не просто расположенными рядом друг с другом, но находящимися в состоянии закономерной внутренней взаимосвязи и взаимодействия.

В конечном счете мы получаем знание как об устройстве социального целого, т. е. о тех факторах и механизмах, которые обеспечивают и воспроизводят саму его целостность, так и о законах его развития. «...Маркс,— писал Ленин,— положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов... возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс» [1].

Мы видим, таким образом, что в ходе разработки и применения диалектико-материалистического принципа

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.

системности получили решение те проблемы, которые ранее были недоступны научному познанию. Вместе с тем были открыты и новые методологические возможности для научного исследования, выдвинуты новые подходы к исследованию сложных объектов естественной и социальной действительности, выявлены новые стороны самих этих объектов и одновременно развиты средства их изучения. К. Маркс, следовательно, не только впервые успешно решил задачу анализа сложной системы, но и построил логико-методологические средства, необходимые для решения этой задачи. Не менее важно и то, что, подобно всякому крупному научному достижению, обеспечивающему прогрессивное развитие познания, разработка диалектико-материалистического принципа системности позволила выдвинуть перед научным познанием широкий спектр новых проблем и новых направлений исследования.

Необходимо отметить и еще одно принципиальное обстоятельство, связанное с диалектико-материалистическим пониманием системности. Напомним в этой связи мысль В. И. Ленина о внутренней близости подходов К. Маркса и Ч. Дарвина. Выше мы привели известное высказывание В. И. Ленина о взглядах К. Маркса на общество. Непосредственно перед этим высказыванием В. И. Ленин заметил: «Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними...»[1] Из сопоставления обоих высказываний со всей очевидностью вытекает, что с точки зрения диалектико-материалистической философии функционирование и организация сложного объекта должны рассматриваться в тесной связи с его изменением и развитием.

Классики марксизма-ленинизма, раскрыв объективную диалектику развития систем, вместе с тем внесли огромный вклад и в методологию их познания. Представления об общественно-экономических формациях как о сложных системах, саморазвитие которых происходит путем становления, вызревания и разрешения объективных противоречий, коренным образом изменило как методологию, так и проблематику социально-исторического познания. Основным объектом изучения для марксизма являются не изолированно рассматриваемые социальные институты и фор-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.

мы социального взаимодействия, а целостные системные образования, каждое из которых обладает своими специфическими законами строения и организации, своими возможностями и направлениями развития. Особой научной проблемой стал вопрос о генезисе таких целостностей, о путях перехода от одной формации к другой.

При таком подходе изучение исторического развития существенно усложняется, поскольку само развитие предстает как многомерный процесс, как результат взаимодействия разнонаправленных социально-классовых сил и интересов. Однако только на этом пути можно вскрыть объективные закономерности, присущие процессу развития.

В методологической литературе последних лет обсуждается вопрос о том, что важнее и правильнее — изучать структуру или эволюцию, функционирование или развитие, синхронию или диахронию. Подобная постановка вопроса представляется абстрактной. Разумеется, при решении той или иной познавательной проблемы в ходе конкретного исследования некоторого объекта может изучаться либо первая, либо вторая группа аспектов. Но в этом случае подход исследователя диктуется самой спецификой стоящей перед ним задачи, а не отвлеченными соображениями общего порядка. Что же касается исследования, направленного на воссоздание теоретической картины объекта, то здесь требование хотя бы минимальной полноты этой картины, соответствующей достигнутому уровню познания объекта, предполагает рассмотрение обоих аспектов в их взаимосвязи. Действительно, ведь развивается всегда не нечто бесформенное, а внутренне структурированный и организованный объект; более того, само развитие в своих переломных моментах выступает именно как глубокое преобразование структуры и организации, внутренних и внешних взаимосвязей объекта. В то же время, как было показано в предыдущей главе, нельзя достаточно глубоко познать и строение объекта, если не рассматривать его структуру как продукт исторического становления и как предпосылку его последующего развития. Здесь достаточно сослаться на современные космологические и космогонические теории, которые предлагают нам совершенно различные картины эволюции Вселенной, причем содержание каждой картины определяется тем или иным пониманием ее нынешнего и прошлого строения, и всякий раз с получением новых знаний о строении Вселенной приходится более или менее основательно пересматривать вопрос о ее эволюции.

Изучив и описав изолированную линию развития некоторого аспекта, некоторой стороны целого, мы тем самым, вообще говоря, еще не получаем научного знания в действительном смысле этого слова. Одно и то же явление в пределах различных систем может играть различные, а порой и прямо противоположные роли по отношению к системе в целом. Это отмечал, в частности, рецензент одного из первых русских изданий «Капитала» в отзыве, который К. Маркс охарактеризовал как удачное описание диалектического метода: «...социальные организмы отличаются друг от друга не менее глубоко, чем организмы ботанические и зоологические... Одно и то же явление, вследствие различия в строе этих организмов, разнородности их органов, различий условий, среди которых органам приходится функционировать, и т. д., подчиняется совершенно различным законам» [1]. Факторы, определяющие конкретное строение и специфическую природу данного системного целого, представляют собой, по словам К. Маркса, «то общее освещение, в сферу действия которого попали все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях. Это — тот особый эфир, который определяет удельный вес всего того, что в нем имеется» [2].

В этом смысле диалектико-материалистический историзм выступает как конкретный историзм. Классики марксизма-ленинизма в своих исследованиях никогда не отвлекались от обоих названных аспектов, и изучение внутренних противоречий и взаимозависимостей для них всегда выступало как необходимое условие выявления законов развития и объективно складывающихся путей практического преобразования объекта.

И напротив, методологические концепции, универсализирующие и абсолютизирующие один из аспектов за счет другого, всегда — и притом именно в силу такой абсолютизации — рано или поздно сталкивались с принципиально неразрешимыми для них проблемами, а следовательно, и с критикой, перед лицом которой они оказывались безоружными. Можно напомнить в этой связи о плоском позитивистском эволюционизме спенсеровского толка, некогда господствовавшем в социологии и этнографии, эволюционизме, в рамках которого эволюция отдельных социальных институтов и обычаев рассматривалась безотносительно к развитию целого, моментами которого они являются. Та-

---

[1] Цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 20—21.
[2] Там же, т. 46, ч. I, с. 43.

кая же судьба постигла и те направления эволюционной биологии, которые видели свою задачу исключительно в изображении филогенетических древ и абстрагировались от конкретных условий и обстоятельств происхождения, развития и исчезновения того или иного вида; в результате оставались вне поля зрения причины, определяющие направленность и характер эволюции в каждом конкретном случае. Место содержательного исследования внутривидовых и межвидовых системных связей здесь занимала формальная систематизация.

Абстрактность, хотя и иного типа, присуща также и работам многих современных буржуазных функционалистов и структуралистов. Первые ограничивают себя изучением тех социальных механизмов, которые способствуют (или препятствуют) сохранению стабильности существующей общественной системы, и потому не в силах отличить то, что является симптомом ее упадка, от того, что представляет собой зародыш нового, прогрессивного. Вторые рассматривают всю историю общества как бесконечное повторение и проигрывание на любом возможном материале одних и тех же неизменных мыслительных структур. Развитие же в обоих случаях оказывается необъяснимым и, более того, подчас даже провозглашается недоступным объективному научному анализу. Здесь следует подчеркнуть, что материалистическая диалектика отнюдь не отвергает самих по себе методов функционального или структурного анализа; напротив, свою методологическую функцию в отношении этих методов она видит в том, чтобы выявить их действительные познавательные возможности и их границы. Но именно для осуществления этой функции необходимо, во-первых, вскрыть и подвергнуть критике те идеологические наслоения, которые привносятся буржуазными теоретиками, применяющими данные методы, и, во-вторых, показать, что абсолютизация этих, как, впрочем, и любых других конкретно-научных методов исследования, фактически закрывает путь к продуктивному использованию их реального познавательного потенциала.

Принцип системности в применении к процессам развития позволяет зафиксировать еще один важный момент, относящийся к диалектике возможного и действительного. В ходе исследования сложно организованного целого, включающего множество взаимозависимых частей, связи между которыми, как правило, носят опосредствованный и нежесткий, вероятностный характер, обнаруживается бо-

лее или менее богатый диапазон возможных преобразований данного целого. Системное рассмотрение развития здесь связано с пониманием того, что в каждой конкретной ситуации нет единственного, однозначно предопределенного пути развития, и вместе с тем того, что структура ситуации (т. е. исторически сформировавшаяся структура объекта), взаимозависимость отдельных частей и сторон объекта накладывают определенные ограничения на возможности его дальнейшей эволюции. Иными словами, область объективно возможного здесь меньше, чем область мыслимого или абстрактно возможного. В то же время из спектра объективно возможного всегда реализуется какая-то одна актуальная линия развития объекта.

Следовательно, диалектико-материалистическое понимание системности развития позволяет разграничить то, «чего хотелось бы», с тем, что объективно возможно в силу присущих развивающемуся целому структурных ограничений. Тем самым марксизм-ленинизм противостоит утопизму и волюнтаризму, связанным с нежеланием или неумением анализировать объективно существующие возможности, учитывать те ограничения, которые накладывает сама структура ситуации, а также те многообразные последствия, которые могут быть вызваны во всех элементах системы изменением одного из них.

Вместе с тем марксизм-ленинизм противостоит и однолинейному детерминизму и фаталистическому пессимизму, равно отрицающим роль случайности и роль субъективного фактора в историческом развитии. Историческое развитие выступает в материалистической диалектике как практически-преобразующая и целесообразная деятельность общественного человека, и если существующие социальные структуры становятся тормозом на ее пути, они рано или поздно разрушаются, уступая место новым структурам. Таким образом, движение истории осуществляется именно посредством людей, ставящих и преследующих свои цели, а не на основе каких-либо внешних по отношению к их деятельности законов.

2. Системно-структурный подход и материалистическая диалектика

В настоящее время принципы системного рассмотрения объектов широко применяются в самых различных областях общественных, естественных и технических наук, в

практике социального планирования и управления в социалистическом обществе, при решении комплексных социальных проблем, при подготовке и реализации разнообразных целевых программ и т. п. Столь широкое распространение системных идей и методов является, безусловно, одним из важных направлений и вместе с тем существенным показателем процесса *диалектизации научного познания,* происходящего в современной науке.

В ходе проникновения системных принципов в научное познание сформировался системный, или, как его часто называют, системно-структурный подход. Он являет собой один из ярких примеров общенаучных концепций и в этом качестве выполняет функцию связующего звена между диалектико-материалистической философией и многими отраслями конкретно-научного знания. В частности, данный подход позволяет конкретизировать применительно к запросам той или иной научной дисциплины, той или иной области практики методологические и мировоззренческие требования, вытекающие из принципа системности как составного элемента материалистической диалектики. При этом следует сразу же отметить, что системный подход отнюдь не исчерпывает всего содержания этого принципа. Системный подход применим лишь к достаточно определенному и в этом смысле ограниченному классу объектов действительности. Он позволяет решать ограниченный, хотя и достаточно широкий, круг конкретно-научных проблем. Следовательно, он не обладает той степенью всеобщности, которая характерна для философского, диалектического принципа системности.

Большое значение системно-структурного подхода как определенного методологического принципа можно видеть на примере теоретической биологии. Некоторые ученые вообще считают, что этот подход и связанное с ним направление исследований постепенно становятся здесь центральными.

Во-первых, системно-структурный подход, включая в себя рассмотрение объекта с точки зрения взаимодействия (координации и субординации) целого и частей, элементов и подсистем, позволяет дать более многостороннее и вместе с тем универсальное определение биологической организации, с помощью которого можно исследовать живые системы на разных иерархически соподчиненных уровнях и в разных аспектах. Последнее прямо касается прежде всего, как мы видели, физико-химического исследования, получающего биологическое выражение именно с учетом

особой системной организованности процессов жизнедеятельности.

Во-вторых, если мы руководствуемся принципами системно-структурного подхода, то об организации, порядке связи и взаимодействия элементов, образующих систему, можем говорить, имея в виду уже не только строение, форму живого, но и его функции, физиологические и биохимические процессы. Перед наукой (в частности, перед теоретической биологией) открываются исключительные возможности рассматривать организацию живых систем на разных уровнях живой материи с точки зрения тех общих принципов, которые проявляются в их структуре, в отвлечении от субстратной характеристики данных систем. Эти принципы могут быть выражены как в физико-химических терминах, так и на языке математики. Они открывают широкое поле для применения системного моделирования, в особенности кибернетического.

Исходные представления и понятия, лежащие в основе системного подхода, по своему содержанию достаточно просты. Особое место среди них занимает представление о *целостности* — системное исследование всегда является исследованием некоторого конкретного объекта, так или иначе обособленного, отграниченного от других объектов и имеющего свои специфические закономерности функционирования и развития. Вместе с тем представление о целостности предполагает рассмотрение данного объекта в контексте его реальных взаимосвязей с другими объектами и не позволяет ограничиваться изолированным его изучением, а тем более изучением отдельной его стороны, отдельного его аспекта.

Понятие целостности в системном исследовании конкретизируется посредством представлений о *сложности* и об *организованности* изучаемого объекта. В соответствии с представлением о сложности те или иные воздействия на целостный объект в общем случае однозначно не определяют процессы, происходящие внутри объекта. Преобразования, которые он претерпевает, вызываются взаимодействием, взаимопереплетением внешних и внутренних факторов, причем, чем сложнее объект, тем в большей мере характер происходящих с ним преобразований определяется присущими ему внутренними закономерностями. Представление об организованности изучаемого сложного объекта предполагает, что в ходе его исследования должна учитываться внутренняя упорядоченность отношений и связей между его частями. Объект, таким образом, высту-

пает не только как сложная, но и как организованная система, характер и направление процессов в которой определяется ее структурой, понимаемой как совокупность устойчивых отношений и связей между элементами. Структурная оформленность объекта ограничивает область его возможных состояний и возможных преобразований, поскольку изменение одной части так или иначе сказывается на состоянии других частей.

Будучи по своему содержанию общенаучной, т. е. нефилософской, методологической концепцией, системный подход, однако, сохраняет тесную связь с философией. Эта связь обнаруживается не только в том, что он конкретизирует требования, вытекающие из диалектического принципа системности, и опирается на этот принцип в мировоззренческом плане, но и в том, что само развитие системного подхода ставит целый ряд философских проблем, касающихся уяснения его теоретического статуса и его места в научном познании, перспектив его разработки, анализа его конструктивных возможностей и границ его продуктивного применения. Философские позиции, исходя из которых разрабатывается проблематика системного подхода, оказывают решающее воздействие на эффективность и успешность проведения самих системных исследований. Характерно, что не только советские, но и многие зарубежные специалисты в области системного подхода видят в материалистической диалектике наиболее адекватную философскую базу для развития системных исследований. Столь же характерно и то, что неопозитивизм, долгое время практически безраздельно господствовавший в буржуазной философии науки, при столкновении с проблематикой системного подхода со всей очевидностью обнаружил свою несостоятельность.

Эта несостоятельность довольно отчетливо проявилась, в частности, в неопозитивистской трактовке функционального объяснения, широко применяемого в разных разделах современной науки — биологии, психологии, социальных науках и т. д. В них речь идет о роли или функции, которую определенное явление играет по отношению к той или иной системе, либо о последствиях этого явления для существования, функционирования или развития данной системы. Неопозитивисты, как правило, рассматривают функциональные объяснения лишь с точки зрения того, могут ли они быть заменены эквивалентными им причинно-следственными объяснениями.

В действительности же при изучении системных объ-

ектов — «организованных сложностей» — приходится рассматривать чрезвычайно многообразные и разветвленные, в том числе и содержащие замкнутые циклы (обратные связи), сети взаимозависимостей и взаимодействий, включающих наряду с причинными связями также и связи структурные, функциональные, генетические и т. д. Знания, получаемые в ходе таких исследований, будут в точном смысле этого слова научными знаниями независимо от того, согласен ли с этим неопозитивизм. Характерно, что сама возможность получения этих знаний предполагает явное или неявное проведение системной точки зрения; данное обстоятельство в полной мере осознается в материалистической диалектике. «Если,— писал К. Маркс,— в законченной буржуазной системе каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазно-экономической форме и таким образом каждое положенное есть вместе с тем и предпосылка, то это имеет место в любой органической системе. Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы» [1].

Лишь при марксистском подходе системность знания не только не исключает, а, наоборот, предполагает дальнейшее совершенствование и модификацию системы понятий. В лице материалистической диалектики современное конкретно-научное познание обретает философскую теорию, способствующую максимально продуктивному и эффективному использованию всего накопленного наукой методологического потенциала.

Система научного знания в том виде, в каком она существует в каждый данный момент своего развития, оказывает определяющее и направляющее воздействие на весь дальнейший ход научного исследования, а это значит, помимо всего прочего, что внутри самой себя она содержит импульсы отрицания своего нынешнего состояния и своей нынешней определенности, импульсы своего развития.

Сказанное означает, что глубокий переворот в научном познании — научная революция не может быть сведена ни к открытию новых фактов, ни к построению новой теории, ни к появлению нового метода исследования, вообще не может быть представлена в виде одномоментного явления.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 229.

Научная революция выступает как коренное преобразование всей системы научного знания в целом или ее достаточно обширного фрагмента, и потому она имеет свои предпосылки, вызревающие внутри этой системы на протяжении более или менее продолжительного отрезка времени. Поэтому и последствия научной революции проявляются не только непосредственно, но и опосредствованно, затрагивая все элементы системы и обнаруживаясь подчас в достаточно отдаленном будущем после того, как произошло решающее научное открытие.

Как известно, Ф. Энгельс еще во второй половине XIX в. зафиксировал первые признаки кризиса классического естествознания — кризиса, вызванного исчерпанием познавательного потенциала механистической методологии и тем, что метафизический материализм, лежавший в основе классического естествознания, все в большей мере обнаруживал свою несостоятельность перед лицом новых методологических и мировоззренческих проблем науки. Один из наиболее драматических и решающих этапов этого кризиса был тщательно проанализирован В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме». Ленин рассматривал кризис в физике. Примерно в то же время или несколько позже кризис начинает захватывать и другие области знания — в биологии возникают резкие разногласия между эволюционистами и сторонниками менделевской генетики, в психологии происходит отказ от методологии ассоцианизма и интроспекционизма, в языкознании осознавалась недостаточность сугубо описательных методов, в антропологии были поставлены под сомнение постулаты европоцентризма и связанного с ним плоского эволюционизма и т. д.

При всем разнообразии этим процессам было присуще и нечто общее, а именно: во всех случаях научное познание выплескивалось, по большей части стихийно и неосознанно, за узкие рамки механистической и элементаристской методологии. (Заметим кстати, что данное обстоятельство лишний раз свидетельствует о системности научного знания, которая проявляет себя не только в пределах отдельных его отраслей, но и в наличии взаимосвязей между ними.) Начинается поиск новых, революционных теоретических концепций и новых методологических подходов, новых способов исследования и объяснения.

Во многих отраслях знания поиск был направлен на создание познавательных средств, которые позволяли бы конкретно-научно решить проблемы целостности примени-

тельно к тому или иному классу объектов действительности. Следовательно, кризис, охвативший различные сферы научного познания, был необходимой предпосылкой для формирования идей и методов системного подхода. В то же время этого условия недостаточно, поскольку объективно были возможны и практически уже реализовывались различные пути последующего развития. Лишь некоторые из них привели в дальнейшем к становлению системного подхода как общенаучной методологической концепции.

Другой предпосылкой формирования системного подхода явилось возникновение перед научным познанием новых задач, связанных с теоретическим воспроизведением специфических закономерностей, присущих сложноорганизованным объектам, и с объединением в целостной картине, с согласованием большого объема разнородных знаний о том или ином из подобных объектов. Особенно необходимыми системные представления оказываются тогда, когда ставятся задачи не просто познания, но целенаправленного практического преобразования или конструирования сложного объекта и требуется учесть не только ближайшие, но и отдаленные последствия преобразовательной деятельности. Примером здесь могут служить задачи целенаправленного изменения среды обитания человека, ставшие сегодня столь актуальными.

Для современной науки характерно также то, что многие задачи могут быть решены лишь коллективами исследователей, включающими специалистов различных отраслей знания. В подобных ситуациях особенно настоятельной становится необходимость в выработке единого языка, единого понимания проблемы и единого представления об исследуемом объекте. Синтез частичных представлений, отражающих отдельные аспекты и стороны сложноорганизованного объекта в единой картине, осуществляется на основе системного подхода, в рамках которого изучаются общие условия и требования, необходимые для осуществления подобного синтеза.

Задачи такого рода возникают, как правило, в ответ на запросы практики, и само их возникновение свидетельствует об усиливающейся в современных условиях *связи науки с практикой*. И в этом случае, однако, возможность постановки и решения подобных задач связана с преобразованиями внутринаучного плана, а именно с появлением новых форм организации научного исследования и познавательной деятельности, с созданием наряду с традицион-

ными, дисциплинарными также и проблемно-ориентированных, междисциплинарных научных коллективов.

Таким образом, системный подход возникает в современной науке как одно из закономерных следствий развития системы научного знания. Будучи общенаучной нефилософской концепцией, он нуждается в философском обосновании как в методологическом, так и в мировоззренческом плане. В свою очередь, сам системный подход выступает в качестве одного из посредников между материалистической диалектикой и многими сферами конкретно-научного познания, одного из каналов, обеспечивающих плодотворное взаимодействие диалектики и специальных наук.

3. Системность и оптимальность в природе и обществе

Ранее, рассматривая взаимоотношения диалектических принципов системности и историзма, мы отмечали то обстоятельство, что системное исследование направлено на выявление спектра объективно возможных в данной ситуации линий развития объекта. В этой связи вполне естественно возникает вопрос о том, существуют ли критерии, определяющие направленность изменения и развития систем.

Исследования в области теории организации, кибернетики, теории управления, системного подхода и теории информации позволили установить наличие в системах самой различной природы широкого класса таких критериев. Многие из них были известны под теми или иными названиями в соответствующих научных дисциплинах достаточно давно, но при этом не осознавались как всеобщие; другие были выявлены лишь на основе исследований в указанных областях современной науки. В целом критерии подобного рода можно назвать критериями *оптимальности,* хотя иной раз предпочитают говорить в этом случае об обобщенном принципе отбора. Дело, конечно, не в названии; однако учитывая, что термин «отбор» устойчиво ассоциируется с представлением об естественном отборе в биологии, а также то, что он раскрывает лишь механизм, но не направленность рассматриваемых процессов, мы будем говорить о критериях оптимальности.

Эти критерии широко применялись уже в классическом естествознании, однако их своеобразный гносеологический и методологический статус долгое время оставался невы-

ясненным. Например, в классической механике при описании простейших механических систем пользовались такими экстремальными принципами, как принцип наименьшей траты сил, или наименьшего действия, или наименьшей работы, различные формулировки которого выдвигали П. Мопертюи, Л. Эйлер, Ж. Лагранж и У. Гамильтон. Суть этого принципа в том, что при всяком изменении в естественной системе количество действия, затрачиваемое на изменение, является минимальным.

Обычно при применении законов Ньютона задаются исходные параметры механической системы и затем на основании этих законов вычисляются траектории движения частиц, входящих в нее. При пользовании же выше названными принципами ход рассуждения иной: задается множество виртуальных (возможных) траекторий частицы, и из этого множества выбирается та траектория, для которой величина действия будет наименьшей. Такое описание принято называть «интегральным», в отличие от причинного, или ньютоновского, описания.

Сходные принципы были сформулированы и в других науках о неживой природе. В оптике известен принцип Ферма, согласно которому световой луч распространяется из одной части в другую по такому пути, для которого время прохождения луча будет минимальным. В физической химии, в соответствии с принципом Ле Шателье, изменение внешних условий вызывает в системе реакции, противодействующие производимому изменению. При изучении жидкостей используется принцип минимальной свободной поверхности жидкости, на основе которого определяется форма поверхностного слоя. Советский кристаллограф А. В. Шубников ввел для описания процессов кристаллизации «закон геометрического отбора», или принцип выживания кристаллов. Все эти принципы, подобно принципу наименьшего действия, позволяют определять направление преобразований, происходящих в той или иной системе, и потому их с полным основанием можно считать критериями оптимальности. Другая же особенность состоит в том, что они дают не детальное причинно-следственное описание и объяснение поведения отдельного элемента, а обобщенную интегральную картину перехода системы в целом от одного состояния к другому.

Мы видим, таким образом, что классическое естествознание содержало внутри себя такие постулаты, которые не могли быть объяснены и обоснованы его собственными средствами, вследствие чего они и выступали именно в ка-

честве недоказуемых постулатов. И действительно, едва ли можно считать их обоснованием выражения типа «Природа так устроена». Известно, что неопозитивизм, выступая под флагом «изгнания метафизики из науки», одним из идеалов строгой научной теории считал классическую механику. Однако, как показывает анализ, эта теория включала такие допущения, которые ортодоксальный неопозитивист неизбежно должен счесть «метафизическими». Это еще раз свидетельствует о том, что неопозитивистские критерии научности, требования строгой демаркации научного и ненаучного знания относятся к действительной науке лишь косвенным образом.

Вместе с тем своеобразие рассматриваемых принципов нередко давало повод к истолкованию их в качестве свидетельств об изначальной целесообразности, телеологичности, присущей не только органической, но и неживой природе.

При диалектико-материалистическом истолковании критерии оптимальности выступают как средство анализа и описания целостного поведения систем и вместе с тем как законы, связывающие категории возможности и действительности. В противовес классическим представлениям об однозначной детерминации они позволяют анализировать такие ситуации, такие системы, для которых характерно более или менее широкое поле возможных преобразований. Критерии оптимальности в этих случаях выражают характер и общую направленность переходов от абстрактно возможного к объективно возможному (в методологическом плане) и от объективно возможных структур — к действительно реализовавшимся структурам. Именно поэтому действие подобных критериев может быть представлено как выбор, как отбор в широком смысле слова. Следовательно, мистическая телеологическая трактовка критериев оптимальности обусловлена методологическими односторонностями классического механистического естествознания и является своеобразным дополнением этих односторонностей. С расширением методологической базы естествознания, по мере его диалектизации и проникновения в него неклассических, прежде всего системных, методов познания, обращение к телеологии становится совершенно излишним.

Сказанное имеет важное значение для биологической науки. На определенной стадии своего развития биология несла совершенно явную печать телеологизма. Однако с появлением учения Ч. Дарвина, давшего ключ к рацио-

нальному истолкованию явлений органической целесообразности в живой природе, биологическое познание получило возможность описывать и изучать эти явления без привлечения телеологических аргументов. По словам К. Маркса, «Происхождением видов» Дарвина был «впервые не только нанесен смертельный удар «телеологии» в естествознании, но и эмпирически объяснен ее рациональный смысл» [1]. Действительно, принцип естественного отбора — важнейшее звено этого учения — стал основой для рационального естественноисторического объяснения явлений приспособленности и органической целесообразности. Вместе с тем естественный отбор, который в современном его понимании определяется как дифференциальное сохранение генотипов, действует там, где происходят более или менее сильные колебания условий внешней и внутренней среды. Следовательно, естественный отбор описывает ситуации выбора между видами или внутри видов, т. е. он действует только при сопоставлении одних форм или модификаций с другими.

Но помимо этих колебаний, к которым организмы приспосабливаются в ходе естественного отбора, существуют и относительно стабильные, устойчивые физико-химические параметры и константы, такие, как сила тяготения на поверхности Земли, атмосферное давление и состав атмосферного воздуха и т. п. Совершенно очевидно, что организмы так или иначе должны быть приспособлены к действию этих параметров; в то же время дифференциальное сохранение генотипов не может служить здесь критерием перехода от возможности к действительности. Его действие начинается там, где уже есть сами эти генотипы и, следовательно, сами организмы, «вписанные» в рамки, очерчиваемые такими параметрами. Даже самый неприспособленный с точки зрения естественного отбора организм может быть тем не менее приспособленным с точки зрения этих более широких критериев оптимальности.

Роль таких критериев показана видным английским биологом и философом-марксистом Дж. Б. С. Холдейном. Он привлекает внимание к тому обстоятельству, что соотношение размеров и форм животных определяется такими факторами, как сила земного притяжения, которой обусловлены, скажем, размеры тела человека, силы поверхностного натяжения воды, ограничивающие размеры насекомых, и т. п. И здесь, как мы видим, существует рацио-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 30, с. 475.

нальное объяснение, никак не связанное с мистическими силами или телеологическими принципами.

По мере дальнейшего развития естествознания, по мере того как на смену классическому естествознанию шло естествознание современное, все более выявлялась общность критериев оптимальности, применяемых в разных научных дисциплинах. В 1866 г. Г. Гельмгольц распространил принцип наименьшего действия на некоторые немеханические явления, а в 1942 г. Р. Фейнман обнаружил его связь с квантовой механикой. Сходный принцип был использован в генетике для объяснения взаимодействия генов. Таким образом, критерии оптимальности начинают пониматься широко — как общесистемные критерии, специфически проявляющиеся в системах различных типов и различных уровней сложности. Этому в немалой степени способствовала квантовая физика, давшая единое описание корпускулярных и волновых свойств материи.

Критерии оптимальности важны также для понимания особенностей строения и формы, т. е. морфологии органических видов. Изучение этих структурных свойств, как и критериев оптимальности, которыми они обусловлены, представляет одну из актуальных проблем современной биологии.

Наконец, и у истоков живого, на уровне биологических молекул, проявляется действие критериев оптимальности. Как отмечает В. А. Энгельгардт, здесь действует физический принцип минимума свободной энергии, который выступает как ведущий фактор структуризации живых систем по крайней мере на самых первичных уровнях, приближающихся к молекулярному. Благодаря этому обеспечивается возможность «самосборки» первичных молекулярных структур живого. Таким образом, критерии оптимальности в биологии, к числу которых относится и принцип естественного отбора, позволяют дать рациональное естественнонаучное объяснение явлений приспособленности и целесообразности на различных уровнях организации живой материи.

Важную роль критерии и принципы оптимальности играют в современном социальном познании и в социальной практике, особенно в технике и в практике социально-экономического планирования и управления. В социальной сфере с особой отчетливостью проявляется то, что критерии оптимальности в сложных системах не носят абсолютного характера. Они задаются и формулируются всегда в

зависимости от конкретных условий. С усложнением систем, как правило, все более ярко выступает эта черта критериев оптимальности.

Вообще говоря, сама возможность оптимизации разнообразных процессов функционирования и развития как экономики, так и всех других сфер жизни общества тесно связана, во-первых, с тем, насколько глубоко познаны законы, управляющие этими процессами, и, во-вторых, с тем, в какой мере организация общества позволяет осуществлять его оптимальное развитие. Известно, например, что идеологи буржуазии, особенно на ранних стадиях развития капитализма, считали, что стихийно-рыночная экономика, развивающаяся на основе свободной, ничем не стесняемой конкуренции, в состоянии обеспечить оптимальные пропорции хозяйственного развития.

История капитализма воочию продемонстрировала иллюзорность этих упований. С формированием монополий, с развитием империализма все острее становились внутренние противоречия, все сокрушительнее — кризисы, сотрясавшие всю систему государственно-монополистического капитализма. В этих условиях уже нельзя стало полагаться на стихийно происходящие процессы оптимизации. Поэтому крупные монополии начинают прибегать к помощи науки, в частности математической экономики, для определения оптимальных пропорций производства и распределения своей продукции. Однако внутренние законы капиталистической общественно-экономической формации ведут к тому, что стихийность, якобы преодолеваемая в рамках отдельных монополистических объединений, с еще большей силой проявляется в общегосударственных и международных масштабах.

В полной мере обеспечить оптимальные пропорции своего развития в состоянии только общество, преодолевшее стихию частной собственности, общество, планомерно, организованно и целенаправленно контролирующее свое продвижение вперед, общество, опирающееся на прочный фундамент марксистско-ленинского учения. Все эти условия обеспечиваются при социализме. Оптимальные пропорции развития общества создаются на основе научного управления социально-экономическим развитием, на основе целеустремленной деятельности партии, вырабатывающей перспективную программу движения общества вперед, определяющей пути реализации этой программы и мобилизующей массы на достижение поставленных целей. При этом вопрос об установлении критериев оптимально-

сти на каждом этапе общественного развития решается с учетом сложившихся конкретных условий.

Если, например, рассмотреть такую систему, как народное хозяйство СССР, то обнаруживается следующее обстоятельство. На первых стадиях развития этой системы оптимальным направлением было ускоренное развитие тяжелой промышленности как базы для роста всей экономики и обеспечения обороноспособности страны в условиях враждебного окружения. На нынешнем этапе развития системы критерии оптимальности стали более сложными — они включают необходимость гармоничного, сбалансированного развития всех отраслей народного хозяйства. Кроме того, наряду с экономическими все более существенную роль играют социальные критерии развития системы, а в последние годы развитие осуществляется также и с учетом экологических критериев.

Еще одно важное обстоятельство. В сфере общественной жизни критерии оптимальности являются критериями не только научного познания, но прежде всего практического преобразования тех или иных социально-экономических, технических и других систем. Иными словами, названные критерии реализуются здесь через единство субъективных и объективных факторов общественного развития и в наиболее полной мере обнаруживают свой диалектический характер.

Таким образом, принцип системности в различных формах и весьма эффективно функционирует в природе, обществе и мышлении. Его адекватная философская интерпретация содержится в марксистско-ленинской философии, рассматривающей системность как существенный элемент, сторону материалистической диалектики. Подобно другим принципам диалектического метода, принцип системности имеет областью своего применения не только научное познание, но и практику. Последняя вообще образует фундамент теории познания и соединяет сферу объективной и субъективной диалектики. Она оказывается поэтому итогом и заключительным звеном и нашего рассмотрения теории диалектики.

Глава 7

ПРИНЦИП ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Принцип единства и взаимодействия теории и практики является коренным принципом материалистической диалектики, имеет решающее значение в познавательном процессе.

Практика, материальная деятельность людей гносеологически выступает не как полная противоположность теоретической деятельности, а как *основное звено* общей цепи процесса познания и преобразования действительности. Не следует абсолютизировать противопоставление практической и теоретической сфер деятельности людей, так как в реальной действительности они образуют диалектическое единство, не исключающее, разумеется, их различия, известной противоположности. Вне такого единства нет действительно человеческой деятельности.

Всякая человеческая деятельность, всякое преобразование налично данной природной, социальной и духовной действительности предполагает работу сознания, наличие каких-то идеальных планов, установок, целей, мотивов и пр. Естественно, это относится и к материально-преобразующей деятельности, т. е. практике в собственном смысле слова. Можно сказать, что практика всегда опосредствована сознанием, идеальным, находится с ним в органическом единстве. Однако ведущим звеном этого единства является реальное материальное преобразование действительности. В процессе такого преобразования, преодоления в нем трудностей и изменяется, совершенствуется, развивается идеальный план деятельности.

Мышление, психика человека, индивидуальное и общественное сознание с точки зрения диалектического материализма могут быть научно поняты лишь как составляющие подобного плана. Именно реализация идеальных планов и представляет собой тот мост между мышлением

и бытием, сознанием и внешним миром, идеальным и реальным, «наведение которого» всегда было непреодолимой трудностью для различных идеалистических направлений. Понимание мышления как идеального плана практической деятельности легло в основу марксистского принципа единства теории и практики.

Функционирование образов сознания, человеческих представлений, понятий и т. д. обеспечивает возможность обратных связей от действительности к нашим представлениям о ней. В ходе осуществления таких связей уточняются, пересматриваются, совершенствуются эти представления.

Диалектический материализм подчеркивает, что человек отражает действительность, не пассивно ее созерцая, а в процессе ее активного преобразования. «...Люди никоим образом не начинают с того, что «стоят в этом теоретическом отношении к *предметам внешнего мира*». Как и всякое животное, они начинают с того, чтобы *есть, пить* и т. д., т. е. не «стоять» в каком-нибудь отношении, а *активно действовать,* овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности» [1].

В. И. Ленин также неоднократно подчеркивал, что марксизм кладет практику в основание своей теории познания. «...Вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку» [2].

Вместе с развитием практики, с ее усложнением, внутренним дифференцированием развивается и человеческое мышление, сознание. Будучи поначалу вплетено в ткань реальной человеческой жизни, основу которой составляет практически-преобразовательная деятельность людей, мышление, формирование образов, понятий, идей, на определенном этапе развития общества обособляется в специализированное духовное производство. Особой формой духовного производства (наряду с искусством и др.) является научно-теоретическая деятельность, построение особой научной картины мира, отличающейся от картины мира, данной в обыденном сознании. Теория в собственном смысле слова как определенная форма организации научного знания появляется как результат углубления и

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 377.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

развития научных представлений о действительности. Связь теории с практикой все более опосредствуется применением научной картины мира. Само это применение на разных этапах развития науки носит различный характер и выступает в различных формах.

1. Понятие практики в теории диалектики

Понимание практики как выражения *материального взаимодействия субъекта и объекта* занимает исключительно важное место в системе марксистской диалектики. Не случайно в последнее время это понятие усиленно извращается философским ревизионизмом. Так, построения философских ревизионистов, направленные на подмену диалектического материализма какой-либо формой буржуазного мировоззрения, как правило, начинаются с субъективистского истолкования практики. В их представлении практика является универсальной формой деятельности человека как «родового» существа, не связанного якобы с законами социальной действительности. В противоположность этому взгляду диалектический материализм понимает практику как чувственно-предметную человеческую деятельность, направленную на преобразование природы и социальной реальности.

То или иное истолкование практики имеет важные философские следствия. Понимание практики, выработанное К. Марксом, позволило увидеть в ней такой процесс, в ходе которого человек, преобразуя действительность, вместе с тем изменяет и самого себя. В практической деятельности, опираясь на законы объективного мира, он объективирует, воплощает в жизнь свои замыслы, планы. Подобное понимание позволило раскрыть качественное отличие человеческой жизнедеятельности от природно обусловленных процессов и на этой основе принципиально иначе осмыслить ряд традиционных философских проблем, в том числе и гносеологических. Понимание социального характера практики позволяет исследователям, стоящим на марксистских позициях, не только подчеркивать включенность познания в общий процесс жизнедеятельности и его зависимость от чувственно-предметной деятельности, но и выявлять социальную опосредствованность познания, роль в нем языка, тех способов обращения с вещами, которые предметно закрепили предшествующие поколения.

Марксистское понимание практики дает возможность по-новому ориентировать исследователей в решении цело-

го ряда традиционных философских проблем, бывших камнем преткновения как для идеализма, так и для метафизического материализма. Такова, например, проблема природы идеального. В решении этого вопроса марксизм идет не по пути метафизического противопоставления материального и идеального, материально-практической и теоретической деятельности, а по пути раскрытия генетических связей между ними. Принципиальная особенность марксистской философии состоит в том, что в ней раскрыта природа идеального как особой формы деятельности, которая по своему как происхождению, так и функционированию зависит от практики преобразования реальных объектов.

Однако в связи с теми толкованиями, которые даются практике философскими ревизионистами, важно подчеркнуть и другую сторону марксистского решения проблемы отношения идеального и практики, а именно, что понимание идеального как производной от практики формы деятельности не означает тождественности идеальной и предметно-практической деятельности, теории и практики. Поэтому неправомерны утверждения философских ревизионистов о том, что, поскольку практика — это якобы синоним человеческой жизнедеятельности вообще (универсальное, свободное, творческое и самодеятельное бытие человека, как заявляют они), постольку не имеет-де смысла отличать теорию от практики и спрашивать об их взаимоотношении. Между тем, выявляя внутреннее единство теории и практики, идеальной и реальной деятельности, К. Маркс постоянно указывал на их отличие, подчеркивая в их взаимоотношении *примат практики.*

Бесспорно, человек — существо деятельное, и таковым он выступает во всех своих проявлениях, начиная от сферы материального производства и кончая сферами искусства и науки. Бесспорно и то, что всякая форма человеческой деятельности тесно связана с практическим отношением субъекта к объекту. Однако понятие практики, выработанное в марксистской философии, предполагает четкое отличие его от понятия теории. Дело в том, что идеальное лишь постольку включается как необходимый компонент в человеческую жизнь, поскольку оно в той или иной форме (нередко довольно опосредствованно) может быть использовано в практической деятельности. Именно потому, что контакт с отражаемым предметом идеальное получает только через практику, практика является подлинным критерием истинности. Если идеальная деятель-

ность направлена непосредственно на производство такого «предмета», который имеет ценность не сам по себе, а лишь как отражение другого, реального предмета, то непосредственная цель практической деятельности — преобразование реальности. Данное отличие очевидно и не может игнорироваться научной философией. Не случайно вопрос о месте идеального в структуре практической деятельности, о соотношении познания и практики, теории и чувственной деятельности всегда был и остается одной из фундаментальных философских проблем.

Важные следствия для понимания ряда принципиальных вопросов субъективной диалектики вытекают из марксистского тезиса о социальной обусловленности субъекта и его практики. В классово антагонистическом обществе действуют разные, причем противостоящие друг другу социальные группы и классы. Это обстоятельство существенным образом сказывается на характере познания людей, включенных в разные типы социальной деятельности, выражающих практику различных классов.

Существование разных типов и уровней практики приводит к тому, что в известных пределах может возникать видимость «практического подтверждения» таких теоретических построений, которые воспроизводят не подлинную действительность, а лишь ее превращенные внешние формы. Например, как показал К. Маркс, вульгарная политическая экономия, оказавшаяся неспособной вскрыть сущность капиталистических производственных отношений, вполне соответствует фетишистской практике буржуазного общества. Подобно тому как ложные представления агентов капиталистического способа производства «подтверждаются» их узкой, ограниченной практикой внутри системы отношений буржуазного общества, «подтверждаются» и построения вульгарной политической экономии, которая в теоретических понятиях регистрирует те же самые внешние связи буржуазных обывателей.

Конечно, видимость «практического подтверждения» ложных, превратных представлений о социальной действительности может существовать лишь в ограниченных пределах. Как показал К. Маркс, система капиталистических отношений собственным функционированием порождает предпосылки своей гибели. Постоянно усиливая поляризацию общества, капитализм необходимо ведет к классовой борьбе пролетариата и буржуазии, которая на определенном этапе выливается в социалистическую революцию, ликвидирующую систему буржуазных отношений.

Поэтому неизбежно наступает такой момент, когда практика людей, втянутых в капиталистическую систему, приобретая революционный характер, начинает опровергать их прежние иллюзии. Однако нельзя не признать, что в тех случаях, когда речь идет о критерии истинности социальных теорий, недостаточно довольствоваться только указанием на соответствие той или иной теории определенному виду наличной социальной практики. Следует поставить и другой вопрос: насколько данная практика выражает подлинные тенденции прогрессивного социального развития?

Понимание социально-классового характера практики, включенности познания в социальную деятельность прямо связано с марксистской трактовкой *принципа партийности* социальной теории. Исходя из интересов рабочего класса, его революционной борьбы и задач коммунистического преобразования общества, диалектический материализм получает возможность ориентации на такую практику, которая опирается на осознанное использование законов общественного развития и в силу этого дает возможность подлинно научного, объективного взгляда на действительность.

Разработка проблемы практики во всех ее аспектах неизбежно приводит к исследованию диалектики как методологической основы наук о человеке.

Именно диалектический материализм является мировоззренческой основой реального, революционного, социалистического гуманизма. В пределах марксистско-ленинской философии нет необходимости в конструировании «чистой» философской антропологии, так же как и «чистых» онтологии и гносеологии. Дело в том, что вся проблематика этой философии так или иначе связана с субъектом, человеком и человеческой деятельностью, глубокий анализ которой и служит философской предпосылкой марксистско-ленинской концепции человека и его идеалов, в частности концепции гуманизма.

2. Практика как основа, цель и средство теоретического познания

Научное познание является одной из важных форм отношения человека к действительности, окружающей его природе, одним из способов овладения ею, одной из сторон специфически человеческой деятельности. На этот факт постоянно обращал внимание В. И. Ленин, который в кон-

спекте «Науки логики» Гегеля писал: «Очень хорош § 225 **Энциклопедии,** где *«познание»* («теоретическое») и «воля», «практическая деятельность» изображены как две стороны, два метода, два средства уничтожения «односторонности» и субъективности и объективности» [1].

Известна та резкая критика, которой был подвергнут Фейербах за то, что он считал гибельным для теории путь «практического отношения к действительности»: «Фейербах хочет иметь дело с чувственными объектами, действительно отличными от мысленных объектов, но саму человеческую деятельность он берет не как *предметную* деятельность. Поэтому в «Сущности христианства» он рассматривает, как истинно человеческую, только теоретическую деятельность, тогда как практика берется и фиксируется только в грязно-торгашеской форме ее проявления» [2].

Разрыв и противопоставление практической (материальной, чувственной) и теоретической деятельности означает, следовательно, обеднение практики и одновременно лишает научное познание присущей ему предметности, активности и целенаправленности. Ведь именно практические, производственные потребности породили науку; именно они определяют цель, основное направление научных исследований, как бы опосредствованно она ни выступала в ходе этих исследований. В конечном счете от глубины и сложности практической цели (выступающей в качестве общественно необходимой потребности) зависит и общий уровень ее теоретической реализации. «Наука является *действительной* наукой лишь в том случае,— писал К. Маркс,— если она исходит из чувственности в ее двояком виде: из *чувственного* сознания и из *чувственной* потребности; следовательно, лишь в том случае, если наука исходит из природы», ибо «принимать *одну* основу для жизни, другую для *науки* — это значит с самого начала допускать ложь» [3].

Являясь источником научного познания и его целью, практическая деятельность по преобразованию природы и выступает в качестве его основы, так как от степени развития практики зависит глубина проникновения теоретического мышления в сущность изучаемых объектов. Практика, производственная деятельность людей поставляют

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 190.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 264.
[3] Там же, с. 124.

науке материально-технические средства исследований, оказывающие зачастую революционизирующее воздействие на прогресс науки. Последнее становится очевидным в наши дни, когда наука все более превращается в непосредственную производительную силу общества и в ней получает все большее развитие проективно-конструктивная функция, о которой говорилось уже выше.

Современная наука в своем функционировании предполагает «теоретически рационализированное» производство, с которым она органически объединяется в единый, общественно управляемый комплекс. Производство выступает как программируемое наукой, а наука — как непосредственно связанная с производством сфера человеческой деятельности. Сама предметная деятельность, следовательно, «одухотворяется», а теория «опредмечивается». Речь идет не просто о том, что достижения науки внедряются в производство. Это было и раньше. Речь идет о том, что возникновение целых производственных циклов и даже отраслей промышленности становится возможным на основе соответствующих научных открытий.

Достаточно вспомнить, что целые отрасли современного производства (например, атомная промышленность, электроника и т. д.) буквально родились в научных лабораториях. В то же время многие направления современной науки обязаны своим возникновением производству. Это наглядно видно, в частности, на примере кибернетики (успехи которой во многом объясняются прогрессом в области электронной промышленности), исследований в области молекулярной биологии, генетики и т. п. Такое взаимодействие, переплетение науки и производства, практической и теоретической деятельности имеет тенденцию к постоянному усилению.

Это не означает, однако, что исчезает всякое различие между теоретической и материальной, практической деятельностью, что последняя целиком поглощает первую. Наука продолжает оставаться прежде всего деятельностью по выработке все более глубокого и полного знания о действительности, воплощаемого в научной картине мира, знания систематизированного, обоснованного, постоянно развивающегося. Только в той мере и постольку, поскольку наука способна давать объективно-истинное знание действительности, познавать природу «глубже, полнее, вернее» (по выражению В. И. Ленина), она и может открывать новые перспективы перед материальным производством.

Насыщение современной «большой науки» сложной техникой (лабораторной, вычислительной и т. д.) не устраняет того принципиального обстоятельства, что эта техника является средством решения собственно-научных, а не непосредственно материально-производственных задач. Например, современный эксперимент в физике предполагает применение электронно-вычислительных машин, использование сложных ускорителей и т. д. Ныне физическая лаборатория, скажем в области физики высоких энергий, скорее напоминает цех крупного завода, чем ту классическую лабораторию, которая была характерна для XIX в., да и для первых десятилетий XX в. И тем не менее эта техническая деятельность все-таки работает не непосредственно на материальное производство, а на науку, на развитие и уточнение научных представлений о мире. Лишь в условиях тесного единства науки и производства преодолевается узкопрактический, утилитарный подход к теории, ее подчинение сугубо прикладным задачам. Наука получает возможность не только смыкаться с практикой производства, но и выходить далеко за ее пределы, учитывать перспективы ее развития, создавать теоретические «заделы», обеспечивающие прогресс производства, прокладывающие принципиально новые его пути.

Диалектическое понимание единства теории и практики учитывает и то, что практическая потребность становится побудительной причиной развития науки лишь тогда, когда она одновременно выступает и как теоретическая задача, поставленная на повестку дня самим ходом научных исследований данного исторического периода. Иначе говоря, наука должна быть подготовлена к реализации тех или иных практических целей, к осознанию их как своих собственных исследовательских целей. К этому можно было бы добавить, что, как правило, и возникающая практическая потребность испытывает на себе влияние науки, существенно ограничивается ее действительными возможностями на той или иной стадии развития.

Сейчас, как никогда, подтверждается мысль Ф. Энгельса о том, что насущные потребности практики, производства двигают вперед научное познание гораздо быстрее, чем десятки университетов, умозрительно формулирующих теоретические проблемы. Это положение, однако, отнюдь не умаляет роли теоретических исследований. Оно подчеркивает лишь, какими мощными стимулами являются для научного познания практические потребности общества на той или иной стадии его развития. Процесс познания не-

измеримо ускоряется, когда его цели формулируются уже не только с точки зрения задач развития самой теории, но и настоятельно диктуются практикой, производством.

Вместе с тем диалектически понимаемый принцип единства теории и практики предполагает, что связь науки и производства может во многих случаях не иметь непосредственного характера. Наука обладает и собственными, внутренне присущими ей закономерностями развития, относительной самостоятельностью. Она нередко решает проблемы, которые могут и не иметь непосредственного значения для текущей практики, но заключают в себе мощные потенции практического эффекта в будущем.

Органическая связь теории и практики имеет решающее значение как для естествознания, так и для общественных наук. Особенно возрастает роль передовой научной теории в эпоху созидания социалистического и коммунистического общества на основе сознательной деятельности народных масс. Как подчеркивал В. И. Ленин, «без революционной теории не может быть и революционного движения», а *«роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией»* [1].

3. Проблема доказательства. Практика — критерий истины

Огромную роль принцип единства теории и практики играет в решении проблемы доказательства истинности научного знания. Развитие современной науки выдвигает новые аспекты в вопросе о практике как *критерии истины.* Новые данные теоретического естествознания все убедительнее свидетельствуют о том, что само подтверждение теории практикой носит диалектический характер. Так, одному и тому же уровню практики могут отвечать несколько научно обоснованных гипотез. Выбор между такими гипотезами предполагает учет не только возможностей существующей практики, но и всего того опыта, который накоплен в ходе истории познания.

В частности, приобретает большое значение методологический анализ степени объяснительно-предсказательной возможности различных теорий и гипотез, их сравнительной сложности или простоты, обнаруживаемой в процессе исторического развития. Важно подчеркнуть и то, что практика не тождественна совокупности чувственных дан-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 24—25.

ных. То, что эта совокупность не может служить надежным гарантом истинности относящегося к ним теоретического знания, ярко засвидетельствовано крахом неопозитивистского принципа верификации, который претендовал на выражение духа современного естествознания, а в действительности оказался в резком противоречии с наукой. Столь же несостоятельным, как неопозитивистский верификационизм, оказывается и фальсификационизм с его отбрасыванием теории или гипотезы в силу ее несоответствия отдельным эмпирическим данным. В действительности же ни подтверждение гипотезы или теории отдельными эмпирическими фактами, ни несоответствие их последним не могут выступать в качестве основания для их безусловной и окончательной оценки. В частности,— и об этом убедительно свидетельствует опыт истории науки — обнаружение несоответствия теории или гипотезы некоторым эмпирическим данным не должно вести к отбрасыванию их, так сказать, с порога, а предполагает тщательное исследование сложившейся ситуации в методологическом плане. Выявленное противоречие теории или гипотезы эмпирическим данным может быть устранено путем уточнения их содержания, обнаружения каких-то ограничивающих условий, неявных посылок их применения, путем введения каких-то дополнительных объяснительных факторов и пр., о чем было сказано выше в связи с анализом противоречия теории и эмпирии как движущей силы развития познания.

Диалектический материализм подчеркивает, что не просто чувственный опыт, а именно практика, при этом не просто наличная, а практика, рассматриваемая как *всемирно-исторический процесс*, т. е. во всем своем бесконечном объеме, является критерием истинности знания. Это положение основывается, в частности, на понимании социально-исторической обусловленности самого чувственного опыта общественного человека.

Известно, что существует *эмпирическое доказательство*, в ходе которого осуществляется прямое обращение к данным простого или сложного наблюдения, непосредственное сопоставление имеющегося знания с этими данными. Наряду с этим видом доказательства большое значение имеет в науке *логическое*, или так называемое математическое, *доказательство*. Его отличие от эмпирического состоит в том, что в самой структуре этого вида доказательства отсутствует такое звено, как прямое обращение к фактам наблюдения.

«Эмпирическое наблюдение,— писал Ф. Энгельс,— само по себе никогда не может доказать достаточным образом необходимость. Post hoc, но не propter hoc... Это до такой степени верно, что из постоянного восхождения солнца утром вовсе не следует, что оно взойдет и завтра, и действительно, мы теперь знаем, что настанет момент, когда однажды утром солнце *не взойдет*. Но доказательство необходимости заключается в человеческой деятельности, в эксперименте, в труде: если я могу *сделать* некоторое post hoc, то оно становится тождественным с *propter hoc*» [1].

В итоге «мы находим не только то, что за известным движением следует другое движение, мы находим также, что мы в состоянии вызвать определенное движение, создав те условия, при которых оно происходит в природе; мы находим даже, что мы в состоянии вызвать такие движения, которые вовсе не встречаются в природе (промышленность),— по крайней мере, не встречаются в таком виде,— и что мы можем придать этим движениям определенные заранее направление и размеры. *Благодаря этому,* благодаря *деятельности человека* и обосновывается представление о *причинности,* представление о том, что одно движение есть *причина* другого. Правда, уже одно правильное чередование известных явлений природы может породить представление о причинности — теплота и свет, появляющиеся вместе с солнцем,— однако здесь еще нет доказательства... Но деятельность человека *производит проверку* насчет причинности» [2].

Практика выступает, следовательно, не только как основа, цель и средство научного познания, но и как всеобщий, в конечном счете решающий критерий его истинности. Теоретическое мышление воспроизводит, отражает познаваемый объект в виде системы научных абстракций, однако само по себе оно еще не является достаточным доказательством соответствия полученного знания объекту. Дело в том, что оно лишено чувственной достоверности, не имеет непосредственной связи с отражаемым объектом. Последнее, напротив, присуще практике, и именно поэтому она выступает в качестве критерия истины. «***Практика,*** — отмечал В. И. Ленин,— ***выше (теоретического) познания,*** ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности» [3]. Именно практическое преобразование реальности, применение некото-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 544.
[2] Там же, с. 544—545.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 195.

рой всеобщей формулы, вырабатываемой теоретическим познанием, в конкретных обстоятельствах позволяет соединить достоинства теоретической всеобщности с тем, что обнаруживается в непосредственной действительности. Реальная связь науки с жизнью возможна благодаря практике и через практику. «Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания» [1],— писал В. И. Ленин.

Подчеркивая, что практика является в конечном счете абсолютным критерием истинности научного знания, не следует забывать о том, что этот критерий может действовать только в историческом процессе применения научного знания в социальной жизнедеятельности.

По словам В. И. Ленина, «не надо забывать, что критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма» [2]. Поэтому в становлении и развитии знания, взятом как относительно самостоятельный процесс, действуют и *внутринаучные критерии* обоснования знания, в частности логические формы доказательства. Более того, эти формы доказательства (в связи с тем, что в современной науке наблюдается усиление роли дедуктивных методов — математизация, аксиоматизация научного знания) приобретают все возрастающее значение. К тому же и сам по себе критерий практики включается в познание посредством получаемых в итоге его применения понятий, суждений, умозаключений, где логическая правильность операций мышления выступает в качестве одного из обязательных условий истинности выводов.

На первый взгляд логическое доказательство воспринимается как некоторая противоположность эмпирическому доказательству, которое обращается к практике, эксперименту. Однако эта противоположность мнимая. На самом деле здесь имеется лишь различие в формах связи с практикой.

В случае логического доказательства эта связь имеет опосредствованный характер. Иначе говоря, практика, эк-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 145.

[2] Там же, с. 145—146.

сперимент хотя и не привлекаются прямо в ходе этого доказательства, тем не менее они и здесь фигурируют в качестве его конечной основы. Практика, эксперимент содержатся здесь «в снятом виде» в самом содержании понятий, суждений, которые выступают в качестве посылок, аргументов в ходе доказательства. Это относится не только к тем посылкам, истинность которых должна быть установлена в опыте, но и к аксиомам, и к самим законам логического мышления. «...**Практическая деятельность человека,**— писал В. И. Ленин,— **миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом**» [1].

Таким образом, логическое доказательство, логический критерий истинности могут выполнять свою роль лишь постольку, поскольку их конечной основой выступает практика, эксперимент. Тем самым логическое доказательство уже не может быть противопоставлено эмпирическому опыту, оно связано с ним, хотя и опосредствованно, не прямо. Значит, практика, материальная деятельность людей и в этом случае сохраняет свою силу в качестве критерия истинности научного знания. Универсальный характер этого критерия служит надежной опорой овладения тайнами природы, общества и мышления.

Даже в такую науку, как математика, которая рассматривалась как образец абстрактного логического познания, в связи с развитием кибернетики и вычислительной техники, внедряются методы и процедуры, предполагающие оперирование с реальными, вполне конкретными объектами. Тем самым математика уже не может считаться сферой исключительно дедуктивных методов исследования, в нее с необходимостью включается и момент индуктивного мышления.

Подчеркивая решающую роль критерия практики в познании, материалистическая диалектика не имеет ничего общего с философией прагматизма, хотя буржуазные идеологи и пытались утверждать обратное. Дело в том, что саму практику прагматизм понимает субъективистски. На этот факт, как и на противоположность материализма и прагматизма, особое внимание обращал В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» [2]. Критерий практики для прагматизма лишь синоним успеха отдельного

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 172.

[2] См. там же, т. 18, с. 363.

индивида в своем субъективном опыте. Следует отметить, что, хотя прагматизм уже дискредитировал себя как философская доктрина, его влияние в идеологической жизни буржуазного общества все еще остается достаточно заметным. Это и понятно: не ставя перед людьми принципиальных, перспективных целей, прагматизм рекомендует им руководствоваться мотивами сиюминутной личной выгоды.

Принцип единства теории и практики как один из фундаментальнейших принципов материалистической диалектики с особой силой обнаруживает свою эффективность в исследовании общественных явлений. Главное требование, которое XXV съезд КПСС сформулировал по отношению к науке, в частности к обществоведению,— это укрепление ее связи с жизнью, с практикой. Только на этом пути она может поднять эффективность и качество своих теоретических разработок и рекомендаций, преодолеть схоластическое теоретизирование. «Очевидно,— говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии,— что задачи, стоящие перед нашей общественной наукой, могут быть решены лишь при условии самой тесной ее связи с жизнью. Схоластическое теоретизирование может лишь тормозить наше движение вперед. Только связь с практикой может поднять эффективность науки, а это сегодня — одна из центральных проблем» [1].

Этот коренной для марксистско-ленинской теории тезис приобретает решающее значение в условиях научно-технической революции, когда наука становится основой планомерного развития социалистического общества по пути к коммунизму. Во все большей мере он показывает свою эффективность и в философском познании действительности, которое приобретает значение лишь тогда, когда оно идет не по пути схоластического теоретизирования, а развивается на основе анализа и обобщения конкретных фактов, процессов действительности, когда оно тысячами нитей связано с практикой, политикой нашей партии, с научно-техническим прогрессом, идейной борьбой, идущей в мире.

К сожалению, еще существует неправильное понимание соотношения критериев практической и теоретической значимости научных проблем, при котором практическое значение проблемы сводится к ее, так сказать, непосредственно-прикладной роли. Отсюда возникают две крайности, с которыми еще приходится порой сталкиваться. Одни

---

[1] Материалы XXV съезда КПСС, с. 73.

считают, что должны развиваться лишь прикладные исследования, поскольку-де только они практически полезны. Другие, также признавая практическую значимость лишь за прикладными исследованиями, противопоставляют им фундаментальные исследования, критерием которых считается лишь научная значимость.

На деле соотношение этих критериев гораздо сложнее, диалектичнее. И на это было обращено внимание XXV съездом КПСС, подчеркнувшим, с одной стороны, что практическое внедрение новых научных идей сегодня не менее важная задача, чем их разработка, а с другой — что последнее нельзя понимать как снижение интереса к фундаментальной науке. Полноводный поток научно-технического прогресса иссякнет, если его не будут постоянно питать фундаментальные исследования, которые отнюдь не противостоят, а, наоборот, содействуют решению практических задач.

Под фундаментальными исследованиями понимается разработка крупных научных проблем, связанных с познанием закономерностей развития природы и общества. Результаты таких исследований содействуют решению актуальных проблем строительства материально-технической базы коммунизма, ускорению научно-технического прогресса и росту эффективности производства, повышению благосостояния и культуры народа, формированию коммунистического мировоззрения трудящихся.

Следует особо подчеркнуть ту мысль, что между критериями практической и теоретической значимости научных проблем не существует сколько-нибудь серьезных расхождений и противоречий. Теоретически важное всегда в конечном счете оказывается и практически важным. Ведь не зря говорят, что нет ничего более практического, чем хорошая теория. Но как сделать теорию действительно «хорошей»? На каких путях можно добиться практической значимости теоретического осмысления проблемы? Для общественной теории необходимым условием продуктивного движения вперед является осознание жизненной важности решаемых ею проблем, понимание того, что полученные результаты должны стать теоретической и методологической основой реальной — материальной и духовной — деятельности людей, основой принятия ими определенных решений, основой определенного выбора, обусловливающего жизненное поведение, и т. д. Можно сказать, что, пока мы не видим этой жизненной, практической значимости наших теоретических рассуждений, мы не установим пу-

тей продвижения вперед в области самой теории, рискуем перейти на уровень пустых словесных упражнений.

В. И. Ленин любил повторять гётевские слова: «Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни». Никто не отрицает важности в науке абстрактных формулировок и выводов, фиксирующих наиболее общие стороны реальности. Но необходимо помнить, что такие формулы обладают теоретической значимостью только тогда, когда они произрастают на зеленом дереве жизни.

Это сегодня одно из актуальных общественных и партийных требований к науке, к теоретическим исследованиям, и это один из фундаментальнейших принципов материалистической диалектики. Диалектическое единство теории и практики составляет основу истинной науки, служащей человеку и обществу в их движении по пути прогресса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Даже краткий очерк теории материалистической диалектики показывает ее глубокое мировоззренческое значение, необычайную эвристическую эффективность ее законов, категорий, принципов, их обоснованную и строгую научность и, как следствие, их объективную необходимость для научного познания и основанного на нем практического действия. Жизненность диалектики как науки с каждым днем становится очевиднее. Чем же это объясняется?

Во-первых, тем, что диалектика научно выражает объективные закономерности развития в природе, обществе и мышлении. Она является незаменимым орудием научного познания и практического действия. Диалектика *мировоззренчески* и *методологически* вооружает науку и практику, нацеливая их на все новое, развивающееся, передовое.

Во-вторых, тем, что диалектика, последовательно применяя принцип историзма, открывает перспективы безграничного прогресса человечества, *с позиций передового класса* ориентирует сознание всех людей на будущее — коммунизм, когда в полной мере решаются глобальные проблемы социального и человеческого бытия.

Диалектика доказывает свою жизненность и необходимость, в-третьих, тем, что она является не какой-то очередной философской концепцией, построенной исходя из некоторых априорных принципов, а научно обоснованной и логически взаимосвязанной, органической *системой законов и категорий,* сложившейся на основе прогресса науки и практики, причем системой динамической, т. е. такой, которая и сама по себе обладает способностью бесконечно развиваться и *непрерывно развивается* в историческом времени и пространстве.

Все эти тесно взаимосвязанные характеристики материалистической диалектики, являющиеся основой ее теории, мы стремились раскрыть выше, показывая при этом

как актуальное значение диалектики, так и ее устремленность в будущее науки и практики. Мы видели, что диалектика, будучи мировоззрением и методом, в максимальной степени точно отражающим *развитие* в природе, обществе и мышлении, и сама по себе должна постоянно изменяться, перестраивая свой категориальный аппарат, вводя новые законы и понятия, по-разному (в зависимости от объекта и времени) подчеркивая их различные изменяющиеся стороны и аспекты. *История материалистической диалектики является* поэтому *необходимым компонентом ее теории,* научным отражением диалектики в действии, работающей диалектики.

И здесь особого внимания заслуживает анализ ленинского этапа, на котором были установлены новые закономерности диалектического развития, связанные с теорией и практикой победоносных социалистических революций, расколом мира на две противоположные общественно-экономические системы — социализм и капитализм — и их исторической борьбой, принимающей новые формы в современную эпоху, столь обильно дающую нам «образцы диалектики» (В. И. Ленин).

К важным жизненным проблемам современности относятся и вопросы перехода от антагонистических противоречий общественного развития, являющихся господствующими при капитализме, к неантагонистическим, которые становятся определяющими для социалистического общества; перехода от капитализма к социализму и коммунизму в мировом масштабе. Все более острыми становятся сегодня вопросы войны и мира, будущего человеческой цивилизации, связанного во многом с решением комплекса глобальных проблем (научно-технического прогресса, экономического роста, образования, сырьевой и энергетической проблем, проблемы продовольствия, роста народонаселения, охраны окружающей среды). Сложность этих проблем, имеющих многофакторную природу, является камнем преткновения для буржуазного мышления и требует комплексного, системного и в конечном счете диалектического подхода. Такой подход, следовательно, диктуется перспективными интересами общества, и диалектика показывает свою принципиальную значимость для судеб человеческой цивилизации, для судеб истории, да и самой науки, мировоззренческой и методологической основой которой она является.

Одной из очевидных особенностей современной науки является, как известно, резкое усложнение решаемых ею

проблем, причем это усложнение сопровождается, с одной стороны, углублением дифференциации, бурным ростом разного рода «субдисциплин», а с другой — интеграцией знания, рождением многочисленных «метанаук», все более явственно обнаруживающимися процессами междисциплинарного синтеза, движением к «единой науке», о которой говорил еще К. Маркс. Пожалуй, нет такой области науки, которая не была бы затронута сегодня этими процессами, поскольку они составляют внутреннее содержание научно-технической революции, ее основу, ускользающую нередко от впимания неспециалистов. Все сферы науки, хотя, разумеется, и в разной степени, включены в это движение познания в новых направлениях, движение, которое в методологическом, философском плане означает не что иное, как соединение современной науки в целом с диалектикой.

Диалектика научного познания — вот основное, главное, что в наши дни составляет фундаментальную основу методологических поисков и дискуссий, научного спора и борьбы философов-марксистов и ученых — сторонников диалектико-материалистической философии против механицизма и идеализма, против лженауки и лжефилософии, в том числе и лжедиалектики, против вульгаризации и извращения марксистско-ленинских принципов философского исследования научных проблем. В ходе этих поисков и борьбы преодолевались многие предрассудки и догмы, формировались новые традиции философствования, соединяющего диалектику со сферой научного познания. Двигаясь вперед, философы-марксисты неизменно обращались к уже имеющимся традициям, к классическому наследию марксистско-ленинской философии и отдельных наук, применяя диалектико-материалистическую методологию и опыт научного познания для анализа современных проблем.

Однако соединение диалектики с наукой — сложный и противоречивый процесс, который и сам протекает диалектически. Диалектико-материалистические принципы исследования, диалектическое мышление вырабатывается и развивается в сложном взаимодействии философии и частных наук. Нельзя упрощать этот процесс и видеть в нем только задачу пассивного «усвоения» учеными диалектики, нельзя не учитывать внутренних, объективных процессов развития самой науки, стихийно порождающих диалектику и в то же время с необходимостью толкающих ученых к сознательному овладению диалектическим мышлением.

Таким образом, процессы диалектизации той или иной науки совпадают, в сущности, с ее ростом и развитием, ее теоретизацией. Та или иная конкретная наука, двигаясь сознательно или на ощупь к диалектико-материалистической методологии, не может быть полностью построена на основе последней до тех пор, пока сама эта наука всем ходом своего развития не подойдет к указанной методологии, пока не ощутит ее не просто как тенденцию, а как свою внутреннюю потребность, вне которой невозможно продвижение вперед. При этом диалектико-материалистическая методология показывает свою эффективность не только непосредственно в тех или иных конкретных исследованиях, но прежде всего в их теоретическом синтезе, в попытках создать обобщающие концепции.

О связи процессов стихийной и сознательной диалектизации научного познания писал еще Ф. Энгельс. Анализируя тенденции современного ему естествознания, он подчеркивал постоянно, что «к диалектическому пониманию природы можно прийти, будучи вынужденным к этому накопляющимися фактами естествознания; но его можно легче достигнуть, если к диалектическому характеру этих фактов подойти с пониманием законов диалектического мышления» [1]. Обращая внимание на то, что диалектическое мышление «может проложить себе путь стихийно, просто благодаря напору самих естественнонаучных открытий» и что «это — длительный и трудный процесс, при котором приходится преодолевать бесконечное множество излишних трений», Ф. Энгельс ссылался, в частности, на биологию, где «процесс этот в значительной степени уже происходит...» [2]. Он имел в виду, как известно, революционные процессы в биологии, происходившие в связи и под влиянием создания клеточного учения и в особенности дарвиновской теории эволюции.

Основные принципы марксистского понимания диалектизации естественнонаучного знания творчески применил В. И. Ленин при анализе ситуации в физике, сложившейся на рубеже XIX—XX вв. Необходимость знания диалектики обнаружилась с особой остротой именно тогда, когда в самой физике под давлением новых открытий уже стихийно проявлялись (точнее, начали проявляться) диалектические тенденции. И Ленин вскрывает эти тенденции — отрицание неизменности известных до сих пор элементов и свойств материи, абсолютного характера важнейших и

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 14.
[2] Там же, с. 369.

основных законов, признание относительного характера наших знаний. Заключая гносеологический анализ проблемы, Ленин пишет, что, хотя «одна школа естествоиспытателей в одной отрасли естествознания» не сумела «прямо и сразу» подняться к диалектическому материализму, «этот шаг делает и сделает современная физика, но она идет к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей «конечной цели», а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом. Современная физика лежит в родах. Она рожает диалектический материализм» [1].

Теперь мы видим, что эти роды не только в физике, но и в других науках оказались весьма трудными и сложными. Это обусловлено многими факторами, и в том числе противоречивостью самого процесса развития научного познания, возникновением новых методов исследования и новых научных дисциплин не только внутри традиционных, но и на их «стыке». Оказалось, что диалектизация науки может быть достигнута лишь в ряде «поколений» научных открытий, ведущих к необходимой теоретической зрелости естественнонаучного познания.

Здесь сказалось и еще одно обстоятельство. Ф. Энгельс и В. И. Ленин, говоря о процессах сознательной диалектизации научного познания, подчеркивали, что усвоение результатов диалектической философии может лишь облегчить путь теоретического развития в науке, сильно сократить его. Но само это усвоение — сложный и длительный процесс, ибо оказались невыясненными многие формы и закономерности развития самой науки, природы научных революций. И здесь открылась новая сфера поисков, проб и ошибок, находок и неудач.

Оглядываясь назад, мы видим, что процесс диалектизации научного познания требует своего дальнейшего осознания. И многие пробы здесь заранее могут быть обречены на неудачу, если не учитывается, что этот процесс составляет более или менее длительный период истории, совпадающий с теоретическим становлением и развитием какой-либо науки, и что хотя его и можно сильно сократить, но нельзя искусственно форсировать.

Соединение диалектики с наукой заключает в себе ряд этапов и обнаруживает явные черты преемственности, определяемые логической последовательностью в историче-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 331—332.

ском формировании основных идей и концепций научной теории. Последняя не исключает, разумеется, внутренних противоречий, существенно влияющих на этот процесс. И отнюдь не только влиянием гносеологических факторов объясняются эти противоречия, но и идеологическими, мировоззренческими, наконец, социальными мотивами, взятыми в их единстве.

Ведь диалектика не только глубоко научное, но и классово-партийное мировоззрение, которое по этим причинам может вызывать противодействие у ряда ученых, например, капиталистических стран, имеющих в силу воспитания и положения в обществе иные жизненные ориентиры и социальные позиции. Мы знаем вместе с тем, что многие из этих ученых под влиянием многочисленных фактов своих специальных исследований, так сказать, «от науки» приходят к диалектико-материалистическому мировоззрению. По-видимому, этот процесс чем дальше, тем больше будет охватывать современных ученых, которые объективно и честно исходят из фактов науки, несмотря на то что они могут оказываться в резком противоречии с первоначально усвоенными, «традиционными» жизненными позициями и представлениями.

Все это и составляет сложный и многокрасочный спектр проблем, которые решаются на пути движения науки к диалектике и диалектики к науке. Синтез диалектики и науки, который, разумеется, нельзя представлять как нечто завершенное, статичное, неизбежен, и он даст новые импульсы развитию человеческого познания. Поэтому-то так важна разработка *теории материалистической диалектики* — живой, работающей диалектики как научного мировоззрения и метода познания и преобразования действительности.

Диалектика выступает в качестве мировоззрения и метода, максимально соответствующего научному стилю и самому гуманистическому характеру современной науки и культуры. Она стимулирует научный поиск и дискуссии в науке, содействует противоборству и отбору идей, ведущих познание по пути все большего проникновения в сущность явлений. И она достигает этого сугубо научными методами, ориентируясь прежде всего на те объективные процессы, которые происходят в науке и с необходимостью вынуждают ученых мыслить диалектически.

И в этом ее сила и будущее. Оно — за диалектику, оно — за историческое движение по пути социального и научного прогресса.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов 3

Введение. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА КАК НАУКА, ЕЕ МЕСТО И ФУНКЦИИ В СИСТЕМЕ ДРУГИХ НАУК 8

Глава 1. ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ И КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ КАК УЧЕНИЯ О РАЗВИТИИ 28

1. Материальное единство мира и принцип развития . . 29
2. Переход количественных изменений в качественные в процессе развития 35
3. Единство и борьба противоположностей как выражение внутреннего механизма развития 42
4. Отрицание отрицания как характеристика направленности и основных фаз развития 52
5. Диалектико-материалистический детерминизм: причинность, необходимость и случайность в процессе развития; категории формы и содержания, возможности и действительности 61
6. Особенности категориального аппарата материалистической диалектики. Эвристическая функция законов и категорий диалектики 71

Глава 2. ДИАЛЕКТИКА В ПРИРОДЕ И ОБЩЕСТВЕ . . . 84

1. Диалектическое развитие в природе . . . . . —
2. Диалектика социального развития 110
3. Диалектика развития человека 136

Глава 3. ДИАЛЕКТИКА ОБЪЕКТА И СУБЪЕКТА В ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ . . 153

1. Объект и субъект, объективное и субъективное . . . —
2. Принцип объективности рассмотрения и активная роль субъекта в познании 159
3. Диалектика цели, средства и результата; отношение целесообразности 166

Глава 4. ДИАЛЕКТИКА ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА 175

1. Единство диалектики, логики и теории познания . . —
2. Общий диалектический ход процесса познания. Живое созерцание и абстрактное мышление. Диалектика явления и сущности 178
3. Диалектика объективной, относительной и абсолютной истины 190
4. Основные закономерности развития научного познания. Переход от конкретного к абстрактному. Восхождение от абстрактного к конкретному как способ построения теоретических систем 196
5. Категории диалектики и общенаучные понятия . . . 209
6. Диалектика и специальные науки о познании . . . 217

Глава 5. ИСТОРИЗМ КАК ПРИНЦИП ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ МИРА 221

1. Принцип историзма и диалектика исторического и логического . . . . . —
2. Материалистическая диалектика как учение об историческом развитии познания 229
3. Принцип историзма и развитие науки 234

Глава 6. ПРОБЛЕМА СИСТЕМНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ И ДИАЛЕКТИКА 241

1. Принцип системности в материалистической диалектике . . . . . —
2. Системно-структурный подход и материалистическая диалектика 249
3. Системность и оптимальность в природе и обществе 256

Глава 7. ПРИНЦИП ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ 263

1. Понятие практики в теории диалектики 265
2. Практика как основа, цель и средство теоретического познания 268
3. Проблема доказательства. Практика — критерий истины 272

Заключение 280

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ДИАЛЕКТИКА

Заведующая редакцией
Р. К. Медведева
Редактор
В. Г. Голобоков
Младшие редакторы
Ж. П. Крючкова, Е. С. Молчанова
Художественный редактор
Г. Ф. Семиреченко
Технический редактор
И. А. Золотарева

ИБ № 2960
Сдано в набор 05.09.80.
Подписано в печать 20.11.80. А00203.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Условн. печ. л. 15,12. Учетно-изд. л. 16,45.
Тираж 50 тыс. экз. Заказ № 468.
Цена 1 р. 20 к.

Политиздат.
125811, ГСП, Москва, А-47,
Миусская пл., 7.

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16.